

С.В. Лёзов

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Классический сирийский язык (К.с.я.) — литературный язык арамеев-христиан Сирии и Месопотамии в I тыс. н. э., ныне мертвый. Его разговорной основой был восточноарамейский диалект г. Эдессы, современный г. Шанлиурфа (Урфа) на юго-востоке Турции. Эдесса была построена при Селевкидах в конце IV в. до н. э. и названа в честь древней столицы Македонии. В конце II в. до н. э., при распаде государства Селевкидов, Эдесса стала столицей небольшого эллинизированного царства Осроэна. Судя по данным ономастики, в Осроэне правила арабская династия, однако население было преимущественно арамейским. В начале III в. н. э. Осроэна стала провинцией Римской империи. По-сирийски город назывался *ʾorhāy*; возможно, это слово этимологически связано с названием государства Осроэна. На рубеже христианской эры Осроэна была одним из центров арамейской культурной реакции против эллинизма, с чем связано создание, еще до христианизации северной Месопотамии, литературного языка на базе разговорного восточноарамейского диалекта Эдессы. Этот литературный язык был весьма близок к К.с.я., см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

К.с.я. возник как литературный язык арамеев-христиан Осроэны. Вероятно, его первые памятники появились в III в. н. э., в эпоху первоначального распространения христианства в этом регионе. В IV в., когда христианство получило статус важнейшей (а затем и государственной) религии Римской империи, К.с.я. стал общим литературным языком арамеев-христиан Сирии и Месопотамии, говоривших на разных арамейских языках. На К.с.я. создана обширная оригинальная и переводная литература, обладающая большой ценностью для изучения истории и интеллектуальной культуры Ближнего Востока I тыс. христианской эры. Кроме религиозных текстов, до нас дошли сочинения различной тематики (в частности, исторические и естественнонаучные труды), созданные в рамках христианской арамейской цивилизации. Возвышение диалекта Эдессы до статуса литературного языка объясняется тем, что Эдесса стала культурным центром всего арамейского христианства.

Помимо текстов, составляющих «официальную» христианскую традицию и в большинстве своем дошедших до нас в рукописях, датируемых последней третью I тыс. и II тыс., к корпусу К.с.я. обычно относят и небольшое эпиграфическое собрание, включающее несколько десятков заклинательных текстов с чертами религиозного синкретизма; в основном это так называемые «магические чаши», то есть амулеты в форме глиняных чаш, изнутри записанных чернилами. Такого рода эпиграфические тексты известны и на двух других восточных среднеарамейских языках, классическом мандейском и иудейском вавилонском арамейском (о «магических чашах» на этих языках см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). Принято считать, что дошедшие до нас магические чаши на К.с.я. были записаны в первые десятилетия VII в.

После завоевания Месопотамии арабами (в середине VII в. н. э.) родным языком большей части семитского населения этого региона довольно быстро стал арабский.

Однако К.с.я. в течение столетий оставался главным письменным языком в арамейских христианских общинах (см. 1.2.1.), в VIII–XIII вв. на нем еще создавались значительные литературные произведения. Знание К.с.я. в той иной мере поддерживается в этих общинах и в наши дни. К.с.я. употребляется в литургии, иногда также в церковной периодике и даже в устной форме — как лингва франка для клириков, родными языками которых могут быть разные восточные новоарамейские диалекты, арабские диалекты или курдский язык.

1.1.1. Варианты названия: по-сирийски К.с.я. называется *leššānā suryāyā* ‘сирийский язык’, где *suryāyā* — относительное прилагательное ‘сирийский’ и, при субстантивации, этноним ‘сириец’. В качестве названия К.с.я. употреблялся также лингвоним *leššānā ʔarāmāyā* ‘арамейский язык’, который соответствует этническому самоназванию его носителей — *ʔarāmāyē* ‘арамеи’.

Вероятно, фонетическая форма этнонима *ʔarāmāyē* представляет собой результат искусственного изменения этимологически первичного облика этого слова — *ʔarmāyē*, которое в своем исходном виде приобрело в К.с.я. значение ‘арамеи, не принявшие христианство’ и просто ‘язычники’. Так, в переводах Нового Завета на К.с.я. *ʔarmāyē* употребляется как эквивалент греческого слова ἑλλήνες ‘эллины’, которое в новозаветном греческом значит ‘язычники’, ‘неевреи’.

Другие автохтонные названия К.с.я. — *tamlā ʔorhāyā* ‘эдесский диалект’ и *leššānā nahrāyā* ‘месопотамский язык’. В эпоху расцвета К.с.я. (IV–VI вв. н. э.) его называли по-гречески ἡ Συριακή φωνή ‘сирийский язык’, по-латыни *lingua Syriaca, sermo Syriacus*. В современных европейских языках приняты следующие обозначения: англ. *Classical Syriac*, нем. *das Syrische*, франц. *la langue syriaque*. По-русски язык, описываемый в настоящем очерке, часто называют сирийским, в старой литературе — сирским. В настоящем описании принимается, по образцу англоязычной номенклатуры, название «классический сирийский язык». Термин *Classical Syriac* был введен в употребление для того, чтобы недвусмысленно отличать язык описываемого в наст. статье корпуса от современного литературного языка, базирующегося на одном из восточноарамейских диалектов христиан северо-западного Ирана у оз. Урмия (англ. *Modern Syriac*); об этом языке см. статьи «Арамейские языки» и «Новоарамейские языки» в наст. издании.

1.1.2. К.с.я. относится к восточным арамейским языкам среднеарамейского периода. О спорных вопросах классификации арамейских языков первых столетий христианской эры см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

1.1.3. Арамеи-христиане никогда не имели собственной государственности. В эпоху расцвета К.с.я. по северной Месопотамии, области его изначального бытования, проходила граница между Римской (позднее — Восточной Римской) империей и Сасанидским Ираном. Граница между этими государствами неоднократно менялась в ходе многочисленных войн. В этот период К.с.я. распространился на западе собственно иранской территории (в частности, у оз. Урмия), куда мигрировала часть сирийских арамеев-христиан. Оттуда сирийские купцы и миссионеры достигли Индии, а также — по Великому шелковому пути — Китая. Эпиграфические памятники К.с.я. найдены, в частности, в Китае и Средней Азии, где сирийцы основали торговые фактории.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. В К.с.я. принято выделять два диалекта — восточный и западный. Регулярные различия между ними отмечаются лишь в вокализме. Они отражены в двух на-

борах диакритических знаков для гласных, созданных порознь для каждого из диалектов уже после арабского завоевания; эти различия описаны в национальной грамматической традиции той же эпохи (см. 1.3.3.). Считается, что возникновение двух диалектов связано с церковно-политическим конфликтом V в.: в результате религиозного раскола сторонники одной из партий (церковь Востока, в Европе известны как «несториане») покинули Эдессу и переместились на территории нынешних Ирана и северного Ирака, которые в ту эпоху входили в государство Сасанидов. Однако и в более ранний период в Сасанидском государстве существовало автохтонное христианское арамейское меньшинство, которое пользовалось К.с.я.; известны оригинальные сочинения на К.с.я., созданные там в первой половине IV в. При учете этого исторического обстоятельства довольно глубокие различия между восточным и западным диалектами в рефлексии этимологически долгих гласных (см. 2.1.1.) с большой вероятностью указывают на то, что эти диалекты разделились еще до V в. Об историческом смысле диалектных различий в вокализме см. 2.7.0.

К важным интеллектуальным центрам несториан на Востоке в V–VI вв. относились, в частности, Низибис (Нисибин) в верховьях р. Хабур (под контролем Ирана с 363 г.), Арбела в верхнем течении р. Тигр и Селевкия-Ктесифон в Нижней Месопотамии. Соответственно, восточносирийский диалект называют «несторианским».

Западносирийский диалект, ныне литургический язык Сирийской православной церкви, известен как «яковитский». Во всех разделах настоящего описания по умолчанию используется вокализм в целом более консервативного восточносирийского диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Сохранились литературные свидетельства о сирийско-греческом и сирийско-иранском билингвизме. По-видимому, оба они не имели массового характера и были распространены преимущественно среди говорящих, чьим родным языком был арамейский. Греческий был главным языком Восточной Римской империи после ее христианизации (в сфере права, администрации и военного дела использовалась также латынь), среднеперсидский был официальным языком Сасанидской империи, среди религиозно-национальных меньшинств которой выделялись компактные группы арамейско-христианского населения. К.с.я. был престижным литературным языком всего арамейского христианства; вероятно, его высокий культурный статус объясняется выраженным этническим «не-греческим» самосознанием христиан-арамеев, адептов «греческой» религии. Следует иметь в виду, что ни в Византии, ни в Иране К.с.я. не использовался в публичной сфере. В Византии сирийско-греческими билингвами были образованные сирийцы, у которых греческий был вторым языком. Вероятно, что в Сасанидском государстве сирийско-персидскими билингвами были преимущественно арамеи-христиане, хорошо интегрированные в «большое» иранское сообщество. Среди этнических иранцев К.с.я. владели лишь некоторые из новообращенных в христианство; на основании источников можно заключить, что это были преимущественно члены высших слоев общества.

1.3.2. Вероятно, что К.с.я. как средство письменной коммуникации сформировался на рубеже III–IV в. н. э. Среди арамейских языков первой половины I тыс. н. э. он обладает наиболее регулярной орфографией, что свидетельствует о том, что в ученой среде была разработана норма литературного языка. Стандартизации языка способствовало создание в этот период Пешитты, сирийского перевода Библии с древнеев-

рейских и греческих оригиналов. Этот перевод и теперь используется в качестве богослужебного в упомянутых выше «сирийских» национальных церквях.

1.3.3. К.с.я. — один из наиболее документированных письменных семитских языков, с которым сравнимы лишь классический арабский и аккадский. Корпус текстов на К.с.я. превышает по объему памятники остальных мертвых арамейских языков, вместе взятых.

Наши знания о К.с.я. во многом основаны на трудах сирийских филологов, начавших создавать грамматики и словари К.с.я. с тех пор, как он стал терять связь с разговорным языком. Первый из известных нам и, возможно, наиболее значительный сирийский филолог — Иаков Эдесский (ум. 708), написавший, в частности, грамматику К.с.я. Важна также грамматика западносирийского ученого-энциклопедиста Григория Бар-Эбрея, зап.-сир. *bar ʕebroyoʔ* (ум. 1286), под названием *ktobo d-ṣemḥe* «Книга сияний» (т. е. «просвещений», комментарий), свидетельства которой и сейчас используются исследователями для интерпретации фактических данных К.с.я.

В XVIII в. маронитские ученые, среди которых выделяется Иосиф Симеон Ассемани, издали в Риме ряд классических произведений сирийской литературы в оригинале, а также в латинских и греческих переводах, после чего началось изучение К.с.я. на Западе. Длительное преобладание в европейской академической среде западносирийских норм в области графики и фонологии отчасти объясняется этим маронитским посредничеством. В 1742 г. А. Дзанолини издал в Падуе первую европейскую грамматику К.с.я. “*Grammatica linguae Syriace institutio*”.

Стандартные на сегодняшний день работы, в которых описывается К.с.я., были созданы в XIX — первой трети XX в.: это описательные грамматики Т. Нёльдеке (первое издание в 1880 г.) и Р. Дюваля (1881), словарь К. Брокельмана (1928 г., с латинскими глоссами, краткими этимологическими замечаниями и ссылками на источники), а также монументальный двухтомный словарь Р. Пейн Смита “*Thesaurus Syriacus*” (1879 г., т. I; 1901 г., т. II; 1927 г., дополнительный том; латинские глоссы, обширные цитаты из источников, часть из них с переводами на латынь). В последние десятилетия существенный вклад в изучение К.с.я. внесли английский востоковед Дж. Сегал, израильские семитологи Й. Блау и Г. Гольденберг, немецкий семитолог Р.М. Фогт, голландский семитолог Т. Мураока, а также итальянский филолог К. Чанкальини. К сожалению, К.с.я. изучен явно недостаточно — и в абсолютном смысле, и особенно по сравнению с древнееврейским, имперским арамейским или угаритским языками. В частности, нет ни одного монографического исследования ни по фонологии, ни по грамматическим категориям имени и глагола, ни по словообразованию К.с.я. В области синтаксиса корпусные исследования проводились лишь на материале некоторых книг сирийской Библии.

В России Д.А. Хвольсон, первый профессор по кафедре еврейской, сирийской и халдейской словесности на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, в середине XIX в. исследовал несторианские надгробные надписи из Семиречья. Отечественные востоковеды Н.В. Пигулевская и Е.Н. Мещерская описали и издали важные сирийские рукописи, хранящиеся в Санкт-Петербурге. Филологические и лингвистические труды по К.с.я. опубликовали акад. П.К. Коковцов, Л.Х. Вильскер, Г.М. Глускина. Единственное монографическое описание К.с.я. на русском языке принадлежит перу К.Г. Церетели. Есть сведения о том, что русский востоковед А.П. Алявдин (1885–1965) подготовил грамматику К.с.я. с хрестоматией, которая до сих пор находится в рукописи.

К.с.я. изучается в практических целях в христианских арамейских общинах, в частности в диаспоре — Западной Европе, Америке и Австралии (общины западной диаспоры были основаны беженцами, пережившими гонения на христиан-арамеев в Османской империи во время Первой мировой войны). На востоковедных и теологических факультетах Запада К.с.я. и литературу на нем изучают и преподают специалисты по семитской филологии и по истории восточных церквей. В России К.с.я. преподается в ряде христианских высших учебных заведений, а также в Российском государственном гуманитарном университете (Москва).

1.4.0. У К.с.я. своеобразная графика, вероятно родственная пальмирскому арамейскому курсиву. Тот ее вариант, который использовался в рукописях эпохи расцвета К.с.я., называется эстрангела (*ʿestrangelā* < греч. *στρουγγύλη* ‘круглая’). Узнаваемый прообраз письма эстрангела впервые засвидетельствован в монументальной эпиграфике I в. н. э. из Осроэны. От этого письма происходит так называемый «несторианский» шрифт, который появился в начале VII в. Западносирийский («яковитский») шрифт засвидетельствован в рукописной книжной традиции с конца VIII в. По-сирийски его называют (в западносирийском произношении) *serṭo* (букв. ‘черточка, буква’), от *serṭo pšīto* ‘простой/обычный шрифт’. Палеографические исследования показывают, что *serṭo* происходит от курсива, который засвидетельствован в документах на пергамене, созданных в Эдессе в начале III в.

В сирийском консонантном алфавите 22 буквы. Заглавных букв нет. Направление письма справа налево. Ниже приводятся начертания эстрангела.

Название буквы	Начертание				Обозначаемый звук
	Изолированное	Соединение налево (начальное)	Серединное	Соединение направо (конечное)	
<i>ʿālaṗ</i>	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	ʿ
<i>bēṭ</i>	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	<i>b ḅ</i>
<i>gāmal</i>	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	<i>g ḡ</i>
<i>dālaṭ</i>	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	<i>d ḏ</i>
<i>he</i>	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	<i>h</i>
<i>waw</i>	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	<i>w</i>
<i>zayn</i>	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	<i>z</i>
<i>heṭ</i>	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	<i>ḥ</i>
<i>teṭ</i>	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	<i>ṭ</i>
<i>yod</i>	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	<i>y</i>
<i>kāṗ</i>	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	<i>k ḵ</i>

<i>lāmaq</i>	ل	ل	ل	ل	<i>l</i>
<i>mim</i>	م	م	م	م	<i>m</i>
<i>nun</i>	ن	ن	ن	ن	<i>n</i>
<i>semkaṭ</i>	ס	ס	ס	ס	<i>s</i>
<i>ʕe</i>	ע	ע	ע	ע	<i>ʕ</i>
<i>pe</i>	פ	פ	פ	פ	<i>p p̄ p̂</i>
<i>šādē</i>	ש	ש	ש	ש	<i>š</i>
<i>qoṗ</i>	ק	ק	ק	ק	<i>q</i>
<i>reš</i>	ר	ר	ר	ר	<i>r</i>
<i>šin</i>	שׁ	שׁ	שׁ	שׁ	<i>š</i>
<i>taw</i>	ת	ת	ת	ת	<i>t t̄</i>

Из таблицы видно, что восемь букв — *ʔālaṗ, dālat, he, waw, zayn, šādē, reš, taw* — не соединяются налево, имея тем самым лишь по два начертания.

Начиная с V в. некоторые буквы (так называемые *matres lectionis*) последовательно используются для обозначения гласных. Восточносирийский вокализм отражается посредством *matres lectionis* следующим образом. Гласные /u/ и /o/ регулярно обозначаются буквой *waw*: *ḥwbʔ* [ḥubbā] ‘любовь’, *nwrʔ* [nūrā] ‘огонь’, *nrwq* [nerruq] ‘он выйдет’, *qṭwlʔ* [qātolā] ‘убийца’. Гласный /i/ регулярно обозначается буквой *yod*: *nqum* [nqim] ‘он поднимет’. Восточносирийская фонема /e/ в инлауте в большинстве случаев передается графемами *yod* или *ʔālaṗ*: *byt* [beṭ] ‘между’, *bʔrʔ* [beṙā] ‘колодец’ (см. также 2.1.1. о тех случаях, когда /e/ в составе связанных местоимений не отражается на письме); /e/ в ауслауте регулярно передается буквой *ʔālaṗ*: *nbkʔ* [neḅke] ‘он заплачет’. Фонема /ā/ в ауслауте записывается буквой *ʔālaṗ*: *bkʔ* [beḅā] ‘он заплакал’; /ā/ в инлауте не отображается средствами алфавита. Восточносирийские гласные /e/ и /a/ в исконной лексике не записываются буквами, однако /a/ в ауслауте (а иногда и в инлауте) слов, заимствованных из греческого, отражается буквой *ʔālaṗ*: *dwgmʔʔ* [doḡ-maṭa] ‘догматы’.

Для помощи при чтении применялись диакритические знаки, репертуар которых со временем увеличивался. Исторически первый из этих знаков (не считая точки, различающей *ḥ*, *d* и *i*, *r*) — горизонтальное двоеточие *syāmē* ‘установления’, посредством которого отличали формы множественного числа существительных от их омографов в единственном числе, например, *ʔlpʔ* [ʔalrā] ‘тысяча’ vs. *ʔlpʔ* [ʔalrē] ‘тысячи’. Со временем значение *syāmē* становится чисто морфологическим: этот диакритический знак появляется в орфографически недвусмысленных формах существительных множественного числа и регулярно — в финитных глагольных формах множественного числа женского рода.

Для различения других категорий омографов использовалась диакритическая точка. Над буквой она обозначала преимущественно следующие за соответствующей со-

гласной гласные /â/ и /a/, под буквой — ноль гласного либо закрытые гласные (в период последовательного применения *matres lectionis* это только /e/), например ܥܒܕ *ʿbd* [ʿâbed] ‘он делает’ (презент G-породы) vs. ܥܒܕ *ʿbd* [ʿbad] ‘он сделал’ (претерит G-породы), ܗܢܘܢ *hnwn* [hânnon] ‘эти’ vs. ܗܢܘܢ *hnwn* [hennon] ‘они’. Так возникло последовательное применение диакритической точки как морфологической пометы: верхняя точка указывает на презент G-породы, прилагательное морфологической модели *qaṭīl-*, связанное местоимение 3-го лица единственного числа женского рода; нижняя точка маркирует претерит G-породы, пассивное причастие G-породы *qīl-*, связанное местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода. Эта нотация может утрачивать всякую связь с фиксацией фонологического облика словоформы и функцией различения омографов; так, форма претерита *zām* ‘он поставил’ получает нижнюю диакритическую точку (*sm* ܣܡ), несмотря на гласную /â/ и отсутствие омографов в парадигме.

Горизонтальная черта над буквой, обозначающей согласный — ее называют *marḥānā* (‘ускоритель’), или *linea occultans*, — указывает на то, что эта буква не произносится, например ܡܕܝܢܬܐ *mdyntʿ* [mḍittā] ‘город’. В западносирийских текстах *linea occultans* ставится обычно под буквой.

В некоторых неогласованных рукописях встречается горизонтальная черта под буквой: ܡܕܝܢܬܐ [madVnhâ] ‘восток’. Она называется *mhagyānā* ‘артикулятор’ и указывает на то, что произношение кластера из трех согласных (в нашем примере *-dnh-*) облегчается вставкой вспомогательного гласного, обычно после первого согласного. В огласованных рукописях вместо *mhagyānā* иногда употребляются знаки для гласных /e/ или /a/ (последний преимущественно перед гортанными и /r/), см. 2.1.4.

На рубеже VI–VII вв. в рукописях богослужебных текстов появляются диакритические знаки, обозначающие смычный либо щелевой вариант произношения неэмфатических шумных (см. 2.1.1., 2.1.3.). По внешней форме они тождественны диакритической точке и близки ей по употреблению: точка над буквой (*quššāyā* ‘отвердевание’) указывает на «сильное», т. е. смычное, произношение, точка под буквой (*rukḥāqā* ‘размягчение’) — на щелевое произношение. Эти знаки первоначально использовались, подобно диакритической точке, главным образом для различения омографов: ܢܫܒܬ *nsbt* [nsabt] ‘ты взял’ vs. ܢܫܒܬ *nsbt* [nesbet] ‘я взял(-а)’. Знака для обозначения геминии согласных в сирийском письме нет, однако в некоторых морфологических контекстах появление знака *quššāyā* свидетельствует о геминии соответствующего смычного; например словоформы претеритов *zban* ‘он купил’ (глагол G-породы) и *zabben* ‘он продал’ (глагол D-породы с морфологически обусловленной геминией среднего согласного) записываются последовательностью букв *zbn* и в неогласованном тексте могут различаться за счет знаков *rukḥāqā* и *quššāyā*. В сирийском письме геминия обычно не отражается посредством повторения графического символа для соответствующего согласного. Двойное написание буквы для обозначения геминии свидетельствует о том, что в эпоху возникновения орфографической нормы между двумя идентичными согласными еще произносилась гласная: *smttʿ* [*sam_amɛ] > [samɛ] ‘лекарства’. Важнейшее исключение составляют глаголы *tK*-породы, у которых геминированный согласный *tt* в породном префиксе регулярно записывается двумя буквами *t* (см. 2.4.0., парадигма 3.3), например ܩܬܦܩ [ʿettappaq] ‘он был выведен’ (\sqrt{npq}). Кроме того, в случае контакта аффиксального и корневого *t* при слово- и формообразовании преобладает морфологическая запись с двумя графемами *t*, например ܩܬܦܩܩ [ʿettaqqaṛ] ‘он усилился’ (форма *tD*-породы, произведенная

от \sqrt{tqp}). Эта морфологическая орфография применяется даже при фонетически обусловленном упрощении геминаты: $?ttql$ [$?etqel$] 'он споткнулся' (форма tG -породы от \sqrt{tql}), $nhht$ [$n\eta et$] 'ты спустился' (\sqrt{nhht} + флективный суффикс претерита $-t$).

С конца VII в., когда К.с.я. стал приходить в упадок, сирийские филологи начали создавать диакритические знаки для гласных. В итоге были разработаны две системы огласовки, порознь для восточного и западного диалектов. В восточной огласовке семь знаков, в западной — пять, по числу гласных фонем в каждом из диалектов (см. 2.1.1.). По внешней форме восточные знаки для гласных — одиночные и двойные точки с фиксированным положением относительно «огласуемой» буквы, а западные знаки — стилизованные греческие буквы для гласных, их положение над или под сирийской графемой произвольно. В огласованных рукописях по традиции обычно применялись *suāte* и диакритическая точка, хотя полная огласовка текста делает этот тип нотации избыточным. Наиболее последовательно знаки, указывающие на смычную или щелевую реализацию согласных, и знаки для гласных употреблялись в сирийском переводе Нового Завета и литургических текстах, в то время как при рукописном традировании большей части корпуса в эпоху Халифата и позже такого рода аппарат не использовался. О знаках пунктуации см. 2.1.2.

В настоящем описании сирийские слова и тексты приводятся в фонологической транскрипции. Буквы *waw*, *yod* и *ʔālaḥ* в их функции *matres lectionis* как правило не отражаются в транскрипциях. Нечитаемые по фонетическим условиям буквы обычно указываются в верхнем регистре, например записи *ʔa"t* 'ты' (ж. р.) соответствует чтение [$?at$], записи *qṭal*^w 'они умертвили' соответствует чтение [$q\tau al$].

1.5.0. Существует небольшой корпус ранних — дохристианских и нехристианских — письменных памятников Осроэны (в частности, ее столицы Эдессы). Он создан в I–III вв. н. э. и обнаруживает сильное влияние имперского арамейского языка в орфографии и морфологии (см. об этом в статье «Арамейские языки» в наст. издании). Несмотря на «гибридный» характер, т. е. смешение восточноарамейских и имперско-арамейских языковых черт, эти документы в некоторой мере свидетельствуют о том диалекте, который стал основой К.с.я.

Лингвистической периодизации истории К.с.я. в период его расцвета не существует, так как вариативность в основном корпусе почти не изучена. Тексты III–VII вв. не позволяют заметить глубоких исторических изменений в К.с.я. Этот факт, а также отсутствие заметного языкового варьирования в обширном корпусе, созданном на протяжении пятисот лет в географически удаленных друг от друга культурных центрах разных христианских деноминаций, заставляют предположить, что К.с.я. в качестве стандартного наддиалектного языка арамейского христианства рано утратил «обратную связь» с вернакуляром.

О понятии «ранний сирийский», вводимом на основании анализа вокализма, см. 2.1.1.

1.6.0. Наибольшее влияние на К.с.я. периода расцвета оказали его длительные и интенсивные контакты с позднеллинистическим и ранневизантийским греческим, а также с иранскими языками, преимущественно среднеперсидским. Влияние греческого и иранских языков на К.с.я. связано с тем, что К.с.я. никогда не был официальным языком, а его носители жили на востоке Римской империи (позже — Восточной Римской империи) и на западе Аршакидского, а затем (с 224 г. до арабского завоевания) — Сасанидского государства, то есть в зонах распространения несемитских языков с высоким официальным и культурным статусом.

В области фонологии фонематизации щелевых вариантов BDGPTK, возможно, содействовали лексические заимствования из греческого, не ассимилированные арамейской фонологической системой; см. (2.1.1., 2.1.3.).

Словосложение (см. также 2.5.2.) представлено обильнее и разнообразнее, чем в древних семитских языках, что отчасти объясняется влиянием греческого, а в ряде случаев — прямым калькированием греческих композитов: *saggi demwâtâ* ‘многообразный’, греч. πολυ-μορφος, *ʔaḥiḍ kol* ‘вседержитель’, греч. παντο-κράτωρ.

Существительные, заимствованные из греческого, иногда употребляются с греческими показателями множественного числа (см. примеры в 2.6.0.). Два исконных существительных имеют по два суффикса множественного числа, один из них по образцу греческого множественного числа аккузатива первого склонения: *ganîâ* ‘сад’ — мн. ч. *gann-ē* и *gann-as* (последняя форма записывается как *gns* и *gnʔs*), *qriîâ* ‘селение’ — мн. ч. *qiryâ* и *qiry-as*.

На синтаксис К.с.я. повлиял греческий язык — непосредственно и через буквалистские переводы с греческого. Далее указываются те черты этого влияния, которые хорошо засвидетельствованы в оригинальных текстах на К.с.я.

Частотный производный предлог *b-yaq* ‘посредством’ иногда употребляется в пространственном значении ‘по, через’, калькируя греческий предлог διὰ, имеющий оба этих значения.

Под влиянием греческого атрибутивные прилагательные иногда употребляются в препозиции к определяемому без заметного смыслового различия по отношению к нормальному для К.с.я. постпозитивному употреблению (2.5.3.): *ʔhṛenâ₁ matlâ₂* ‘другая₁ притча₂’, *saggiʔē₁ haṭṭâye₂* ‘многочисленные₁ грешники₂’ vs. *naṣṣâtâ₁ saggiʔâtâ₂* ‘многочисленные₂ души₁’.

Широко употребительные частицы *ḏen* ‘же’ и *ḡer* ‘ведь’ употребляются как средства когезии аналогично греческим δέ и γάρ, примеры см. в 2.3.6. Частица *ḏen* относится к исконной лексике, в то время как частица *ḡer*, возможно, заимствована из греческого; обе эти сирийские частицы, употребляясь в качестве дискурсивных слов, никогда не появляются в абсолютном начале предложения, но обычно ставятся после первого знаменательного слова, подобно греческим δέ и γάρ.

Под влиянием позднеэллинистического греческого условный союз *ʔen* ‘если’ иногда употребляется как элемент сложного союза, вводящего относительные придаточные с нереперентным значением: *haw ʔaynâ d-ʔen nestmek* ‘**всякий, кто** (букв. ‘тот, который что если’) обопрется’. Источник кальки — греческий союзный оборот ὅστις ἐάν с таким же значением, букв. ‘тот-кто если-бы’.

Иранское влияние на К.с.я. сказывается преимущественно в области лексики (2.6.0.), однако выдвигались также гипотезы о морфосинтаксических заимствованиях из иранских языков в К.с.я. Наибольший интерес в этой связи представляет сирийская результативно-перфектная конструкция *qtîl* I-, включающая пассивное причастие и местоименный семантический субъект, вводимый предлогом *l-* (2.3.6.): многие исследователи считают, что эта конструкция калькирует среднеперсидский претерит переходных глаголов, который этимологически состоит из пассивного перфективного причастия с препозитивным местоименным агенсом в косвенном падеже. Конструкция *qtîl* I- засвидетельствована и в других восточноарамейских языках средней степени, поэтому проблема возможного иранского влияния на ее происхождение (а также ее морфологизация в восточных новоарамейских языках) обсуждается в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

Глагольные Š-каузативы и S-каузативы в К.с.я. (2.3.5.), вероятно, имеют своим источником лексические заимствования из аккадского в язык–общий предок восточно-арамейских языков средней ступени (см. об этом в статье «Арамейские языки» в наст. издании).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

К о н с о н а н т и з м К.с.я. включает либо 22, либо 28 согласных фонем — в зависимости от того, как решается вопрос о фонологическом статусе щелевых вариантов шумных неэмфатических смычных. О предыстории сирийского консонантизма см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования								
		Билаби- альные	Денталь- ные	Интерден- тальные	Альвеопа- латальные	Палаталь- ные	Велярные	Фарин- гальные	Ларин- гальные	
Шумные	Смыч- ные	Гл.	p	t				k	ʔ	
		Зв.	b	d				g		
		Эмф.	(p̣)	ṭ				q		
	Щеле- вые	Гл.	(p̥)		(t̥)			(k̥)		
			(b̥)		(d̥)			(g̥)		
		Свис- тящие	Гл.		s				ħ	h
			Зв.		z				ʕ	
			Эмф.		ʂ					
		Шипящие					ʃ			
	Сонорные	Носовые		m	n					
Латеральные			l							
Вибранты			r							
Глайды		w				y				

«Эмфатические» согласные /t/, /s/, /q/, вероятно, были глоттализированными. О звуке [p̣], появляющемся в западносирийских заимствованиях из греческого, см. ниже.

Щелевые согласные *b*, *d*, *g*, *p̥*, *t̥*, *k̥* (в нотации МФА *v*, *ð*, *ɣ*, *f*, *θ*, *x*) возникли как поствокальные аллофоны шумных смычных фонем /b/, /d/, /g/, /p/, /t/, /k/. Затем краткие гласные в открытых безударных слогах выпали (ср. 2.1.3., 2.2.3. о синкопе гласных в К.с.я.). В результате синкопы чисто позиционный характер чередования смычных и щелевых согласных нарушился, что указывает на начинавшуюся фонологизацию щелевых аллофонов: во многих морфологических контекстах щелевой аллофон, утрачивавший поствокальную позицию, уже не переходил в смычный. Вероятно, что все эти три явления — поствокальная спирализация, синкопа кратких гласных и нарушения позиционной аллофонии — имели место в арамейской языковой истории еще

до создания К.с.я. (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). На частичную фонологизацию противопоставления смычных и щелевых вариантов в К.с.я. указывают следующие факты.

— В корневых и аффиксальных морфемах К.с.я. регулярно появляются смычные и щелевые варианты, не обусловленные фонетической позицией: *ktab* (G-порода) 'он написал' (\sqrt{ktb}), *katbat* (D-порода) 'она продиктовала', *bakkiton* (D-порода) 'вы_{м.р.} заставили плакать' (\sqrt{bky}).

— Формы претерита с суффицированными объектными местоимениями регулярно противопоставляются за счет оппозиции *t/t* в словоизменительных суффиксах: *šqal-t-ēh* 'я поднял его' vs. *šqal-t-ēh* 'она подняла его'. У глаголов с *y/i* в качестве третьего радикала (= R₃) некоторые формы противопоставлены за счет словоизменительных суффиксов *t/t*: *hdi-t* 'я был рад' vs. *hdi-t* 'ты был рад' (\sqrt{hdy}); *bakki-t* 'я заставил(-а) плакать' vs. *bakki-t* 'ты заставил плакать'.

— Составляющие пару смычные и щелевые иногда противопоставляют разные лексемы: *garbā* 'чесоточный' vs. *garbā* 'парша, чесотка', *hurbā* 'разрушение' vs. *hurbā* 'аист', *qeštā* 'лук' vs. *qeštā* 'щетина', но таких случаев немного. Этот фонологический контраст иногда используется (возможно, лишь в письменной речи) для того, чтобы «развести» разные значения одного слова и создать омонимы: *qyāmtā* 'воскресение' vs. *qyāmtā* 'доля', *ʔešboʔ* 'я окрашу' vs. *ʔešboʔ* 'я окуну'.

— У имен суффикс женского рода в одном и том же фонологическом контексте (непосредственное примыкание к последнему корневому согласному) может иметь алломорфы *-t* или *-t* (лексическая черта): *biš-t-ā* 'зло' vs. *sim-t-ā* 'сокровище, клад', *hāl-t-ā* 'тетка с материнской стороны' vs. *tāb-t-ā* 'благая, благо', *maʔʔal-t-ā* 'вход' vs. *ʔeggar-t-ā* 'послание'.

— Имена с односложными основами, имеющими исход на BDGPTK, в формах абсолютного/сопряженного статусов реализуют либо смычный сегмент, либо гоморганный щелевой (также лексическая черта): *rab* 'большой', *gub* 'нора', *duk* 'место', *leb* 'мое сердце', но *šet* 'шесть', *geⁿh*, 'сторона', *geⁿh* 'моя сторона' (нормальный статус — *gabb-ā*). Все эти имена имеют в ауслауте упрощенную геминату.

На то, что фонологизация *b*, *d*, *g*, *p*, *t*, *k* в К.с.я. не прошла до конца, указывают следующие факты:

— в исконной лексике щелевые варианты BDGPTK не появляются в абсолютном начале слова после паузы;

— в начальном консонантном кластере C₂ BDGPTK всегда реализуется как щелевой (*ktab* 'он написал'); исключения: *št-ā* 'шесть' и *štin* 'шестьдесят';

— при словоизменении во многих случаях чередование смычных и щелевых следует фонетическому позиционному правилу (*nsabt* 'ты взял' vs. *nesbet* 'я взял(-а)'). В некоторых рукописях Нового Завета, тщательно снабженных диакритикой, можно наблюдать действие этого правила даже на словесной границе: *ʔabā bi w-ʔenā beh* 'Отец во мне, и я в Нем'. В инлаутном сочетании -R₂R₃- у третьего радикала BDGPTK обычно бывает смычная реализация в соответствии с правилом аллофонии: *malkā* 'царь', *malkē* 'цари', *kātba* 'она пишет'; лишь у немногих существительных R₃ в таком контексте щелевой: *dahbā* 'золото', *garbā* 'чесотка', *karkā* 'город, укрепленное место', *raʔpā* 'лепешка, испеченная в золе';

— у щелевых *b*, *d*, *g*, *p*, *t*, *k* нет долгой реализации, что отличает их от смычных *b*, *d*, *g*, *p*, *t*, *k* с точки зрения фонотактики. Однако это противопоставление устранено в

западносирийском диалекте, где все геминаты упростились: вост.-сир. *qabbel* vs. зап.-сир. *qabel* 'он принял'.

В настоящем описании К.с.я. для представления консонантного состава глагольных корней, в которых имеется чередование смычных и щелевых, используется традиционная в сирийской грамматике запись *b, d, g, p, t, k*.

В многочисленных лексических заимствованиях греческие шумные смычные передаются (независимо от позиции) следующим образом (примеры см. ниже и в 2.6.0.):

Глухие	Звонкие	Придыхательные
$\pi = \text{p̄}$	$\beta = \text{b}$	$\varphi = \text{p̄}$
$\tau = \text{t}$	$\delta = \text{d}$	$\theta = \text{t}$
$\kappa = \text{q}$	$\gamma = \text{g/g}$	$\chi = \text{k/k}$

Такое отражение, возможно, связано с тем, что звонкая и придыхательная серии греческих смычных подверглись лениции к тому времени, когда начались массовые лексические заимствования из греческого в К.с.я.

Как видно из таблицы, греческие глухие смычные τ и κ передавались знаками для сирийских «эмфатических» (вероятно, глоттализированных) согласных, что по всей видимости объясняется непридыхательным качеством этих греческих согласных. Рефлекс греческого π записывается посредством буквы p̄ с особой диакритической точкой, которая по положению относительно буквы отличается от знака смычного произношения. По некоторым сведениям, последняя черта характерна лишь для западносирийской рукописной традиции, что соответствовало бы историческим данным об относительно более длительном и тесном контакте западного сирийского с греческим. Таким образом, в западносирийских заимствованиях из греческого появляется «эмфатический» $[\text{p̄}]$, отличный от $[\text{p}]$ и $[\text{p̄}]$. Точная фонетическая реализация сирийского $[\text{p̄}]$ неизвестна. Примеры (с западносирийским вокализмом): *p̄ilip̄us* 'Филипп' < греч. Φίλιππος; *p̄ars̄ip̄o* 'лицо (в переносных значениях)' < греч. πρόσωπον (в заимствованном слове обнаруживается дистактная ассимиляция $s > \text{ʃ}$ по признаку эмфатичности); *?ap̄is* 'просить' < греч. πείσαι 'убедить' (аористный инфинитив); в форме *tG ?t̄p̄is* $[\text{?et̄p̄is}]$ 'убедиться' наблюдается переход $t > \text{t̄}$ по ассимиляции к $[\text{p̄}]$.

Греческое $/\text{ks}/ \xi$ передается как ks/k̄s без ясного распределения: *taks̄a* 'порядок' < греч. τάξις; *?kswry?* $[\text{?eks̄ariyá}]$ 'изгнание' < греч. ἐξορία. Греческое $\psi / \text{ps}/$ передается как ps : зап.-сир. *p̄salt̄is* 'певчий' < греч. ψάλτης.

Правила отражения среднеперсидских шумных согласных при заимствовании среднеперсидских слов в К.с.я. изучены недостаточно.

Сравнение данных двух «огласованных» литературных диалектов позволяет реконструировать в о к а л и з м раннего сирийского, т. е. периода К.с.я., предшествовавшего его разделению на два диалекта.

В раннем сирийском выделяются три краткие гласные фонемы: $*/e/$, $*/a/$, $*/u/$. Долгих фонем шесть — $*/\bar{i}/$, $*/\bar{e}/$, $*/\bar{a}/$, $*/\bar{ā}/$, $*/\bar{o}/$, $*/\bar{ū}/$. Судьба раннесирийского вокализма в обоих позднейших диалектах показывает, что в раннесирийском $*a$ отличался по тембру от $*\bar{a}$, $*e$ — от $*\bar{e}$ и $*\bar{ē}$, и что $*u$ vs. $*\bar{u}$ было единственным в раннем сирийском долготным противопоставлением, не связанным с различием по качеству. Таким образом, раннесирийский вокализм представляет собой переходную систему, в

которой количественные противопоставления в значительной степени уже были заменены качественными.

В восточносирийском семь гласных фонем: /i/, /e/, /ẽ/, /a/, /â/, /o/, /u/. В западносирийском пять гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/. В обоих диалектах долготные противопоставления утрачены, см. об этом также 2.2.3.

В раннем сирийском унаследованные дифтонги *aw, *ay, как правило, сохраняются в слоговом ауслaute, в то время как внутри слога они реализуются в виде *ō и *ē: *yaw-mā vs. *yōm# 'день', *qay-sā vs. *qēs# 'древесина' (нормальный vs. абсолютный/сопряженный статусы единственного числа). Это распределение унаследовано и обоими позднейшими диалектами. Формы претерита 2-го лица единственного числа глаголов с R₂ не следуют этому правилу: *glayt 'ты открыл', *glayt^v 'ты открыла' (√gly).

Этимологическое соотношение между раннесирийскими гласными и вокализмом обоих позднейших диалектов отражено в следующей таблице:

Ранний сирийский	Западносирийский диалект	Восточносирийский диалект
*e	e	e
*ī	i	i
*ē	i	ẽ
*ā	e	ẽ
*a	a	a
*ā	o	â
*ō	u	o
*u	u	u/o
*ū	u	u

Восточносирийский /e/ — гласный средне-верхнего подъема, а /ẽ/ — гласный средне-нижнего подъема. Это представление основано на их названиях в национальной грамматической традиции: /e/ = rbâšâ ?arriḳâ vs. /ẽ/ = rbâšâ karyâ. Термины ?arriḳâ, букв. 'длинный', и karyâ, букв. 'укороченный', указывают на соответственно более и менее закрытую артикуляцию гласного; к количеству гласного они относиться не могут, так как /e/ — этимологически краткая и синкопируемая фонема (на качество этих фонем в рамках противопоставления по подъему ясно указывают и названия другой пары восточносирийских диакритических знаков для гласных: ?šâšâ ?arriḳâ = /u/ vs. ?šâšâ karyâ = /o/).

В восточносирийской графике гласный [ẽ], общий рефлекс раннесирийских */ē/ и */ā/, в большинстве случаев записывается с помощью букв yod или ?âlaḫ (1.4.0.), а в огласованных текстах изображается подстрочным знаком rbâšâ karyâ (:) справа от matres lectionis, то есть под «огласуемым» согласным.

Присутствие в раннем сирийском фонем */ā/ и */ē/ обнаруживается на основании того, что восточносирийскому [ẽ] в одних морфологических контекстах регулярно соответствует западносирийский [e], а в других — западносирийский [i]. Этимологический анализ этих контекстов позволяет установить происхождение раннесирийских */ā/ и */ē/. Ниже рассматриваются лишь важнейшие случаи, иногда в скобках и со знаком звездочки дается реконструированная досирийская форма.

Раннесирийский $*\bar{a}$ возник из неконечного $*a?$: зап.-сир. *neḵul* 'он съест' — вост.-сир. *neḵol* (< $*naʔkul$); из $*au$ в служебных проклитиках: зап.-сир. *bet* 'между' — вост.-сир. *beṭ* (< $*baynat$); из $*au$ как суффикса сопряженной формы множественного числа существительных при присоединении связанного местоимения $-h$ 'её': зап.-сир. *dine-h* 'её суды' — вост.-сир. *dineḥ*; на месте доисторических трифтонгов $*\check{V}u$ в ауслауте словоформ с R_3 : зап.-сир. *neḥne* 'он построит' — вост.-сир. *neḥne*. В раннем сирийском $*\bar{a}$ появляется на месте этимологического $*i$ перед согласным n в ряде местоимений женского рода, а также в суффиксе претерита 2-го лица множественного числа женского рода: зап.-сир. *heneṇ* 'они' (автономная форма) — вост.-сир. *heneṇ*; зап.-сир. *ʔeneṇ* 'они' (энклитическая форма) — вост.-сир. *ʔeneṇ*; зап.-сир. *-ken* 'ваши' — вост.-сир. *-keṇ*; зап.-сир. *-hen* 'их' — вост.-сир. *-heṇ*; зап.-сир. *ḵtab-ten* 'вы написали' — вост.-сир. *ḵtab-ṭeṇ*. В раннем сирийском $*\bar{a}$ появляется на месте этимологического $*i$ также в составе связанных местоимений 3-го лица единственного числа мужского рода (зап.-сир. *-eh* — вост.-сир. *-eḥ* 'его' в притяжательном и объектном значениях) и 2-го лица единственного числа женского рода (зап.-сир. *-ek* — вост.-сир. *-ek* 'твоя/тебя'). Эти связанные местоимения в К.с.я. никогда не пишутся plene.

Раннесирийский $*\bar{e}$ возник из $*i?$ в инлауте слова: зап.-сир. *nimar* 'он скажет' — вост.-сир. *neṃmar* (< $*niʔmar$), зап.-сир. *biro* 'колодец' — вост.-сир. *berā* (< $*biʔrā$); из $*au$ в закрытом слоге: зап.-сир. *qis* 'древесина' — вост.-сир. *qeṣ* (< $*qays$); из доисторических трифтонгов $*ayi/*awi$ в инлауте слова: зап.-сир. *riḥo* 'запах' — вост.-сир. *reḥā*.

В раннем сирийском $*\bar{a}$ и $*\bar{e}$ встречаются в одинаковых типах слогов, но смысло-различительную нагрузку их противопоставления показать трудно; из условий возникновения $*\bar{a}$ и $*\bar{e}$ ясно, что она не могла быть большой.

Вероятно, что раннесирийский $*\bar{a}$ имел огубленную реализацию. Об этом свидетельствует его судьба в западносирийском диалекте (> o) и то, что в существительных, заимствованных в ранний сирийский из греческого, греческий ударный $ó$ в огласованных текстах обоих литературных диалектов передается так же, как раннесирийский $*\bar{a}$: греч. νόμος 'закон' > ран.-сир. *nmwsʔ* 'закон' (без mater lectionis *waw* в первом слоге), которому соответствуют вост.-сир. *nāmosā* и зап.-сир. *nomuso*.

Раннесирийский безударный $*u$ отражается в восточносирийских несинкопированных слогах как /u/ (*quḏṣā* 'святыня'), ударный $*u$ — как /o/ (*neḵtób* 'он напишет', *ḵtabtón* 'вы (м. р.) написали'). Западносирийский диалект сохранил раннесирийский $*u$ во всех контекстах, не затронутых синкопой: *neḵtub* 'он напишет', *kul* 'всё', *kull-eh* 'весь он'.

В раннесирийском $*i$ появлялся лишь в безударных закрытых слогах перед u и (непоследовательно) перед сибилантами: $*ʔiyuālā$ 'помощь', $*ʔizgaddā$ 'вестник' и, следовательно, не имел фонологической нагрузки. В этой позиции $*i$ сохраняется в обоих позднейших диалектах ($*i > i$), где [i] приобретает фонемный статус за счет ран.-сир. $*ī > i$. Раннесирийский $*e$ продолжается в обоих диалектах: вост.-сир. *seḫrā* 'книга' — зап.-сир. *seḫro*, вост.-сир. *qabbel* 'он принял' — зап.-сир. *qabel*, вост.-сир. *neṣqol* 'он поднимет' — зап.-сир. *neṣqul*. Крайняя редкость $*i$ в раннем сирийском объясняется тем, что еще в прасирийский период несинкопированный $*i$ повсеместно перешел в $*e$.

Раннесирийский $*ō$ происходит из $*aw$ в закрытом слоге (например *sawpā* 'конец', сопряженная форма *sōp*), а также из $*ā$ в результате непоследовательного перехода $*ā > *ō$ перед сонорными, например вост.-сир. *zʔorā* 'малый' — зап.-сир. *zʔuro*,

вост.-сир. *gdolā* 'локон' — зап.-сир. *gdulo*, вост.-сир. *gelyonā* 'откровение' — зап.-сир. *gelyuno*; *ō всегда присутствует в имени деятеля, образуемом от глаголов G-породы: вост.-сир. *qātolā* 'убийца' — зап.-сир. *qotulo*.

В восточно- и западносирийском долготные противопоставления были утрачены, поэтому синкопа гласных, в раннем сирийском обусловленная их количественными характеристиками, стала в обоих диалектах историческим чередованием, не связанным с фонетической позицией (2.2.3.). Восточносирийские гласные /ā/ и /ē/ никогда не подвергаются синкопе, поэтому нельзя исключить, что в эпоху расцвета К.с.я. эти гласные сохраняли долготу как фонетическое свойство; тем не менее вокалические противопоставления /ā/ vs. /a/ и /ē/ vs. /e/ имели качественный характер. Из западносирийских гласных фонем не синкопируются /o/ и /i/.

Геминация согласных в К.с.я. не имеет фонологической нагрузки.

2.1.2. К.с.я. имел фиксированное экспираторное ударение на последнем слоге. Этимологические долгие заударные гласные *ī и *ū регулярно отражаются на письме нечитаемыми буквами *y* и *w*: *mlk-y* [malk] 'мой царь', *qtl-w* [qta] 'они умертвили'. Уже в ранний период К.с.я. эти гласные не учитывались в стихосложении; вероятно, что они отпали еще до создания К.с.я.

В конце I тыс. н. э., когда лежавший в основе К.с.я. живой язык уже вымер, в восточносирийском традиционном литургическом чтении возобладало фиксированное ударение на пенультиве, в западносирийском — на ультиме, если она закрытая, в противном случае — на пенультиве.

Сирийские филологи еще в доарабский период разработали знаки пунктуации (точки и сочетания из двух точек с фиксированным положением относительно друг друга и строки) для передачи супrasegmentных явлений; грамматическая традиция называет их *puḥḥāte*, букв. 'сопоставления' (т. е. соотнесение подобных языковых явлений). Знаки пунктуации (или «акценты») регулярно применялись в рукописях сирийской Библии, так как они обеспечивали правильную передачу смысла при литургическом чтении, в других текстах они встречаются реже. Акценты указывают, в частности, на интонационное выделение вопроса и приказа, паузу, повышение тона при инверсии, понижение тона в придаточных и т. п. Просодическое и синтаксическое значение акцентов изучено недостаточно.

2.1.3. Шумные согласные подвергались регрессивной контактной ассимиляции к следующему шумному по звонкости/глухости. Об этом известно из работ сирийских грамматиков и из немногочисленных орфографических ошибок в рукописях, например *lmdbr* вм. *lmtbr* 'ломать', *nʔgdwn*, зап.-сир. вм. *nʔqdwn* 'они сожгут' (√*yqd*), *nskʔ* вм. *nzkʔ* 'он выигрывает'.

Перед закрывающими слог гортанными и *r* имеет место регулярный переход *e > a*: *neddaʔ* 'он узнает' (ср. *netteḥ* 'он сядет'), *dabbar* 'он вывел' (ср. *zabben* 'он продал').

В безударном слоге перед закрывающим слог *š* (обычно в префиксах) этимологический *a* иногда переходит в *e*: *tešbuḥtā* 'прославление', *ʔeškah* 'найти'.

В восточносирийском гласный *a* в сочетании *aw* переходит в *ā*: *yāwmtā* 'день' вм. *yawmtā*, *ḥāwwi* 'он показал' вм. *ḥawwi*. В западносирийском раннесирийское сочетание *āw переходит в *aw*, например *malkaw* (< **malkā* + *hu*) 'он — царь', букв. 'царь-он' (предикативное существительное с энклитическим местоимением-подлежащим). Восточносирийский переход, по-видимому, объясняется ассимиляцией к *w* (*a > ā*), а западносирийский — диссимиляцией, так как в этом диалекте *ā > o. В настоящем описании эти позиционные изменения не фиксируются в транскрипции ради точно-

сти в передаче фонологической идентичности гласных, а также потому, что в огласованных текстах эти переходы отражаются непоследовательно.

2.1.4. В К.с.я. имеются следующие типы слогов.

CCVCC (*qtalt* 'ты умертвил'), только в односложных словах. На моносиллабический характер таких слов указывают в первую очередь данные метрики: в слогосчитающем сирийском стихосложении слова структуры *qtalt* трактуются как односложные;

CCVC (ударные и безударные): *qtal* 'он умертвил', *šhaq-tón* 'вы оставили';

CVC (ударные и безударные): *qeṭ-lát* 'она умертвила';

CV (ударные и безударные): *?e-sâ-râ* 'пояс', *ne-mâr* 'он скажет' (зап.-сир. *ni-mar*).

Скопление трех согласных в инлауте разбивалось вставочным гласным после первого из них: *madnhâ* > *madenhâ* 'восток', *mašryâ* > *mašaryâ* 'лагерь'. По свидетельствам большой грамматики Бар-Эбрея и некоторых огласованных рукописей, в восточносирийском такой кластер разбивался лишь при $C_2 = r, l, m, n, \text{ʔ}$, но сохранялся при остальных согласных, например *maḏbhâ* 'алтарь', *maqšâ* 'святилище' (произносилось, вероятно, как *maqčâ*). При $C_1 = w, \text{ḥ}$ и $C_2 = r, l, m, n, \text{ʔ}$ кластер в восточносирийском не разбивался: *tawrhon* 'их бык', *rubḥon* 'их четверть'. Возможно, что в консонантном окружении $r, l, m, n, \text{ʔ}$ становились слогообразующими, но $C_1 = w/\text{ḥ}$ (вероятно, реализовывавшийся как *u*,) блокировал их слогообразующую функцию: *mad-ḥ-hâ* 'восток', *maš-ḥ-yâ* 'обиталище', но *tawr-hon*. Слогораздел в других интервокальных кластерах в восточносирийском неопределим: *maq-bhâ* или *maq-b-hâ*.

Согласно Бар-Эбрею, в западносирийском интервокальный кластер из трех согласных разбивался вспомогательной гласной независимо от качества C_2 : *maḏebho* 'алтарь', *tešabqun* < *tešbqun* 'вы оставите'.

В большинстве огласованных восточносирийских рукописей вставочный гласный, разбивавший трехсогласный кластер, не отражается. Вероятно, это объясняется тем, что этот гласный не имеет смысловозначительной нагрузки, а сирийская огласовка, в отличие от тивериадской еврейской, не стремилась зафиксировать возможный максимум черт звучащей речи. Поэтому в транскрипциях настоящей статьи вставка гласного в трехсогласный кластер в инлауте отмечается лишь там, где это существенно для описания фонологии К.с.я.

Если в восточносирийском при словоизменении возникало скопление четырех согласных, то после второго согласного вставлялся гласный *a*: *methpār-hwâ* 'он был выкопан' — *methapār-hwât* 'она была выкопана'.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. К.с.я. не знает знаменательных слов, состоящих из одной фонемы. Однофонемными являются некоторые служебные проклитики, а именно непроемные предлоги *b-* 'в', *l-* 'к', союз *w-* 'и', относительное местоимение *d-*.

Наряду с типичными для большинства семитских языков «сильными» и «слабыми» трехсогласными глагольными корнями, в К.с.я. обильно представлены также четырехсогласные глагольные корни, от которых образуются глагольные лексемы по морфологическим моделям «интенсивных» пород D и tD.

По разным (преимущественно этимологическим) основаниям можно выделить следующие наиболее важные разновидности четырехсогласных глагольных корней.

— Корни, для которых трехсогласные этимоны в К.с.я. неизвестны: *plhd* 'разогнать, рассеять (войско)', *lhkš* 'лестить, ласкаться'.

— Четырехсогласные корни, имеющие R_2r : *ʔrbl* 'просеивать', *ʔrdl* 'обвинять', *ʔrpl* 'закутывать, облекать', *ʔrpn* 'дарить', *ʔrmš* 'пачкать, осквернять' *ʔrql* 'искажать', *prns*

‘надзирать, заботиться’, *prpʿ* ‘полоскать’, *ʿrgl* ‘катить’, *ʿrzl* ‘сгибать’, *ʿrʿl* ‘обнажать’, *srʿp* ‘прорастать, проращивать’, *qrʿl* ‘отрубать’. Как видно из примеров, многие из этих корней имеют R₁ʿ, а также еще один сонорный. Некоторые из этих корней прозрачно соотносятся с сирийскими трехсогласными корнями без *r*, употребляемыми в D-порode, ср. *ʿaggel* ‘катить’ vs. *ʿargel* с тем же значением.

— Редуцированные корни R₁R₂R₁R₂: *blbl* ‘запутывать’, *grgr* ‘тащить’, *zʿzʿ* ‘трясти’, *rmrm* ‘поднимать’. Образованные от них глаголы близки по семантике к переходным глаголам, образованным от корней с теми же корневыми согласными R₁R₂R₂ и R₁wR₂ по разным породным моделям, ср. G *ʿgrr* ‘вытаскивать’, K *ʿrwm* ‘поднимать’.

— Отыменные четырехсогласные корни, образованные за счет интерпретации согласных этимона как радикалов, например *mškn* ‘брать или отдавать в залог’ (< *meškân-â* ‘залог’), *tlmd* ‘учить’, ‘проповедовать (христианство)’ (< *talmid-â* ‘ученик, последователь’), *dmwt* ‘придавать форму’ (< *dmuṭ-â* ‘образ, форма’), *byṭy* ‘ввести в семью, одомашнить’ (< *bayṭ-â* ‘дом’), *brnš* ‘вочеловечить’ (< *bar-ʿnāšâ* ‘человек’).

— Четырехсогласные корни, возникшие при заимствовании иностранных слов, глаголов или существительных: *hymn* ‘верить’ (заимствование западноарамейского глагола **haymin* или древнееврейского *hāʿāmin*), *prgl* ‘приказывать, наставлять’ (< греч. παραγγέλλω ‘передавать сообщение, приказывать’), *qtrg* ‘обвинять’ (< посткласс. греч. κατήγορ ‘обвинитель’).

Непроизводные существительные К.с.я. в большинстве своем относятся к семитским первичным именам либо к заимствованиям. У первичных имен фонологическая структура корней по большей части не отличается от структуры основ производных имен (2.5.2.). Единственное различие состоит в том, что у производных имен нет основ, состоящих из двух согласных с синкопируемой гласной между ними. Корни первичных имен можно разделить на трех-, двух- и четырехсогласные.

Корни с тремя «целыми» согласными часто образуют фонологическую структуру с двумя синкопируемыми гласными, распределенными по морфологическим позициям. Абсолютная (и сопряженная) форма имеют вид R₁R₂VR₃, предсуффиксальная форма имеет вид R₁VR₂R₃: *brok* ‘колено’ — *burk-â*, *grem* ‘кость’ — *garm-â*, *dhab* ‘золото’ — *dahb-â*, *dnob* ‘хвост’ — *dunb-â*, *dqan* ‘борода’ — *daqn-â*, *kneṗ* ‘крыло’ — *kenṗ-â*, *kteṗ* ‘плечо’ — *katp-â*.

Хорошо представлен также тип первичных имен с невыпадающей гласной между R₂ и R₃: *tlât-â* ‘три’, *ʿalâh-â* ‘бог’, *ʿnāš-â* ‘люди’, *bʿir-â* ‘скот’, *ḥzir-â* ‘свинья’, *ʿbur-â* ‘(собранное) зерно’, *sḡol-â* ‘виноградная гроздь’.

Первичные имена со вторым геминированным радикалом относительно немногочисленны: *yammin-â* ‘правая рука’, *leššân-â* ‘язык’, *seppar* ‘птица’ (абс. ст.).

Двухсогласные первичные имена составляют важный слой базовой лексики К.с.я.: *ʿab-â* ‘отец’, *bar/br-â* ‘сын’, *ḥad/ḥd-â* ‘один’, *yad/ʿid-â* ‘рука’, *beṛ-â* ‘колодец’, *šet/ʿešt-â* ‘ягодицы’, *pum-â* ‘рот’, *šum/šm-â* ‘имя’.

Примеры четырехсогласных первичных имен: *ʿarnḥ-â* ‘заяц’, *kawkb-â* ‘звезда’, *tmāny-â* ‘восемь’, *ʿuqbr-â* ‘мышь’.

В К.с.я. имеются первичные имена женского рода разных структурных типов, основа которых включает суффиксальный показатель женского рода *-t/-ṭ*, например *ʿarmalt-â* ‘вдова’, *ʿamt-â* ‘рабыня’, *seṗt-â* ‘губа’.

С точки зрения фонологической структуры корня среди непроизводных имен иноязычного происхождения следует различать ранние заимствования (преимущественно

но из семитских языков и древнеперсидского) и поздние заимствования, среди которых преобладают индоевропеизмы (греческого, латинского и среднеперсидского происхождения), составляющие большой пласт культурной лексики К.с.я. (2.6.0.). Существительные первой группы были унаследованы К.с.я. из его непосредственного языка-предка (т. е. общевосточноарамейского) либо заимствованы из других арамейских языков; по фонологической структуре корня они в большинстве случаев не отличаются от исконной лексики: *maškân-â* 'залог' (< акк. *maškānu*), *šladd-â* 'труп' (< аккад. *šalamtu*), *ʔelṗ-â* 'кораблик, лодка' (< аккад. *eleppu*), *ʔeṣṭer-â* (зап.-сир. -i-) 'серебряная монета' (< греч. *στατήρ*), *rāz-â* 'тайна' (< др.-перс. *rāza-*), *dātâ* 'закон' (< др.-перс. *dāta-*).

Существительные второй группы вошли непосредственно в К.с.я. в период массового заимствования иноязычной лексики, которое было обусловлено специфической языковой ситуацией (см. 1.3.1.). Многие из этих заимствований обладают фонологической формой, не характерной для исконных имен: в основе могут присутствовать четыре или пять разных согласных, ни одна из которых по своему качеству не отождествляется как аффиксальная (см. 2.2.2.); в именных основах часто встречается скопление идентичных эмфатических согласных, не характерное для сирийских корней; просодический облик основы может не соответствовать внешней форме ни одной из сирийских словообразовательных моделей; в западносирийских заимствованиях из греческого встречается не свойственная исконной лексике фонема /p/ (см. 2.1.1.). Ср. следующие примеры: *qestônâr-â* 'палач' (< греч. *κουεστιονάριος* < лат. *quaestionarius*), *teʔâriyâ* 'теория' (< греч. *θεωρία*), зап.-сир. *ʔepîsqoṗ-o* 'епископ' (< греч. *ἐπίσκοπος*), *ʔestratîyoṭ-â* 'солдат' (< греч. *στρατιώτης*), *qîrîq-â* 'колчан' (< ср.-перс. *kantigr*).

При присоединении некоторых связанных местоимений к существительным и финитным глаголам имеет место фузия на морфемном стыке (см. 2.4.0., парадигма 1); у ряда форм глаголов со «слабыми» корнями флексия сливается с основой (см. 2.4.0., 2.5.1.). Внутреннее сандхи изредка наблюдается при словосложении (2.5.2.).

2.2.2. В К.с.я. корневые и аффиксальные морфемы различаются по допускаемым в них наборам согласных.

В состав корня может входить любая из согласных.

Последовательность R₁-дентальный (*d/t/ṭ*) + R₂-сибилянт (*s/z/š/ṣ*) в исконной лексике почти не встречается; среди немногих исключений можно упомянуть лексемы *šâ* 'скрывать', *tšâ* 'девять'.

В восточноарамейском диалекте, ставшем основой К.с.я., в составе лексемы не допускалось два вхождения фарингала ʕ, поэтому еще в дописьменный период ʕ₁ > ʔ в порядке диссимиляции по отношению к ʕ₂. Это правило затронуло корни, где некогда появились два звука ʕ за счет совпадения рефлекса прасем. *š с ʕ (*š > ʕ), ср. *ʔelʕ-â* 'ребро' (< *šil(a)ʕ-), *ʔaraʕ* (зап.-сир. *ʔeraʕ*) 'он встретил' (< *ʕrʕš); это правило распространилось также на сложные слова: *ʔarbtaʕsar* 'четырнадцать' (< *ʔarbaʕatʕasar), *šbataʕsar* 'семнадцать', *tšataʕsar* 'девятнадцать' (в этих числительных ʔ > Ø, см. 2.1.3.; формы числительных 'четыре', 'семь', 'девять' см. в 2.3.3.). Звонкий и глухой фарингалы, однако, совместимы в составе лексемы: *ḥdaʕsar* 'одиннадцать'.

В состав словоизменяемых и продуктивных словообразовательных аффиксов входят согласные фонемы /ʔ/, /y/, /m/, /n/, /t/ (см. примеры в 2.4.0., 2.5.2.).

2.2.3. В анлауте слова и слога R_{1w} переходит в y, как и во всех северозападных семитских языках (см. примеры в 2.4.0., парадигма 3.5). С точки зрения глагольного слово- и формообразования такие корни трактуются в описании как содержащие R_{1y}.

Известны несколько исключений из этого правила перехода: *wāle* ‘следует’ (дефективный глагол), *waḏdā* ‘знак, назначенное место или время’.

В раннем сирийском действовало правило синкопы кратких гласных: они выпадали в открытом безударном слоге, а в последовательности двух таких слогов выпадал предударный гласный: *praš* (< **pa-ráš*) vs. *paršaṭ* (< **pa-ra-šát*) ‘он отделил/она отделила’. После того как гласные перестали противопоставляться по количеству, синкопа стала историческим чередованием, ср. *neḵtoḥ/neḵtbun* ‘он напишет/они напишут’ и *heššok/heššok-ā* ‘темный’ (абсолютный и нормальный статус): в первом случае /o/ восходит к исторически краткому гласному, а во втором случае — к исторически долготному гласному. Как следует из истории гласных обоих диалектов К.с.я. (см. таблицу исторического вокализма с комментариями в 2.1.1.), в восточносирийском как правило лишь две гласные фонемы (/o/ и /u/) были способны чередоваться либо не чередоваться (в зависимости от этимологии) с нулем в безударном открытом слоге. Иными словами, восточносирийский /u/ < **ū* не выпадает в открытом безударном слоге, а /u/ < **u* выпадает, например *rhumā* ‘возлюбленный’ vs. *rhumtā* ‘возлюбленная’, но *tešbuḥtā* ‘прославление’ (ед. ч.) vs. *tešbhātā* ‘прославления’ (мн. ч.). В западносирийском такое двойственное отношение к синкопе в зависимости от этимологии обнаруживают гласные /e/ и /u/. Совокупность этих фактов можно было бы истолковать в том смысле, что в К.с.я. сохранялись долготные противопоставления гласных (относительно восточносирийского вокализма такого рода предположения не раз высказывались в современной литературе). Однако в этом случае пришлось бы считать синхронно долгими все несинкопируемые гласные, диахронически возводимые к долгим гласным. По этому признаку для восточносирийского следовало бы постулировать не семь гласных фонем /i/, /e/, /e:/, /a/, /ā/, /o/, /u/, противопоставленных качественно, а девять фонем: четыре краткие /e/, /a/, /o/, /u/ и пять долгих /i:/, /e:/, /ā:/, /o:/, /u:/ . Для западносирийского вместо пяти гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/ следовало бы допустить семь фонем: три краткие /e/, /a/, /u/ и четыре долгие /i:/, /e:/, /o:/, /u:/ . Это решение не кажется убедительным по ряду причин. Во-первых, в корпусе было бы трудно найти убедительные минимальные пары, подтверждающие такой подход. Во-вторых, это решение вступает в противоречие с обеими системами огласовки (1.4.0.), явно фиксирующими лишь качественные различия. Наконец, синкопа исторически кратких гласных не была в К.с.я. последовательно позиционной, так как она никогда не распространялась на некоторые морфологические контексты. Так, этимологически краткий гласный не выпадает после гортанной смычки в анлауте слова (см. ниже), а также в ряде глагольных форм, связанных с объектными местоимениями: *šmaʿáyn* ‘послушай меня!’, *qaryatēh* ‘она позвала его’. В новых безударных слогах CV, возникших из-за фонетических изменений и в результате инноваций в глагольной флексии, этимологически краткие гласные уже не выпадали: *?e-te-kél* ‘он был съеден’ (см. ниже), *kto-bún* ‘напишите!’ (см. 2.4.0., парадигма 3.1), зап.-сир. *qa-bél* (< *qab-bél*) ‘он принял’.

В анлауте слова на месте кластера *#?C-, который должен был возникнуть в раннем сирийском по правилу синкопы кратких гласных, в обоих позднейших диалектах К.с.я. за ? следует гласный *a* или *e* (без ясного распределения). Обычно для той или иной словоформы качество этого гласного одинаково в обоих диалектах, что свидетельствует о том, что гласный присутствовал в этой позиции и в раннем сирийском: *?alāhā* ‘бог’, *?esārā* ‘пояс’, *?abīl* ‘грустный’, *?eḥad* ‘он погиб’, *?alaš* ‘он напирал’ (зап.-сир. *?elaš*), *?eraḥḥem* ‘я смилостивлюсь’, *?equm* ‘я встану’. Если ? в анлауте сло-

ва — префикс 1-го лица единственного числа футурума, а далее идет открывающий слог BDGPTK, то BDGPTK реализуется как смычный: *ʔeduš* ‘я потопчу’, *ʔekaddeb* ‘я солгу’, *ʔebarrek* ‘я благословлю’. Иногда это происходит и в претерите глаголов К-породы со вторым корневым — гласным: *ʔakin* ‘он приготовил’, но *ʔatib* ‘он вернулся’.

Согласный /n/ иногда подвергается регрессивной контактной ассимиляции: *šaⁿttā* ‘год’ (норм. ст., ср. абс. ст. *šnā*), *sḫiⁿttā* ‘кораблик’ (абс. ст. *sḫinā*), *māⁿttā* ‘город’ (абс. ст. *mānā*), *gḫettā* ‘виноградная лоза’ (мн. ч. *gḫpne*). Во многих случаях ассимиляция не происходит: *gunbā* ‘кража’, *dunbā* ‘хвост’, *tmāntaʕsar* ‘восемнадцать’, *ʕenbe* ‘виноградные грозди’, *šentā* ‘сон’, *maynqānā* ‘кормление грудью’. В К.с.я. ассимиляция /n/ наступает регулярно только в префиксальных формах у дериватов глагольных корней с R₁n в кластере -R₁R₂:- *neppaq* ‘он выйдет’, *l-meppaq* ‘выйти’ (√npq). В этой позиции n не ассимилируется лишь гортанным: *ʔanḫeḫ* ‘он разулся’ (√nhp), *nenham* ‘он зарычит’ (√nhm), однако *nehḫot* ‘он спустится’ (√nhḫ).

В словесном инлауте кластер из геминаты и следующего за ней согласного упрощается за счет утраты геминаты: **reggātā* > *regtā/rektā* ‘желание’ (норм. ст.) vs. *reggā* (абс. ст.). В западносирийском геминированные согласные упрощены также в интервокальной позиции. Так, вост.-сир. *qabbel* ‘он принял’ — зап.-сир. *qabel*.

Гортанная смычка как первый корневой согласный синкопируется в следующих позициях: *ʔ > 0/C__V* (*mʕasse* ‘он лечит’ — *ʔasse* ‘он излечил’, *ʔetʕekel* ‘он был съеден’ — *ʔekal* ‘он съел’), *ʔ > 0/V__C* (зап.-сир. *neʕkul* ‘он съест’ — *ʔekal* ‘он съел’).

Гортанная смычка как второй корневой согласный синкопируется в тех же позициях: *ʔ > 0/C__V* (*šʕel* ‘он потребовал’ — *šāʕel* ‘он требует’), *ʔ > 0/V__C* (*šāʕlin* ‘они требуют’ — *kāḫbin* ‘они пишут’).

В двух глаголах движения корневой l подвергается прогрессивной контактной ассимиляции: √slq (*ʔasseq* ‘он поднял’, общеарамейская черта) и √ʔzl (*ʔzlt* [ʔezzat] ‘она пошла’; графема l обычно сохраняется в орфографии). В именных производных корня slq согласный l ассимилируется в том же фонетическом контексте: *massaqātā* ‘подъем’.

Аффикс t-пород ассимилировался R₁, представленному дентальными смычными t и d: *ʔeḫḫāšši* (√ḫšy) tD ‘он спрятался’ (записывается *ʔḫšy*); *ʔeddakkar* (√dkr) tD ‘он помнил’ (записывается *ʔtdkr*); гипотетический кластер *tdR₂- упрощается в tR₂: *ʔeḫkar* tG ‘он упомянул’ (записывается *ʔtdkr*, однако диакритика во всех случаях указывает на произношение).

Тот же аффикс в контакте с R₁-сибилянтом подвергается метатезе, при этом он ассимилируется сибилянтам z и ṣ по звонкости/эмфатичности и записывается буквами d и ṣ: *ʔestreq* ‘он был расчесан’ (√srq), *ʔezdḫen* ‘он был куплен’ (√zbn), *ʔeṣṭabbaf* ‘он был увлажнен’ (√ṣbṣ).

В К.с.я. y и i распределены дополнительно, если они входят в состав одной и той же морфемы, корневой или аффиксальной.

В следующих позициях реализуется y: C__V *tašʕyātā* ‘повествования’ (мн. ч., норм. ст.), *ʔetyazpat* ‘она была взята в долг’; V__C *layt* ‘не имеется’; V__# *bnay* ‘сыновья’ (сопр.); V__V *nḫiyā* ‘пророк’; #__V *yad* ‘рука’ (абс. ст.), *yāteḫ* ‘он сидит’, *yezpat* ‘она взяла в долг’. С точки зрения правил распределения граница лексемы (символ #) тождественна согласной.

В остальных позициях представлен i: C__C *tašʕiḫā* ‘повествование’ (норм. ст.), *ʔeḫzeḫ* ‘он был взят в долг’, *bnin* ‘сыновья’ (абс. ст.), *nḫiḫā* ‘пророчица’; C__# *tašʕi*

‘повествование’ (абс. ст.); #_C *ʔiḏā* ‘рука’ (норм. ст.), *ʔiteḥ* ‘он сел’, *ʔizeḥ* ‘он взял в долг’, *ʔidaḥ* ‘он знает’. В словесном анлауте перед согласной сегмент *y/i*, реализующийся как *i*, записывается буквой *y* либо сочетанием букв *ʔy*, например *yḏḥ* и *ʔyḏḥ* ‘он знает’ ($\sqrt{yḏḥ}$). В настоящем описании принимается, что орфографическая запись *ʔy* указывает здесь на присутствие в произношении неэтимологической гортанной смычки («твердого приступа»): в этом морфонологическом контексте она регулярно транскрибируется знаком {ʔ}, независимо от орфографии релевантных словоформ в источниках (ср. в особенности парадигму 3.5 «Породы глагола R₁» в 2.4.0.). Таким образом, позицию #_C можно свести к C__C.

Звуки *w* и *u* также распределены дополнительно в алломорфах одной и той же морфемы.

В следующих позициях реализуется *w*: C__V *malkwātā* ‘царства’; V__# *dkiw* ‘они были чисты’, *bḵaw* ‘они плакали’; V__V *mʕawātā* ‘кишки’.

В следующих позициях представлен *u*: C__C *malkuṭā* ‘царство’ (норм. ст.), *qaṭlu-k* ‘они умертвили тебя’, *mʕuṭā* ‘кишечник’; C__# *malku* ‘царство’ (абс. ст.).

Однофонемные проклитики (см. 2.2.1.) принимают вспомогательный гласный *a* при присоединении к носителю с консонантным кластером в анлауте: *ba-qrābā* ‘в битве’, *la-br-ḡh* ‘к его сыну’, *wa-trḡn nunin* ‘и две рыбы’, *b-šaʔttā da-ṭlāt* ‘на третий год’.

В основе имен и глаголов при словоизменении имеют место фонетически необусловленные чередования гласных (для вост.-сир. *i*, *e*, *a*, *o*, *u*) с нулем, см. примеры в 2.4.0. и 2.5.2. Гласный *i* вступает в такое чередование лишь в тех немногочисленных именных основах, где он не перешел в *e* под влиянием закрывающего слог сибиланта (см. 2.1.1.): *gišrā/gšar* ‘мост’ (нормальный и абсолютный статусы). Об историческом чередовании смычных и щелевых шумных см. 2.1.1.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

К.с.я. относится к языкам преимущественно синтетического типа. Однако для сирийского глагола характерны инновационные аналитические черты: область употребления унаследованных синтетических форм сузилась, эти формы отчасти вытеснены многочисленными перифразами с вспомогательным глаголом *hwā* ‘быть’, которые участвуют в выражении видо-временных и модальных значений. Существительное в К.с.я. в значительной степени утратило словоизменительные средства выражения детерминированности, однако были созданы продуктивные аналитические способы для выражения этого значения.

2.3.1. По морфологическим и семантическим критериям принято выделять следующие части речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, предлоги, союзы, частицы. Словоизменительными парадигмами обладают глагол, существительное и прилагательное.

2.3.2. У существительных в К.с.я. два рода — мужской и женский. Мужской род не имеет специальных морфологических показателей в составе существительного. Почти у всех производных существительных женского рода имеется суффиксальный родовой показатель *-t-* (его алломорфы см. в 2.4.0., парадигма 2.3). При отыменной деривации этот показатель часто используется для образования названий существ женского пола от названий существ мужского пола: *bar-t-ā* ‘дочь’ < *br-ā* ‘сын’, *ḥḡar-t-ā* ‘подруга’ < *ḥaḡr-ā* ‘друг’, *malk-t-ā* ‘царица’ < *malk-ā* ‘царь’, *mguš-t-ā* ‘зороастрийская жрица’ < *mguš-ā* ‘зороастрийский жрец’, *tor-t-ā* ‘корова’ < *tawr-ā* ‘бык’. При отглагольной деривации морфема *-t-* указывает на женский род производного существительного и, как правило, не обладает другой (т. е. собственно семантиче-

ской) морфологической нагрузкой; ср. отглагольные существительные с конкретными значениями *mawṭb-ā* 'сиденье' (м. р., √*yṭb* 'сидеть') и *mawḥab-t-ā* 'дар' (ж. р., √*yhb* 'давать'), имеющие общую словообразовательную модель и с морфологической точки зрения различающиеся лишь отсутствием/наличием показателя женского рода. Имеются также «дублетные» лексемы без показателя женского рода и с этим показателем, образованные от одного глагольного корня по одной и той же словообразовательной модели: м. р. *maḥt-ā* 'спуск' vs. ж. р. *maḥḥat-t-ā* 'отпущение, прощение' (√*nḥt* 'спускаться'), м. р. *maʿl-ā* 'приход, наступление, начало' (например, праздника) vs. ж. р. *maʿʿal-t-ā* 'вхождение (в пространственном смысле)', 'вступление (в должность)' (√*ʿll* 'входить').

Для отыменной деривации существительных женского рода, обозначающих лиц женского пола, в ряде случаев используется суффикс *-it*: *meskenā* 'бедняк' (зап.-сир. *meskinā*) > *meskenit-ā* 'беднячка'. Таким способом регулярно образуются производные женского рода от продуктивных имен деятеля, по семантике связанных с глаголами D-породы (см. 2.5.2.): *mqablānā* 'тот, кто принимает' > *mqablānit-ā* 'та, кто принимает'. Так же образуются производные женского рода от существительных с диминутивным суффиксом *-on*: *malk-on-ā* 'царек' > *malkon-it-ā* 'маленькая царица'.

Два неизменяемых существительных женского рода образованы от глагольных корней с помощью непродуктивного суффикса *-ay*: *ʔuʿyay* 'заблуждение', *ʔuʿyay* 'уединение, сокрытость'.

Первичные существительные женского рода в большинстве своем не имеют родового показателя *-t* (см., однако, 2.2.1. и 2.3.3.). Род первичных существительных, обозначающих живых существ, часто семантически мужской род — *ʔabā* 'отец', *brā* 'сын', *ḥmārā* 'осел'; женский род — *ʔemmā* 'мать', *ʔatānā* 'ослица'.

Многие первичные существительные, обозначающие животных и не включающие в свою семантику указания на пол, относятся к женскому роду: *ʔaḥā* 'гиена', *ʔayrā* 'хищная птица', *yārora* 'шакал', *ʔeqqarḥā* 'скорпион', *ʔeḥrā* 'птица', *qopdā* 'ёж', *qalmā* 'вошь', *tawlʿā* 'червь'. Имена, относящиеся к этой группе, нередко обнаруживают колебания в роде.

Первичные существительные, обозначающие парные части тела, в большинстве своем женского рода: *ʔeškā* 'яичко', *burkā* 'колено', *ʔidā* 'рука', *kaṭrā* 'плечо', *kenḥā* 'крыло', *ʔaynā* 'глаз', *qarnā* 'рог', *reḡlā* 'ступня'. В этой семантической группе встречаются и существительные мужского рода: *drāʿā* 'предплечье', *ḥadyā* 'грудь', *tdā* 'женская грудь; вымя'.

Женский род имеют также многие первичные существительные, относящиеся к базовой лексике и не сводимые в ясно очерчиваемые семантические группы: *ʔarʿā* 'земля', *baqrā* 'стадо', *beʿrā* 'колодец', *guḥnā* 'виноградная лоза', *keḥā* 'камень', *luḥā* 'дощечка (для письма)', *melḥā* 'соль'.

Еще одну группу непродуцированных существительных женского рода без родового маркера составляют частотные слова, не относящиеся к общесемитскому фонду первичных имен, в частности древние и хорошо ассимилированные заимствования: *ʔelḥā* 'корабль', *ʔeṣṣerā* 'серебряная монета', *ʔeškārā* 'поле', *ḥaṣṣinā* 'топор', *šladdā* 'труп'.

У ряда частотных существительных без родового показателя род колеблется, иногда с дифференциацией в значении: *zabnā* 'время' (м. р.), 'раз' (ж. р.), *ḥarbā* 'меч' (м. р. и ж. р.), *sahrā* 'луна' (м. р. и ж. р.), *šmauyā* 'небо' (ед. ч. м. р. и ж. р., в библейских переводах — мн. ч. м. р.), *šemsā* 'солнце' (м. р. и ж. р.), *šāqā* 'голень' (ж. р., редко — м. р.).

Названия сторон света — производные существительные женского рода без родового показателя: *maḏenḥā* 'восток', *maʿarbā* 'запад', *garbyā* 'север', *taymnā* 'юг'.

Греческие существительные мужского и женского рода, как правило, сохраняли свой род при заимствовании в К.с.я., при этом существительные женского рода обычно не получали сирийского родового показателя *-t*: *ʔestlā* 'платье' (ж. р.) < греч. *στολή*, *ʔomsā* 'том, документ, послание' (м. р.) < греч. *τόμος*. Греческие существительные среднего рода обычно получали при заимствовании мужской род, реже женский: *gensā* 'род, разновидность' (м. р.) < греч. *γένος*, *bēmaʿ* 'престол, амвон, помостик' (ж. р.) < греч. *βῆμα*.

Греческие абстрактные существительные женского рода с ауслатом словарной формы *-īa* получают при заимствовании в К.с.я. фонологически нехарактерный для этого языка исход *yʔ* [-iyá]: *teʔāriyá* 'теория' (< греч. *θεωρία*), *ʔeksāriyá* 'изгнание' < греч. *ἔξορία*. Такие существительные относятся в К.с.я. к женскому роду и не изменяются по статусам.

Мишенями согласования по роду являются прилагательные в атрибутивном и предикативном употреблении (см. их родовые показатели в 2.4.0.), порядковые и отчасти количественные числительные (см. 2.3.3.), а также личные формы глагола (см. 2.3.5., 2.4.0.).

У личных местоимений род имеет дейктический характер: выбор родовой формы (а у субъектных местоимений 1-го лица — их поведение как источников согласования) определяется полом говорящего и адресата. У указательно-анафорических местоимений выбор родовой формы определяется родом существительного-антецедента (2.3.6., 2.4.0.).

Как и во всех древних семитских языках, местоимения первого лица и глаголы в первом лице имеют по одной форме, независимо от пола говорящего (см. 2.4.0.). В этом смысле местоимения первого лица и глаголы в первом лице можно считать формами общего рода.

Существительные и прилагательные в К.с.я. обладают формально-морфологической словоизменительной категорией *с т а т у с а*, включающей три элемента, которые принято называть абсолютной, сопряженной и определенной формами. Их, в свою очередь, тоже часто называют статусами: в традиционной латинской терминологии это, соответственно, *status absolutus*, *status constructus*, *status emphaticus*.

Статус выражается словоизменительными суффиксами, в значительной мере кумулятивно со значениями рода и числа (см. парадигмы склонения имен в 2.4.0.). У прилагательных в мужском роде и у существительных, не имеющих в единственном числе показателя женского рода *-t*, абсолютная и сопряженная формы в единственном числе морфологически не различаются.

Унаследованное из праарамейского языка морфологическое различие определенной и абсолютной форм существительного в К.с.я. уже не выражает семантику детерминированности (определенности), так как в К.с.я. формы исторического определенного статуса оказываются наиболее частотными и единственными продуктивными, «нормальными» формами существительного, в том числе в предикативном употреблении. У многих исконных существительных другие формы статуса не засвидетельствованы. Поэтому в настоящем описании этот статус называется «нормальным». Интересно, что в сирийской грамматической традиции абсолютный статус обозначается термином *gḏāmā* 'усечение, апокопа', то есть рассматривается как производный по отношению к нормальному, формы которого в большинстве случаев фонологиче-

ски «полнее» и содержат больше ненулевых морфем (см. 2.4.0., парадигмы 2.1.–2.3. с комментариями).

У прилагательных в атрибутивном употреблении статус является внутренней согласовательной категорией и включает нормальную и абсолютную формы (2.4.0., парадигма 2.1), например *mellā*_{1абс. ж.р.} *bišā*_{2абс. ж.р.} vs. *mettā*_{1норм. ж.р.} *bištā*_{2норм. ж.р.} ‘злое₂ слово₁’. Предикативные прилагательные часто (хотя далеко не всегда, см. 2.5.3.) употребляются в абсолютной форме, см. примеры ниже.

То, что нормальный и абсолютный статусы существительного в К.с.я. не составляют оппозицию по признаку определенности, видно из следующих фактов.

— Постпозитивный член существительных (исторически — показатель определенности) утратил дейктическую и анафорическую функцию определенного артикля, так что нормальная форма свободно употребляется в недетерминированном значении: *ḥaḍ*₁ *barnāš-ā*_{2норм.} *ḥakkim-ā*_{3норм.} ‘некий (букв. ‘один₁’) мудрый_{3норм.} человек_{2норм.}’.

— Абсолютная форма может употребляться у контекстуально детерминированных существительных: *b-haw ṣeddān*_{абс.} ‘в этот момент_{абс.}’.

— В тех синтаксически периферийных позициях, в которых абсолютную форму часто используют как морфосинтаксический архаизм, она может заменяться нормальной. Так, в обстоятельственных предложных группах нормальная форма употребляется в порядке свободного варьирования наряду с более частотной абсолютной: *men šel*₁[’]_{абс.} и *men šelyā*_{норм.} ‘внезапно’.

Об аналитическом выражении семантики определенности см. 2.3.3., 2.3.4., 2.3.6.

Сопряженная форма имен (существительных и прилагательных), образующая в атрибутивной именной группе вершину, к которой непосредственно примыкает зависимое существительное, употребляется преимущественно в следующих случаях.

— В устойчивых выражениях, тяготеющих к лексикализации, например *bar*_{сопр.} *ḥeṣe* ‘свободный человек’, букв. ‘сын_{сопр.} свободных’, *ruh*_{сопр.} *quḍšā* ‘святой дух_{сопр.}’, *ḥaywat*_{сопр.} *šennā* ‘хищный зверь’ (букв. ‘зверь_{сопр.} с зубами’), *rabbay*_{сопр.} *kāhne* ‘первосвященники’ (букв. ‘начальники_{сопр.} священников’), *gzār*_{сопр.} *dinā* ‘приговор’, букв. ‘решение_{сопр.} суда’ (см. также примеры в 2.5.2.); в других случаях преобладают аналитические средства выражения атрибутивных отношений между двумя существительными.

— В именных группах, включающих вершинное прилагательное или причастие и определяющее его существительное: *yaqqirat*_{сопр.} *dmauūā* ‘дорогостоящая’ (букв. ‘дорогая_{сопр.} ценой’), *šqil*_{сопр.} *hawṇā* и *nsib*_{сопр.} *hawṇā* ‘тот, кто лишен_{сопр.} разума, неразумный’, *yāheḥ*_{сопр.} *quāte* ‘тот, кто заключает_{сопр.} договоры’, *dāḥlay*_{сопр. мн. ч.} *šm-āk* ‘те, кто почитает_{сопр. мн. ч.} твое имя’ (см. 2.5.2. об именах деятеля). В конструкциях с вершинным прилагательным и причастием сопряженная форма обязательна, то есть сопряженное сочетание не может быть заменено аналитической конструкцией вроде **šqilā*_{норм.} *d-hawṇā* ‘тот, кто лишен_{норм.} разума’ (см. 2.3.4.).

Сопряженная форма существительных свободно употребляется как вершина именной группы с зависимыми — связанными посессивными местоимениями: *ḥayl-ēh* ‘его сила’, *seḫr-ēh* ‘его книга’.

Сопряженная форма причастий, употребляющихся в субстантивном значении имен деятеля, нередко определяется предложными группами, наречиями, либо отделяется предложной группой от зависимого-существительного: *māytay*_{1сопр. мн. ч.} *qallilā?it*₂ ‘те, кто быстро₂ умирает_{1сопр. мн. ч.}’, *bānyay*_{1сопр. мн. ч.} *ʿal ḥālā₂ benyānā₃* ‘те, кто строит_{1сопр. мн. ч.} здание₃ на песке₂’, *nāsbay*_{сопр. мн. ч.} *b-ʿappē*, букв. ‘принимающие_{сопр. мн. ч.}

лицо', т. е. 'лицемеры' (лексикализация именной группы с зависимым, выраженным предложной группой). Это неклассическое для семитского языка применение сопряженной формы как изафетного показателя, не обусловленного непосредственным соположением вершины с зависимым существительным, также свидетельствует о распаде унаследованного морфосинтаксиса статуса.

Абсолютная форма существительного употребляется преимущественно в следующих случаях.

— При дистрибутивном повторе: *šnā*_{абс.} *ba-šnā*_{абс.} 'ежегодно (букв. 'год за годом')', *yom*_{абс.} *men yom*_{абс.} 'изо дня в день'.

— В контексте *kol* 'всё, всякий' и в сочетании с количественными числительными: *kol ʔāswān*_{абс. мн. ч.} *da-b-kol ʔatar*_{абс. мн. ч.} 'все лекарства_{абс. мн. ч.}, которые (находятся) в любом месте_{абс.}', *trēn ʔālmin*_{абс.} 'два мира_{абс.}'.

— В некоторых предложных обстоятельственных оборотах, в частности в отрицательных: *ba-rġel* 'пешком', *ba-zḅan* 'однажды', *l-ʔālmin* 'навсегда', *d-lā menyān* 'без счета'.

Во всех контекстах такого типа засвидетельствованы также существительные в нормальном статусе.

Абсолютная форма прилагательных употребляется в качестве сказуемого именного предложения: *lā saggi*_{абс.} *ḥṭāh-eh* 'его грех невелик_{абс.}', *ḥubbā*_{норм.} *rām*_{абс.} *men pālġūā*_{норм.} 'Любовь_{норм.} выше_{абс.}, чем вражда_{норм.}'.

2.3.3. Грамматическая категория ч и с л а имеет два значения — единственное и множественное. Число есть у существительных, прилагательных, глаголов, а также у личных, указательных и части вопросительных местоимений. В глагольном и именном предложениях сказуемое согласуется в числе с подлежащим, атрибутивное прилагательное согласуется в числе с определяемым существительным. Однако собирательные существительные в единственном числе, обозначающие лиц, являются источниками согласования во множественном числе: *qʕaw*_{мн. ч.} *ʕammā*_{ед. ч.} 'народ_{ед. ч.} закричал_{мн. ч.}'.

В личных формах глагола число выражается флексией, по большей части слитно с другими грамматическими значениями (см. 2.4.0.). У местоимений число выражается лексически, кумулятивно со значениями рода и (у личных местоимений) лица (см. 2.3.6., 2.3.7., 2.4.0.).

У большинства существительных и прилагательных число регулярно выражается (часто совместно с родом и статусом) суффиксами, представленными в словоизменительных парадигмах имени (см. 2.4.0.). Однако ряд имен (преимущественно существительных) образует множественное число (или часть форм множественного числа) нерегулярными способами.

Особенности в образовании множественного числа у исконных имен сводятся в основном к трем типам явлений: (I) ряд существительных и прилагательных имеет нерегулярные суффиксы множественного числа; (II) некоторые частотные существительные женского рода обнаруживают родовые морфологические показатели лишь в одной из форм числа; (III) у некоторых частотных существительных имеется нестандартная форма основы множественного числа, к которой присоединяются нерегулярные флективные суффиксы. Далее эти особенности рассматриваются в указанной последовательности. По умолчанию, в примерах слева от тире указывается форма единственного числа нормального статуса, справа от тире — нерегулярная форма множественного числа нормального статуса.

Тип I. У ряда существительных мужского рода с односложной основой имеется нерегулярный суффикс нормального статуса множественного числа *-ayūā* (вм. стандартного *-e*): *gaḏy-ā* 'козленок' — *gḏ-ayūā*, *zn-ā* 'разновидность' — *zn-ayūā*, *manū-ā* 'мина (мера веса)' — *mn-ayūā*, *qanū-ā* 'тростник' — *qn-ayūā*, *tā-ā* 'грудь' — *tā-ayūā*, *ʔid-ā* 'рука' — *ʔid-ayūā* (правильная форма множественного числа *ʔidē* тоже засвидетельствована); сюда же относятся pluralia tantum *dmayūā* 'цена', *mayūā* 'вода', *šmayūā* 'небо'. У таких существительных абсолютная и сопряженная формы множественного числа (где они засвидетельствованы) имеют стандартные суффиксы *-in* и *-ay*: *zn-in*_{абс.}, *zn-ay*_{сопр.} 'разновидности'.

Отглагольные прилагательные (морфологически — активные и пассивные причастия), образованные от глаголов с R₃y, имеют в нормальном статусе множественного числа мужского рода суффикс *-ayūā*: *qašy-ā* 'тяжелый' — *qš-ayūā*, *šāṭy-ā* 'глупый' — *šāt-ayūā*, *mšarray*_{абс.} 'парализованный' — *mšarr-ayūā*. В абсолютном статусе множественного числа мужского рода эти прилагательные имеют исход на *-en* (*qš-en* 'тяжелые'), в сопряженном статусе множественного числа мужского рода — исход на *-yay* (*qaš-yay*).

Как видно из примеров, основы с исходом на *y*, как правило, сливаются с суффиксом множественного числа; в этих случаях графическая линейная сегментация (например *qn-ayūā* и *qš-ayūā*) предложена лишь для наглядности.

Некоторые частотные существительные мужского рода с односложной основой образуют множественное число нормального статуса посредством суффикса *-awāt*: *ʔary-ā* 'лев' — *ʔary-awāt-ā*, *ḥady-ā* 'грудь' — *ḥd-awāt-ā*, *lely-ā* 'ночь' — *layl-awāt-ā*, *mār-ā* 'господин' (*māry-ā*, если референт — Бог или Христос) — *mār-awāt-ā*, *rāṣy-ā* 'пастух' — *rāṣ-awāt-ā*, *ʔāsy-ā* 'врач' — *ʔās-awāt-ā*, *ʔatr-ā* 'место' — *ʔatr-awāt-ā*, *nahr-ā* 'река' — *nahr-awāt-ā*. Эти же существительные образуют множественное число абсолютного статуса (в тех случаях, когда оно засвидетельствовано) посредством нерегулярного суффикса *-awān*: *ʔary-awān* 'львы', *layl-awān* 'ночи', *mār-awān* 'господа'.

У нескольких первичных существительных множественное число образуется с помощью суффикса *-(ā)hātā*: *ʔab-ā* 'отец' — *ʔab-āhātā*, *ʔemm-ā* 'мать' — *ʔem-hātā*, *šm-ā* 'имя' — *šm-āhātā*.

Некоторые существительные мужского рода образуют множественное число посредством суффикса *-āne*: *ʔebb-ā* 'плод' — *ʔebb-āne*, *besm-ā* 'благовоние' — *besm-āne* (а также правильное *besm-e*), *ḥamr-ā* 'вино' — *ḥamr-āne*, *samm-ā* 'лекарство' — *samm-āne*, *ʔury-ā* 'листва' — *ʔury-āne*, *rabb-ā* 'учитель' — *rabb-āne*, *reḥ-ā* 'запах' — *reḥ-āne*. Среди них заметна группа существительных с базовыми «неисчисляемыми» значениями. Формы множественного числа абсолютного статуса с суффиксом **-ānin* не засвидетельствованы.

Тип II. У нескольких первичных существительных женского рода суффиксальный показатель женского рода появляется лишь во множественном числе: *ḥaql-ā* 'поле' — *ḥaql-ātā*. В этой группе известны лишь следующие существительные: *ʔarʔ-ā* 'земля', *ʔurḥ-ā* 'путь', *kars-ā* 'живот', *katp-ā* 'плечо', *naṣš-ā* 'душа', *ʔaṭm-ā* 'бедро, бок', *ʔars-ā* 'ложе'. Засвидетельствованные абсолютная и сопряженная формы множественного числа имеют тот же вид, что и у производных существительных женского рода (см. 2.4.0., парадигма 2.3): *naṣš-ān*, *naṣš-āt*.

Несколько непродеривированных существительных женского рода имеют по две формы множественного числа, с показателем *-ātā* или *-e*. Сюда относятся лексемы *daṣn-ā*

‘сторона, ребро’, *kenp-â* ‘крыло’ (птицы), *sakkin-â* ‘нож’, *sebš-â* ‘палец’, *qarn-â* ‘рог’, *ruh-â* ‘ветер, дыхание, дух’. В ряде случаев показатель множественного числа *-âtâ* используется в значении, близком к деривативному: он маркирует во множественном числе переносное значение лексемы. Известны следующие примеры: *ʔedn-â* ‘ухо’ — мн. ч. *ʔedn-ê* vs. *ʔedn-âtâ* ‘ушки’ (например ‘ручки посуды’), *ʔayn-â* ‘глаз’ — мн. ч. *ʔayn-ê* vs. *ʔayn-âtâ* ‘источники’, *reġl-â* ‘ступня’ — мн. ч. *reġl-ê* vs. *reġl-âtâ* ‘основания’, *šenn-â* ‘зуб’ — мн. ч. *šenn-ê* vs. *šenn-âtâ* ‘острые концы’. С исторической точки зрения, суффикс множественного числа *-ê* восходит здесь к праарамейскому показателю двойственного числа.

Известно несколько десятков непроизводных существительных женского рода с суффиксальным родовым показателем лишь в единственном числе. Такие существительные имеют флексию «женского» типа в единственном числе, и «мужского» типа — во множественном числе (ср. 2.4.0., парадигмы 2.2. и 2.3), например *mel-t-â* ‘слово’ — мн. ч. *mell-ê*, *ʔamtâ* ‘локоть (в том числе мера длины)’ — мн. ч. *ʔamme*, *šâftâ* ‘час’ — мн. ч. *šâfê*, *ʔenb-t-â* ‘виноградная гроздь’ — мн. ч. *ʔenb-ê*, *sʔart-â* ‘ячмень’ — мн. ч. *sʔâr-ê*.

Тип III. К наиболее частотным существительным этого типа относятся следующие: *br-â* ‘сын’ — мн. ч. *bn-ayyâ*, *šâʔt-t-â* ‘год’ — мн. ч. *šn-ayyâ*, *ʔamt-â* ‘рабыня’ — мн. ч. *ʔam-hâtâ*, *qrit-â* ‘селение’ — мн. ч. *qury-â*.

Существительные, заимствованные из греческого языка и сохранившие фонетические сегменты, которые восходят к греческим суффиксам множественного числа, встречаются преимущественно в религиозно-правовых текстах, переведенных с греческого (например, в нормативных христологических документах); см. 2.6.0.

Количественные числительные от одного до девятнадцати изменяются по родам по согласованию с родом существительного, обозначающего исчисляемое.

Для числительных второго десятка ниже приводятся лишь наиболее частотные формы.

	М. р.	Ж. р.
‘один’	<i>ħad</i>	<i>ħdâ</i>
‘два’	<i>trēn</i>	<i>tartēn</i>
‘три’	<i>tlâtâ</i>	<i>tlât</i>
‘четыре’	<i>ʔarbʔâ</i>	<i>ʔarbaʔ</i>
‘пять’	<i>ħamšâ</i>	<i>ħammeš</i>
‘шесть’	<i>štâ/ʔeštâ</i>	<i>šet</i>
‘семь’	<i>šabʔâ</i>	<i>šbaʔ</i>
‘восемь’	<i>tmânyâ</i>	<i>tmâne</i>
‘девять’	<i>tešʔâ</i>	<i>tšaʔ</i>
‘десять’	<i>ʔesrâ</i>	<i>ʔsar</i>

	М. р.	Ж. р.
‘одиннадцать’	<i>ħdaʔsar</i>	<i>ħdaʔsrê</i>
‘двенадцать’	<i>treʔsar</i>	<i>tartaʔsrê</i>
‘тринадцать’	<i>tlâtaʔsar</i>	<i>tlâtaʔsrê</i>
‘четыренадцать’	<i>ʔarbtaʔsar</i>	<i>ʔarbaʔsrê</i>
‘пятнадцать’	<i>ħameštaʔsar</i>	<i>ħamšaʔsrê</i>
‘шестнадцать’	<i>šettaʔsar</i>	<i>šettaʔsrê</i>
‘семнадцать’	<i>šbâtaʔsar</i>	<i>šbaʔsrê</i>
‘восемнадцать’	<i>tmântaʔsar</i>	<i>tmânaʔsrê</i>
‘девятнадцать’	<i>tšaʔtaʔsar</i>	<i>tšaʔsrê</i>

Количественные числительные, обозначающие десятки и сотни, имеют неизменяемую форму: *ʔesrin* ‘двадцать’, *tlâtin* ‘тридцать’, *ʔarbʔin* ‘сорок’, *ħamšin* ‘пятьдесят’, *štin/ʔeštīn* ‘шестьдесят’, *šabʔin* ‘семьдесят’, *tmânin* ‘восемьдесят’, *tešʔin* ‘девяносто’; *mʔâ* ‘сто’, *mʔatēn* ‘двести’, *tlât mʔâ* ‘триста’, *ʔarbaʔmʔâ* ‘четыреста’ и т. д.; *ʔâlēp* ‘тысяча’, *trēn ʔalpīn* ‘две тысячи’. Числительные ‘два’ и ‘двести’ имеют облик морфологического дуалиса, более нигде в К.с.я. не сохранившегося.

Числительное 'один' употребляется преимущественно в постпозиции к исчисляемому в единственном числе нормального статуса, иногда сообщая этому существительному значение неопределенности: *gabr-â_{норм.} den haq ṣattir-â_{норм.} ?it-^hwa* 'жил-был некий (букв. 'один') богатый_{норм.} человек_{норм.}'. Остальные числительные употребляются с исчисляемым во множественном числе. Числительные обычно предшествуют исчисляемому в абсолютном статусе и следуют за исчисляемым в нормальном статусе: *hānnon haṃšā laḥmin_{абс.} wa-treṇ nunin_{абс.}* 'те пять хлебов_{абс.} и две рыбы_{абс.}', *uāwmātā_{норм.} treṇ* 'два дня_{норм.}', *malke_{норм.} tmāntaṣsar/tmāntaṣsar malkin_{абс.}* 'восемнадцать царей', *m'ā šnin_{абс.}/šnaṣṣā_{норм.} m'ā* 'сто лет'. Лексема *m'ā* употребляется также в значении счетного существительного женского рода 'сотня' в нормальном статусе: *m'at-ā*. 'Тысяча' — существительное мужского рода, изменяющееся по числам и статусам; засвидетельствованы формы единственного числа *?āleṣ, ?alpa* и множественного числа *?alpin, ?alpe: šā_{м.р.} ?alpin_{абс. мн. ч.} da-šnaṣṣā* 'шесть_{м.р.} тысяч лет'.

Количественные числительные от двух до десяти принимают связанные посессивные местоимения: *tray-n* 'мы оба', *tray-hon bnay zabḏay* 'оба сына Зеведея', *tartay-heṇ* 'они обе', *tlāttay-hon* 'они (м.р.) втроем'. Эти местоимения придают соответствующим именным группам положительное значение детерминации.

В составных числительных нисходящая последовательность компонентов: *šabṣā ?alpin wa-tlāt m'ā wa-tlātin w-šabṣā* 'семь тысяч триста тридцать семь'.

Известны порядковые числительные: *qadmāy-ā/qadm-ā* 'первый', *trayān-ā* 'второй'; остальные образуются по модели *qīlāy-: tliṭāy-ā* 'третий', *rbiṣāy-ā* 'четвертый', *ḥmišāy-ā* 'пятый', *štitāy-ā* 'шестой', *šbiṣāy-ā* 'седьмой', *tmināy-ā* 'восьмой', *išīṣāy-ā* 'девятый', *?sirāy-ā* 'десятый'. Порядковые числительные представляют собой прилагательные, согласующиеся в роде с исчисляемым. Значение порядковости чаще выражается аналитически: «исчисляемое + относительное местоимение *d-* + количественное числительное, согласующееся в роде с исчисляемым», например *uāwm-ā_{м.р.} d-[?]arbṣ-ā_{м.р.}* 'четвертый день', *b-šatāⁿttā_{ж.р.} da-tlāt_{ж.р.}* 'на третий год'.

Дроби обозначаются существительными: *pelg-ā* 'одна вторая' образовано от глагола *plag* 'делить надвое', остальные образуются по модели *qitl-* от корневых согласных экспонента знаменателя: *tult-ā* 'одна треть', *rubṣ-ā* 'одна четверть' и т.п.

2.3.4. Личные местоимения имеют п а д е ж н ы е формы, выражающие субъектно-объектные и посессивные значения (см. 2.4.0., парадигма 1.1.).

Флексия существительного не выражает синтаксических ролей подлежащего и прямого дополнения. Порядок слов также не передает формально-синтаксических отношений и определяется прагматикой высказывания (см. 2.5.3.). Непрямые дополнения с семантикой адресата и реципиента всегда вводятся предлогом *l-* с базовым директивным значением: *hāḱannā₁ ?amar^w₂ la-šliḥā₃* 'так₁ они сказали₂ апостолу₃', *uā^hb l-i* 'он дал мне'. Тот же предлог *l-* часто употребляется при контекстуально детерминированном прямом дополнении: *bnā₁ ḥ koḏantā₂* 'Он соорудил ḥ осадную насыпь₂' (у прямого дополнения *koḏantā* отрицательное контекстуальное значение детерминированности при первом упоминании его референта в повествовании, предлог *l-* не употреблен), но *da-nrim₁-ih₂ l-koḏantā_{доп.} ḥāy d-neṣlat* 'чтобы он (снова) поднял₁-ее₂ ту осадную насыпь_{доп.}, которая упала'; *ḥarbu-h la-mḏīⁿttā* 'Они разорили-его (этот) город'. Эти же примеры иллюстрируют еще один частотный (но тоже не обязательный) способ, которым кодируется прямое дополнение с положительным значением определенности, — оно инкорпорируется в глагол за счет присоединения к гла-

голу связанного объектного местоимения 3-го лица, согласующегося с субстантивным дополнением в числе и роде.

Полисемия предлога *l-* может приводить к нейтрализации в выражении «падежных» значений, в частности при предикатах с сильной «дательной» или локативной валентностью. Так, предложения *šaddar la-šliḥā* и *la-šliḥā šaddar* оба могут значить ‘Он послал апостолу’ и ‘Он послал апостола’, в последнем случае с положительным значением определенности. В предложении *šaddar₁ ?alāḥā₂ la-br-ēḥ₃ l-ʔālmā₄* ‘Бог₂ послал₁ своего сына₃ в мир₄’ нет формального различия между прямым дополнением и обстоятельством места: оба они получают синтаксическое оформление, которое имеет аргумент с семантической ролью адресата. Поэтому с синтаксической точки зрения это высказывание допускает чтение ‘Бог послал своему сыну (этот) мир’.

Эксклюзивным синтаксическим показателем прямого дополнения являются лишь связанные приглагольные местоимения. Так, предложение *šadr-ēḥ ?alāḥā* имеет значение ‘Бог послал его’ и не может интерпретироваться как *‘Бог послал ему’. Связанное анафорическое местоимение при глаголе всегда указывает на детерминированное прямое дополнение. Например, предложения *šadr-ēḥ la-šliḥā*, *la-šliḥā šadr-ēḥ*, *šadr-ēḥ šliḥā*, *šliḥā šadr-ēḥ* при кореферентности связанного местоимения и существительного имеют значение ‘Он послал апостола’ с положительным значением определенности прямого дополнения.

Предлог *l-* также вводит фокусируемое прямое дополнение, выраженное личным местоимением: *w-l-i yaqqarton* ‘А меня вы почтили’, *l-i₁ ?ahpek₂ ?al šed₃ wa-l-haw₄ zqaḗ₅* ‘Меня₁ он вернул₂ на мою должность₃, а его (букв. ‘того₄’) он повесил₅’. Если выражаемый личным местоимением объект не в фокусе, используется связанная приглагольная форма: *zqaḗ-ēḥ* ‘Он повесил его’.

Предлог *l-* со связанными местоимениями часто употребляется в рефлексивно-бенефактивном значении, обычно с непереходными глаголами в претерите и императиве: *nḗaq l-ēḥ*, букв. ‘он вышел себе’, *miṭ^w l-hon*, букв. ‘они умерли себе’; *qum l-āk*, букв. ‘встань себе’; *hwā₁ l-ēḥ₂ yammā₃ rabbā₄ l-ḥar men šur-ē^h da-mḏittā* ‘образовался (букв. ‘возник себе₂’) большой₄ водоем₃ за городскими стенами’, *šlem l-ēḥ zaḥnā*, букв. ‘завершилось себе время’ (т. е. ‘исполнился срок’). Вероятно, таким образом подчеркивался перфективный характер соответствующих ситуаций.

В пассивных предложениях агенс может вводиться обстоятельственными предложными группами, возглавляемыми предлогами *men* ‘от’ и (изредка) *l-*: *?etbazzah men mḡuše* ‘Он был осмеян магами’, *malḗā^h wāt l-ʔemm-āḥ* ‘Она была подучена своей матерью’.

Наиболее универсальным способом выражения п о с е с с и в н ы х отношений является постпозитивное субстантивное определение, вводимое посессивным предлогом *d-*: *br-ā d-malkā* ‘сын царя’. Если именная группа контекстуально детерминирована, то ее вершина часто получает изафетный показатель — связанное катафорическое местоимение, согласующееся в роде и числе с зависимым существительным: *rawm-ēḥ d-šurā*, букв. ‘высота-ее стены’; *br-ēḥ d-ʔalāḥā* (наряду с *br-ā d-ʔalāḥā*) ‘Сын Бога’.

Существуют также следующие способы выражения атрибутивно-посессивных отношений:

— сопряженное сочетание, т. е. именная группа с вершиной в сопряженной форме; такое сочетание может быть синонимично атрибутивной конструкции с предлогом *d-* (*malkūt_{сопр.} šmauā* и *malkūt-ā_{норм.} da-šmauā* ‘царство небес’), однако употребление сопряженного сочетания ограничено (см. 2.3.2.);

— посессивные местоимения, связанные с существительными (см. 2.4.0., парадигма 1): *br-ḡh* ‘его сын’, *malkūt-hon* ‘их царствование’;

— автономное притяжательное местоимение *dil-*, с которым связаны посессивные местоимения. Оно образовалось посредством соединения служебных слов *d-* и *l-* и во внутренней форме значит ‘то, что (относится) к’. Это местоимение употребляется постпозитивно как зависимое в именной группе, а также в аргументных ролях. Так, именная группа *seḫr-ā da-nḫiyā* ‘книга пророка’ преобразуется в *seḫr-ḡh* ‘его книга’ и, при коммуникативном выделении посессора, в конструкцию с автономным притяжательным местоимением *seḫr-ā dil-ḡh* ‘книга, принадлежащая ему’, в которой контекстуально детерминированная вершина может принимать катафорическое местоимение: *seḫr-ḡh dil-ḡh*. В стилистических целях допустима перестановка компонентов именной группы типа *seḫr-ḡh dil-ḡh: dil-ḡh₁ seḫr-ḡh₂* ‘его₁ книга₂’, *dil-an₁ simt-an₂* ‘наше₁ сокровище₂’; возможен даже дистактный порядок слов: *dil-ḡh ḡḡṭarḫā napš-ḡh*, букв. ‘его мучается душа-его’. Примеры субстантивных употреблений: *net-tel l-zabn-ā dil-ḡh* ‘воздадим же времени то, что ему подобает’; *qawwiw ḡen ḡad ḡad menhon b-dil-ḡh* ‘но каждый из них остался при своем’;

— относительные прилагательные, образующиеся с помощью суффикса принадлежности *-āy* от существительных, например *malk-āy-ā* ‘царский’ < *malk-* ‘царь’ (см. 2.5.2.).

Обстоятельные значения выражаются предлогами. Предлог *l-* может обозначать положение во времени (*la-tlātā yawmin* ‘по прошествии трех дней’), а также цель и причину (*mzaḡḡeq-^hwā l-metnzāru* ‘он кричал, чтобы (они) побереглись’ (букв. ‘чтобы поберечься’), *māḡet l-kaḫnā* ‘он умирает от голода’). Причина выражается также частотным предлогом *meḡḡol* ‘из-за’. Пространственные отношения выражаются предлогами: *b-* ‘в’ (нахождение в пространстве), *qḡām* ‘перед’, *ḡet/ḡot* ‘под’; *men* ‘от’, *ḡal* ‘над’, *beḡ* ‘между’.

2.3.5. У сирийского глагола значения, относящиеся к области залога и переносности, выражаются преимущественно словообразовательными средствами (породами), а также аналитически. Видо-временные значения выражаются финитными формами и аналитически — конструкциями с вспомогательным глаголом *hwā* ‘быть’. Имеются три видо-временные финитные формы: претерит, или суффиксальное спряжение (традиционное название — «перфект»); футурум, или префиксально-суффиксальное спряжение (традиционное название — «имперфект»), и презенс, образовавшийся за счет фузии предикативного причастия с энклитическими субъектными местоимениями (о выражении видо-временной семантики см. 2–3.6.). Косвенная модальность выражается императивом, футурумом в части его употреблений (2.3.6.), а также модальными перифразами. К наиболее продуктивным отглагольным именам, сохраняющим основную лексическую семантику глагольного слова, относятся причастия и инфинитив, а также имя деятеля и (для G- и D-пород) имя действия (2.3.7., 2.4.0., 2.5.2.).

В качестве цитатной формы глагола в настоящем описании употребляется форма 3-го лица единственного числа мужского рода претерита; эта форма переводится русским инфинитивом.

В К.с.я. имеются три исходные породы, которые в настоящем описании обозначаются в соответствии с распространенной в семитологии ассириологической номенклатурой: G — морфологически неосложненная основа, D-порода с геминацией R₂, K-порода с префиксом *ḡa-* в претерите (сигла G восходит к немецкому термину

Grundstamm 'основная порода', D — к Doppelungsstamm 'порода с геминацией', K — к Kausativstamm 'каузативная порода'). От каждой из этих пород образуется производная порода с префиксом *t-*: *tG*, *tD* и *tK*. В работах по сирийской филологии более распространена номенклатура «гебраистического» типа: *G* = *pʿal*, *D* = *paʿʿel*, *K* = *ʔaʿʿel*, *tG* = *ʔetpʿel*, *tD* = *ʔetpaʿʿal*, *tK* = *ʔettaʿʿal*.

У глаголов G-породы с целыми корнями (включая глаголы с *R_{1n}*) наблюдается частичная корреляция между семантическим типом и тематическими гласными претерита и футурума:

— к классу *a/o* относятся преимущественно переходные глаголы (*kḅaš/nekḅoš* 'покорять' и др.) и немногие непереходные (*nḅaq/neppaq* 'выходить' и др.);

— к классу *e/a* относятся преимущественно непереходные глаголы, как с динамической, так и со стативной семантикой (*sleq/nessaq* 'подниматься', *šlem/nešlam* 'покоиться', *dmeḵ/nedmaḵ* 'спать' и др.), а также некоторые переходные (*fʿen/nefʿan* 'нести' и др.). К этому классу относятся почти все глаголы с *R_{1y}*, см. 2.4.0.;

— к классу *a/e* относятся глаголы *ʔḅad/neʔbed* 'делать', *zḅan/nezben* 'покупать', а также некоторые глаголы с *R_{1n}* (*nḅal/neppel* 'падать', *nḅaṣ/neppes* 'трясти', *nḅad/negged* 'тащить' и др.);

— к классу *a/a* относятся некоторые глаголы с *R₃* фарингальным (*šmaʿ/nešmaʿ* 'слышать' и др.), а также немногие другие глаголы, преимущественно непереходные (*nsab/nessab* 'брать', *smaq* (зап.-сир. *smeq*)/*nesmaq* 'быть красным', *šlat/nešlat* 'править', *ʔmal/neʔmal* 'трудиться', *sḅaq/nespaq* 'быть достаточным' и др.);

— к классу *e/o* относятся лишь следующие непереходные глаголы (*nḅeb/nehḅob* 'быть худым', *nḅet/nehḅot* 'спускаться', *sḅed/nesgod* 'поклоняться', *qreb/neqrob* 'приближаться', *šteq/neštoq* 'молчать');

— класс *o/o* ограничен двумя непереходными глаголами, из них один с *R_{1ʔ}* (*qḅod/neqrod* 'ощетиниться', *ʔaḵom/neʔkom* 'быть красным').

Таким образом, частотны лишь два класса: *a/o* и *e/a*.

У ряда глаголов тематический гласный футурума зависит от значения переходности: *ḅlaḅ/neḅloḅ* 'изменять', *ḅlaḅ/neḅlaḅ* 'изменяться'. Изредка встречаются глаголы, имеющие переходные и непереходные значения при едином вокализме: *ḅpaḵ/neḅpok* 'поворачиваться, возвращаться', а также 'отдавать', 'переворачивать'; *praq/neḅroq* 'отделяться; избавлять, спасать'.

Пассив выражается *t*-породами, а также пассивными предикативными причастиями неактивных пород.

Два набора причастий — активные и пассивные — имеются у переходных глаголов G-, D- и K-пород, так как морфологическая форма этих пород (в отличие от *t*-пород) ассоциирована преимущественно с прямым залогом. В D и K активные и пассивные причастия противопоставлены лишь типовыми гласными *e* vs. *a*: *mḵat-teḅ* — *mḵattab*, *maḵteḅ* — *maḵtab* (см. 2.4.0., парадигма 3.3). В формах со словоизменительными суффиксами этот гласный синкопируется, так что активные и пассивные причастия внешне совпадают. Исключение составляют лишь причастия K-породы глаголов *R_{2w/y}*: *mḵim(ā)* 'он/она поднимает' vs. *mḵām(ā)* 'он поднят/она поднята' (см. 2.4.0., парадигма 3.9). У глаголов *t*-пород есть только по одному причастию (см. 2.4.0.); эти причастия имеют те же диатезные значения, что и финитные формы соответствующих глаголов.

Пассивные причастия в качестве предикатов совмещают значения пассива и результатива: *ḅaḵannā ḡer kḅib*_{прич.} *ba-nḅiyā* 'ибо так написано_{прич.} у пророка', *b-ḅāy*

*ḥerutā d-ʾihibā*_{прич.} *l-hon men ʾalāhā* ‘в той свободе, что дана_{прич.} им Богом’, букв. ‘от Бога’. Они спрягаются посредством клитизированных субъектных местоимений, подобно презенсу (см. 2.4.0.): *men ḥad ʾabā ʾilidīn-nan* ‘мы родились (букв. ‘рождены’) от одного отца’. Такие пассивные предложения обычно указывают на результативное состояние, соотносящееся с моментом речи; если результат соотносится с точкой отсчета в прошлом, то при пассивном причастии появляется клитизированный вспомогательный глагол *-h-wā* ‘быть’ в претерите: *ḥšilin-h-waw* ‘они были изготовлены’.

О непредикативном употреблении причастий см. 2.3.7., 2.5.2.

Глаголы *tG*-породы в пассивном употреблении обычно не отличаются по основной лексической семантике от однокоренных переходных *G*-глаголов, а *tD*-глаголы — от *D*-глаголов, так что здесь отношения между прямым залогом и пассивом приближаются к словоизменительным: *ʾettaḥdat_{tG} ʾorhāy w-meṭnaṭrā_{tG}-h-wāt w-ʾethḫar_w^w_{tG} ḫasseṭ w-ʾettaqan_{tD} šurā w-ʾestreḫ^w_{tG} tarḫe da-mḏīʾtā ba-ḫsilātā* ‘Эдесса была заперта_{tG} и охранялась_{tG}, и были выкопаны_{tG} рвы, и стена была починена_{tD}, и городские ворота были загорожены_{tG} каменными блоками’. В этом тексте четыре пассивных *t*-глагола конвертируют переходные ситуации, которые в К.с.я. выражаются соответствующими *G*- и *D*-глаголами: *tarḫā ʾeḥad_G bāṭr-eh* ‘он закрыл_G за собой дверь’, *nāṭrin_G l-eh* ‘они охраняют_G его’, *wa-mṭaqnin_D mšidāthon* ‘а они чинили_D свои сети’, *sraḫ_G tarḫe* ‘он загородил_G ворота’. Это верно и для пассивных *t*-глаголов, образованных от каузативных глаголов *K*-породы (см. ниже), например *√npq* *K* ‘выводить’, ‘изгонять’, ‘тратить’ (деньги) > *tK* ‘быть забранным, изгнанным, потраченным’.

Декаузатив и рефлексив морфологически выражаются *t*-производными: *√tšy* *D* ‘прятать’ > *tD* ‘прятаться’, *√ʾtd* *D* ‘готовить’ > *tD* ‘готовиться’, *√pht* *D* ‘трясти’ > *tD* ‘обрушиваться’, *√sdr* *G* ‘построить, расположить по порядку’ > *tG* ‘построиться в боевом порядке’, *√plhd* *G* ‘рассеять, разбросать’ > *tG* ‘рассеяться (о войске)’, *√plṭ* *D* ‘позволить убежать’ > *tD* ‘спастись бегством, убежать’. Рефлексив выражается также возвратными местоимениями *naḫš-* (по внутренней форме — ‘душа’) и *qnom-* (‘лицо, сущность’), которые спрягаются посредством связанных притяжательных местоимений: *palleṭ naḫš-āk* ‘спасись’, букв. ‘спаси себя’, *ʾemar l-naḫš-eh* ‘он сказал себе (подумал)’, *la-qnom-eh ʾamar-h-wā* ‘он говорил себе’. Значение реципрока выражается преимущественно взаимным местоимением *ḥdāde* ‘друг друга’.

Субъектный имперсонал выражается глаголами 3-го лица множественного числа мужского рода у основных пород, и 3-го лица единственного числа мужского рода — у *t*-пород: *wa-mqarbin_D mn. ч. -h-waw leḥ ṭlāye* ‘к нему подвели_D детей’; *ba-mkiltā da-mkilitton_K meṭkil_{tK} ed. ч. lkon* ‘мерой, которой вы меряете_K, отмеряется_K (и) вам’, *ʾeštmaṭ_{tD} ed. ч. -h-wā ʾlaw^{hy} b-kull-eh karkā* ‘о нем стало слышно_{tD} ed. ч. во всем городе’. Для увеличения количества валентностей глагольного корня используются, как и в других древних семитских языках, *D*- и *K*-породы.

В традиции описания принято выделять следующие частные значения *D*-породы.

— Каузатив глаголов, имеющих активное (переходное и непереходное) значение в *G*: *zḫan* ‘купить’ > *zabben* ‘продать’; *qreḫ* ‘приблизиться’ > *qarreḫ* ‘принести’, ‘совершить жертвоприношение’.

— «Фактитив» глаголов, имеющих стативное значение в *G*: *dḫel* ‘испытывать страх’ > *dahḫel* ‘пугать’ (= *K ʾadḫel*), *ḫkam* ‘знать’ > *ḫakkem* ‘научить’. Под «фактитивом» в семитском языкознании понимаются словообразовательные правила, по которым образуются глаголы со значением ‘привести в состояние, обозначаемое производящей основой’.

— Декларатив: *zka* 'быть невиновным' > *zakki* 'счесть невиновным', *ħab* 'быть слабым, должным, виновным' > *ħayyeb* 'найти виновным, осудить'.

— Деноминатив: *zayyen* 'вооружать' < *zaynā* 'оружие', *ħayyel* 'усиливать' < *ħaylā* 'сила', *nabbi* 'пророчествовать' < *nbiyā* 'пророк', *ħammet* (и К *ʔaħmet*) 'разгневать' < *ħemtā* 'гнев', *ṭakkes* 'располагать по порядку' < *ṭaksā* 'порядок', *ħaddet* 'обновить, восстановить' < *ħdet* 'новый'.

— Плюральность объектов для D, в отличие от единственного объекта для G: *wa-bʕaw men pilaṭos da-nṭabrun*_D *šāqay-hon d-ħānnon zqīṣe* 'и они просили у Пилата, чтобы **перевалили**_D голени у тех распятых' vs. *wa-qreb*^m *l-maṭbar*_G *tarʕā* 'и они приблизились, чтобы **слопать**_G ворота' (√*tbr*); *wāy lḳon d-ħāneṭton qabrē da-nḫiye d-ʔaḫāy-kon qaṭṭel*^m_D *ʔennon* 'горе вам, строящим гробницы пророкам, которых ваши отцы **умерщвили**_D' vs. *lā tedḫlun men ʔayleṇ d-qaṭṭin*_G *paḡrā* 'не бойтесь тех, кто **умерщвляет**_G тело' (√*qt*).

К-порода обладает частными значениями того же рода.

— Каузатив по отношению к активным глаголам в G-породе, переходным и непереходным: *ʔeḳal* 'есть' > *ʔawkel* 'кормить', *ʔā* 'ошибаться' > *ʔaʔi* 'вводить в заблуждение'.

— Фактитив глаголов, имеющих стативное значение в G: *ħšek* 'быть темным' > *ʔaħšek* 'сделать темным', *ħyā* 'жить' > *ʔaħhi* 'оживить, воскресить'.

— Деноминатив: *ʔaṭlel* 'затенять' < *teḷlālā* 'тень', *ʔamtel* 'говорить притчами' < *maṭlā* 'притча', *ʔasʕen* 'обувать(ся)' < *sʕunā* 'обувь'.

Встречаются синонимичные однокоренные глаголы с каузативной или фактитивной семантикой, образованные по моделям D и K: *yaqqar* и *ʔawqar* 'читать', *ħammet* и *ʔaħmet* 'разгневать'. Вероятно, семантическую специфику D-породы по отношению к K-породе составляет лишь плюральность ситуации.

Каузативная семантика выражается также группой глаголов с непродуктивными словообразовательными префиксами *ša-* и (значительно реже) *sa-* (1.6.0.): *šawdaʕ* 'учить, объявлять' (< G *ʔidaʕ* 'знать', ср. K-производное *ʔawdaʕ* 'сообщить, учить, объявлять'), *šahleṗ* 'изменять, заменять' (< G *hlaṗ* 'изменять(ся)'), *šamli* 'исполнять' (< G *mlā* 'наполнять(ся), быть полным'), *šaʕbed* 'поработать' (< *ʔabdā* 'раб'), *šalheb* 'воспламенить' (в К.с.я. этимон не засвидетельствован, ср. др.-евр. *lahab* 'пламя'), *šabhar* 'прославлять' (√**bhr* 'мерцать, светиться', в К.с.я. засвидетельствован лишь именной дериват *bahhir-* 'смутный, неопределенный'), *saqbel* 'выносить навстречу' (< G *qbal* *'идти навстречу', в К.с.я. G-форма засвидетельствована лишь в значении 'обвинять, обращаться с жалобой'), *sarheb* 'торопить(ся)' (< G *rheb* 'суетиться'). Уже эти примеры соотношения между *š/s*-производными и их предполагаемыми этимонами позволяют допустить, что по крайней мере часть *š/s*-глаголов появилась в арамейских языках в период до создания К.с.я.

Детранзитивные дериваты этих глаголов образованы с помощью инфикса *-t-* по просодической модели *tD*-породы: *ʔeštaʕbaḳ* 'поработиться', *ʔeštawdaʕ* 'узнавать, понимать', *ʔeštalheb* 'воспламениться', *ʔeštahbar* 'хвастаться'.

Глагол имеет одну синтетическую форму косвенного **наклона** — императив (см. 2.4.0.). Существует также аналитический оптатив — «глагол *hwā* 'быть' в претерите + предикативное прилагательное или причастие, согласованное с претеритом в роде и числе»: *hwayt deṇ yaḏaʕ* 'Так знай же!', *hayton ʔaminin b-šawmā* 'Будьте постоянны в посте!'; пассивная форма: *hwāt ḫšibā*_{пасс. прич.} 'Пусть она будет замечена_{пасс. прич.}!' Эта перифраза употребляется также в придаточных, распространяющих волитивные

предикаты: *šāḇen-haw₁ da₂-hwaw šāqlin₃ lāh₄* ‘Они хотели₁, чтобы₂ (те) приняли₃ ее₄’ (см. 2.5.4.).

Долженствование может выражаться перифразой, которая состоит из предикативного слова *ʔit/layt* ‘имеется/не имеется’ (см. 2.5.3.) и инфинитива смыслового глагола с предлогом *l-*: *ʔit₁ li₂ l-meʔmar₃* инф. ‘Я должен сказать_{инф}’, букв. ‘имеется₁ у меня₂ сказать₃’, *ʔit l-meʔlaḇ* ‘следует обучать’, *layt l-meʔmar* ‘не следует говорить’. Вершиной модальных высказываний может быть и независимый инфинитив: *kmā₁ li₂ l-meḵtab₃ puqdāne₄* ‘Сколько приказов я должен написать?’, букв. ‘Сколько₁ мне₂ написать₃ приказов₄?’.

Гипотетические (в частности, контрфактические) суждения, относящиеся к плану прошедшего, выражаются модальной перифразой, состоящей из смыслового глагола в футуруме и энклитического спрягаемого претерита глагола *hwā* ‘быть’: *nahḥeb-hwā* ‘ему бы следовало любить’, *mān neʔbed-hweṭ* ‘Что же мне было делать?’.

О модальном употреблении футурума см. 2.3.6., о выражении модальных значений посредством частиц см. 2.3.7.

2.3.6. У личных местоимений л и ц о выражается лексически, кумулятивно с числом и родом (2.4.0., парадигма 1.1). Финитные формы глагола согласуются в лице с семантическим субъектом (при прямом залоге) или семантическим объектом (в пассивных предложениях).

После того как существительное утратило флективное (и тем самым в ряде случаев обязательное) кодирование одного из двух значений о п р е д е л е н н о с т и (2.3.2.), К.с.я. создал другие, аналитические, способы для выражения этой семантики, некоторые из них уже упоминались при описании кодирования значений падежного типа (2.3.4.). Однако грамматическая категория определенности не была восстановлена.

Как следует из 2.3.4., глагольная группа располагает частотными (но не обязательными) способами указания на детерминированность прямого дополнения: анафорическими местоимениями и предлогом *l-*. Детерминированность адресата или реципиента может быть выражена анафорическим местоимением при предлоге *l-*: *ʔemraṭ l-ḡh l-malkā*, букв. ‘она сказала ему-царю’.

Именная группа в роли подлежащего иногда детерминируется за счет катафорического субъектного местоимения: *ʔemar hu malkā*, букв. ‘сказал он-царь’.

Для указания на контекстуальную определенность референта именной группы с субстантивным зависимым, вводимым посессивным предлогом *d-*, очень часто используется катафорическое местоимение при вершине именной группы: *br-ḡh d-ʔalāhā* ‘Сын Божий’ (2.3.4.).

На детерминированность зависимого в предложных группах, возглавляемых предлогами *b-* ‘в’, *ʔam* ‘с’, *ʔal* ‘над’, *men* ‘от’, указывает конструкция удвоения предложной группы за счет пролептического употребления предлога со связанным катафорическим местоимением, согласованным в роде и числе с зависимым существительным в предложной группе: *b-ḡh b-yarḥā hāmnā*, букв. ‘в-нем в-месяце этом’, *b-ḡh b-ṭarʔā garbyāyā*, букв. ‘через-них через-ворота северные’, *malleḇ-hwā b-āh ba-sḇīttā*, букв. ‘он учил в ней в лодке’, *ʔl-ḡh ʔal keḗā*, букв. ‘над-ним над-камнем’. Эта конструкция часто дублирует лексические указания на детерминированность, рассматриваемые ниже.

Определенность может выражаться лексически указательными местоимениями дальнего дейксиса: *saḇ men maḡyā d-nahrā... w-hānnon maḡyā d-nāseḇ ʔaʔt* ‘Возьми воды из реки... и та вода, которую ты возьмешь...’.

Для лексического выражения неопределенности или нереферентности может употребляться числительное *ḥaḍ* 'один' в значении 'некий', 'какой-нибудь' (2.3.3.).

В К.с.я. есть две серии указательных местоимений, для ближнего и дальнего дейк-сиса (см. 2.4.0., парадигма 1.2.).

Наиболее частотные дейктические локативные наречия: *ḥāḳā* 'здесь', *tnān* 'здесь', *tammān* 'там'. К временным дейктическим наречиям относятся *ḥāšā* 'сейчас', *uaw-mānā* 'сегодня', *tmāl* и *ʔetmāl* 'вчера', *mḥār* 'завтра'.

Для поддержания связи с предтекстом часто используются частицы *ḏen* 'же' и *ḡer* 'ведь' (1.6.0.), которые в этой функции ставятся после первого знаменательного слова предложения: *hu₁ ḏen₂ lā₃ šbā₄* '<Ему дали пить уксусу, смешанного с желчью> он₁ же₂ не₃ захотел₄'; *šāḏen^h waw₁ beḡ ḡer₂ ʔameddāyē₃ b-mānā haw₄ keḗē₅* '<Эту машину персы называли «уничтожение» > ведь₂ посредством той машины₄ амидяне₃ метали₁ камни₅'.

Чужая речь вводится частицей *lam*: *l-ḥaṭṭāyā lam ʔamar l-ḡh ʔalāhā* 'Грешнику Бог говорит **следующее**'.

В диалоге и других «дискурсивных» жанрах (например в проповеди) три финитные глагольные формы — претерит, презенс и футурум (2.3.5.) — обнаруживают дейктические употребления.

Претерит имеет перфективное видовое значение и указывает на предшествование ситуации моменту речи, презенс — на одновременность моменту речи или на будущее: *šabḥet_{прет.} w-tub mšabbah-ʔnā_{през.}* 'Я прославил_{прет.} и снова прослаблю_{през.}', *lā yāḏʔitton_{през.} ktābe w-lā ḡayl-ḡh d-ʔalāhā* 'Вы не знаете_{през.} ни Писаний, ни силы Бога', *l-melṭ-ḡh d-ʔalāhā lā ʔnāš mṭā_{прет.} ʔaw mātē_{през.} l-sāḳ-ḡh* 'Слова Божьего никто до конца его не постиг_{прет.} и не постигнет_{през.}'.

Футурум иногда употребляется (в порядке свободного варьирования с презенсом) в значении «чистого» будущего, однако обычно обнаруживает различные оттенки косвенной модальности в плане настоящего-будущего: *lā nehwe_{фут.} tub ṭawpānā* 'Потопа больше не будет_{фут.}', *dinā keḗā d-ʔalāhā d-ḡ-ḡh nettel_{фут.} peṭḡāmā* 'справедливый суд Божий, на котором он будет держать/ему придется держать_{фут.} ответ', *mānā ḏen neʔmar_{фут.}* 'Что же нам сказать_{фут.}?', *ʔeṭʔleb_{фут.} w-lā neʔlob_{фут.}* '(Пусть) он будет обиженным_{фут.}, но сам (пусть) не обижает_{фут.}'. Футурум регулярно употребляется в придаточных, распространяющих предикаты со значением модальности, волеизъявления и манипуляции (2.5.4.).

Презенс употребляется (значительно реже, чем футурум) в модальных значениях в плане настоящего-будущего: *ʔal mānā māʔet_{през.}* 'Зачем ему умирать_{през.}?', *lāk₁ ʔaykannā₂ šābqin_{през.} lāk₁* 'Как₂ тебе₁ можно простить (букв. 'прощают_{през.}')?', *kḡar ḏen ʔamar_{през.} ʔnāš*, а также *kḡar ʔnāš neʔmar_{фут.}* 'Допустим, кто-нибудь скажет'.

Формы презенса и футурума со значением будущего (возможно, с модальной окраской) могут чередоваться внутри одного высказывания: *ḡeryāne ḡawēn_{през.} d-ʔaykānā lam ḡaytūn_{през.} miṭē wa-b-ʔaynā paḡrā neʔton_{фут.}* 'Разногласия состоят_{през.} в следующем: как воскреснут_{през.} мертвые и в каком теле они придут_{фут.}'.

Таким образом, в К.с.я. презенс, инновационная глагольная форма, конкурировал с футурумом во всех контекстах, где последний мог употребляться, и, вероятно, вытеснял футурум из живого восточноарамейского диалекта, лежащего в основе К.с.я. Статистические корпусные исследования по распределению этих глагольных форм не проводились.

Вместо простого футурума иногда употребляется (в тех же значениях) описательная форма «спрягаемый футурум глагола *hwā* ‘быть’ + активное причастие», согласующееся с подлежащим в роде и числе: *tartēn nehwyān řāhnān* ‘Две (женщины) будут молотъ (муку)’, *qaššišā meddem d-ʔit l-ēh l-ʔēʔtā nehwe šābeq* ‘(Пусть) пресвитер оставит церкви свое имущество (букв. ‘все то, что у него есть’)

Для выражения имперфективного и хабитуального значений в моменте речи используются также предложения с предикатами — спрягаемыми пассивными причастиями (2.3.5.), образованными от ряда переходных, но семантически низкотранзитивных глаголов G-породы. В лексической семантике этих глаголов обычно присутствует элемент обладания: *šqilin₁ l-āh₂ zaddiqin₃ l-ʔarʔā₄*, букв. ‘праведники₃ удерживают₁ ее₂, землю₄’, *b-ʔiday₁ řin-ʔnā₂* ‘я нес₂ в своих руках₁’, *ʔahid₁ kol₂ b-haylā₃ d-melt-ēh₄* ‘Он держит₁ всё₂ силой₃ слова₄ своего’.

В этом употреблении пассивные причастия имеют семантику активной диатезы, однако те же формы могут употребляться и в непереходно-результативном значении, ср. *ʔahidin b-tuřay* ‘Они погрязли (букв. ‘захвачены’) в заблуждении’, *tarʔā ʔahid-ʔu*, букв. ‘дверь заперта-она’. Интересно, что у этой группы глаголов стандартный презент на базе активного причастия как правило не образуется.

Пассивное результативно-перфектное значение в плане настоящего выражается предложениями с предикатом — спрягаемым пассивным причастием (2.3.5.): *hākanā ger kib_{прич.} ba-nbiyā* ‘ибо так написано_{прич.} у пророка’. Активный результатив-перфект выражается аналитическим спряжением, которое принято называть «конструкция *qtīl l-*». У переходных глаголов это аналитическое спряжение формально представляет собой посессивную конструкцию, которая включает результативное пассивное причастие с постпозитивным посессором в виде личного местоимения, связанного с предлогом *l-*, а также семантический объект, то есть обладаемое. Предикативное причастие согласуется в роде и числе с семантическим объектом: *qrēn_{прич.} мн. ч. м. р. l-āk kīābe_{мн. ч. м. р.}* ‘Ты прочел (эти) книги?’, букв. ‘Прочитаны_{прич.} м. р. мн. ч. у тебя книги_{м. р. мн. ч.?}’, *saggiʔān ʔemne_{мн. ч. ж. р.} ʔayle_{мн. ч. ж. р.} da-sřirān_{прич.} мн. ч. ж. р. l-an* ‘Многочисленны дела, которые мы совершили’, букв. ‘те_{мн. ч. ж. р.} (дела), какие_{мн. ч. ж. р.} совершены_{прич.} мн. ч. ж. р. у нас’.

Эта конструкция иногда употребляется и с непереходными глаголами, от которых в этом случае тоже образуется «пассивное» (по морфологическому облику) причастие: *lā qim l-i qdām šallitāne* ‘Я не стоял перед властителями’ (букв. ‘у меня не **стояно...**’), *mhallař l-i* ‘я прошел’ (букв. ‘у меня **пройдено**’). Это употребление возникло по формальной аналогии с результативной конструкцией переходных глаголов и свидетельствует об отходе этой последней конструкции от посессивной семантики. Посессор был интерпретирован как агенс; возможно, это верно и для приведенных выше примеров с переходными глаголами. Причастия непереходных глаголов в этой конструкции не согласуются в роде и числе с семантическим субъектом, но появляются в форме единственного числа мужского рода: *řam r^h omāye b-neklā lā hwe_{прич. пасс. ед. ч. м. р.} l-an*, букв. ‘С римлянами в предательстве — не существует_{прич. ед. ч. м. р.} у нас’, т. е. ‘Мы не состоим в предательских отношениях с римлянами’.

Иногда агенс переходных глаголов в результативной конструкции синтаксически ведет себя как подлинное подлежащее: он становится источником согласования в роде и числе для предиката, а семантический объект может принимать маркер детерминированного прямого дополнения *l-*: *šmiř_{ед. ч. м. р.} l-i hālle_{мн. ч.}* ‘Я **знаю** это’, букв. ‘услышано_{ед. ч. м. р.} у меня эти_{мн. ч.}’, *ʔasir₁ l-ēh₂ l-sāřānā₃ b-šēřaltā* ‘Он **связал** Сатану

цепью', букв. 'связано₁ у него₂ Сатану₃', *mtih*_{м.р.} *l-eh*_{м.р.} *qešt*_{ж.р.} *-eh*_{м.р.} 'Он **вытащил**_{м.р.} свой_{м.р.} лук_{ж.р.}'. Такие употребления также свидетельствуют о том, что в К.с.я. эта конструкция приобретала значение активного перфекта.

Как видно из приведенных выше примеров претерита в дискурсивных текстах, в дейктическом режиме нет жесткого формального противопоставления претеритальной и результиивно-перфектной семантики: оба эти значения могут выражаться претеритом, в то время как конструкция *qīl* I- специализируется на выражении активного результиativa-перфекта.

Главная нарративная форма в К.с.я. — претерит. С ним конкурирует аналитическая форма претерита *qīal-hwā* (претерит смыслового глагола с клитизированным претеритом глагола *hwā* 'быть', согласованным со смысловым глаголом в лице, числе и роде). В некоторых повествовательных текстах (и на переднем плане, и в фоновых предложениях) употребляются в основном простые претериты, как в следующем примере: *?eṭā qāwad malkā d-ṗorsāye men garbyā... wa-šrā ṗal ṗāmed... anastas... deṇ... kaḏ šmaṣ d-kanneš qāwad ḥaylēh lā šbā d-ṗerṗiw^{hy} ba-qrābā...* 'Пришел Кавад, царь персидский, с севера... и **осадил** Амид... А Анастас..., когда **услыхал**, что Кавад **собрал** свое войско, не **захотел** встречаться с ним в битве'. В других текстах основная линия повествования выстраивается преимущественно за счет аналитических претеритов: *wa-nṗaq^h-wā men ṗorhāy... w-ṗal^h-wā l-ṗorišlem w-ṗeškēḥ^h-wā la-mšihā... w-ṗetqaryat^h-wāt ṗeggartā qāṗamaw^{hy}* 'Он **вышел** из Эдессы... и **вошел** в Иерусалим, и **нашел** Христа... и ему **было прочитано** письмо'. Распространение сложного претерита связано с тем, что обе унаследованные синтетические формы индикатива в К.с.я. утрачивали выразительность по мере появления глагольных перифраз, которые в свою очередь подвергались фонологической редукции и частичной морфологизации.

Нарративные претериты переднего плана обычно вводятся союзом *w-* 'и', как это видно из приведенных выше примеров.

Активный результиativ в нарративных текстах образуется за счет добавления спрягаемой энклитической формы претерита глагола *hwā* 'быть' к причастию в конструкции *qīl* I-: *wa-ṗar₁ bātte d-nurā da-bnin₂^hwaw₃ l-ṗorsāye₃* 'И он разрушил₁ огненные храмы, которые построили персы' (букв. 'которые были₃ построены₂ у персов₃'). Пассивный результиativ в нарративе выражается перифразой *qīl-hwā* (2.3.5.), то есть спрягаемыми пассивными причастиями с клитизированным глаголом 'быть' в претерите.

Дуративные и хабитуальные ситуации в повествовательных текстах выражаются перифразой *qātel-hwā*: активное причастие смыслового глагола + клитизированный претерит глагола *hwā* 'быть'; обе части перифразы согласуются с подлежащим в своих согласовательных значениях: *w-ṗayleṇ d-ṗit^h-wā lhon qenyānā mزابnin^hwaw l-eh* 'Те, у кого было имущество, **продавали** его'. В составе этой перифразы употребляются и причастия пассивных *t*-глаголов: *?orhāy meṗnaṗrā_Г^h-wāt* 'Эдесса **охранялась**'.

Одновременность активной имперфективной ситуации с точкой отсчета в нарративе может выражаться перифразой, состоящей из пассивных причастий, образованных от переходных низкотранзитивных глаголов G-породы, и клитизированного претерита глагола *hwā* 'быть': *nešše₁ deṇ₂ ṗfinān^hwaw maṗuā₂* 'Женщины₁ же₂ **носили** воду', *dbir^h-wā lāh sāṗānā* 'Сатана управлял ею (букв. 'вел ее')'.

Отрицательные формы финитного глагола в индикативе и предикативного прилагательного образуются с помощью отрицательной частицы *lā*, стоящей непосредственно перед предикатом (между ними могут помещаться лишь дискурсивные

частицы *dēn* и *ger*): *lā ʔāzel-ʔnā*_{през.} ‘я не пойду_{през.}’, *lā šappir*_{прил.} *hānnā ʔaʔk haw* ‘этот не столь красив_{прил.} как тот’, *lā dēn mīl*^w_{прет.} ‘однако они не умерли_{прет.}’.

Отрицательная форма императива — 2-е лицо футурума с отрицательной частицей *lā*: *lā tedḥal* ‘Не бойся!’. Отрицательная форма аналитического опатива (2.3.5.) образуется за счет простой препозиции отрицания: *lā hwaw*_{прет.} *ʔāṣen qaššiṣe* ‘пусть пресвитеры не принуждают’.

Отрицания *law* (возникшее за счет красиса *lā* с энклитическим местоимением *hu* ‘он’) и *lā-hwā* (с неизменяемой энклитической формой претерита глагола ‘быть’) обычно употребляются при предикате-существительном и в качестве непредикативных отрицаний. Между этими двумя отрицаниями нет заметной семантической разницы: *mawtā hānnā law mawtā-hw* ‘Эта смерть — не смерть’, *law kullan nedmaḵ* ‘не все мы усопнем’, *kaḏ₁ lā-hwā₂ nātrat₃ nāmosā₄ hwāt₅* ‘хотя₁ она была₅ не₂-соблюдающей; Закон₄’ (*lā-hwā* отрицает субстантивированное причастие, а не финитную форму).

Отрицательная частица *blay* ‘без’ образует предикативные отыменные наречия: *qām blay zawʔā* ‘Он стоял недвижим’, букв. ‘без движения’.

2.3.7. О грамматических категориях существительных и прилагательных см. 2.3.2.–2.3.4., о числительных см. 2.3.3., о глаголе см. 2.3.5. и 2.3.6., о предлогах — 2.3.4., о союзах — 2.5.4.

С точки зрения флексии прилагательное противопоставлено существительному лишь словоизменительным характером рода. У прилагательных нет морфологических средств для выражения степеней сравнения. Класс атрибутивных прилагательных без словообразовательных суффиксов в К.с.я. невелик и лексически ограничен, к нему относятся преимущественно лексемы с значением оценки и свойств, воспринимаемых как постоянные: *tāb* ‘хороший’, *biš* ‘дурной, злой’, *ḥaʔt* ‘новый’, *saggi* ‘многочисленный’, *rām* ‘высокий’, *špal* ‘низкий, смиренный’. Большинство предикатных отглагольных имен употребляются как сказуемые либо в субстантивных синтаксических ролях. В атрибутивной функции чаще всего выступают отсубстантивные прилагательные, образуемые с помощью продуктивного суффикса *-āy* (см. 2.5.2.): *sāb-āy* ‘старый’ < *sāb-* ‘старик’. Продуктивны также аналитические несклоняемые прилагательные с отрицательным модальным значением, образуемые по модели «*d-lā* + существительное»: *d-lā dʔāḳā* ‘негасимый’ (см. 2.5.2.).

Морфологические части я редко появляются в функции атрибутивных прилагательных, как например *māʔne₁ maḥrē₂* ‘блестящие₂ одежды₁’ (ср. 2.5.2.). Возможно, что их атрибутивное употребление связано главным образом с влиянием греческого синтаксиса. В предложении причастия обычно используются как предикаты либо аргументы. В аргументных функциях они отличаются от «канонических» существительных лишь свободой в образовании форм женского рода и тем, что всегда появляются в сопряженной форме как вершины именных групп с зависимыми-несогласованными определениями (см. 2.3.2. и 2.5.2.).

От непереходных глаголов G-породы причастия часто образуются по активной модели *qāʔel*: *dāmek* ‘он спит’, *ʔābed* ‘он погибает’. От глаголов G-породы с пассивной семантикой причастия часто образуются по пассивной модели *qīl*: *šʔir-nā* ‘я презираем’ (*šʔar* ‘быть презренным, обижаемым’). Однако следует иметь в виду, что в К.с.я. предикатные отглагольные имена имеют три продуктивные модели: *qāʔel*, *qīl*, и *qaʔīl*. Закономерности, по которым тот или иной непереходный глагол выбирает именной дериват причастного типа, изучены недостаточно (см. также 2.5.2. о прилагательных *qaʔīl*).

И н ф и н и т и в ы в К.с.я. представляют собой регулярный способ морфологической номинализации глагола, в релевантных контекстах они интерпретируются как существительные мужского рода. Инфинитивы вводятся предлогом *l-* независимо от их синтаксической роли: *l-meṭṭarnāsu*_{инф.} *lā₂ ḥsar*_{3прет. 3 л. ед. ч. м. р.} *l-hon₄* 'Они не испытывали недостатка в снабжении' (букв. 'снабжение_{1 инф.} не₂ недоставало₃ у них₄'), *da-sniqā ṣal maṣuā l-meštā*_{инф.} 'которая нуждалась в воде для питья_{инф.}', *bṣaw l-me'ḥd*_{инф.} *-ēh* 'Они стремились схватить_{инф.} его'; интересно, что в другой редакции этого переводного текста используется финитная форма: *bṣaw^{-h}waw d-ne'ḥdun*_{фут.} *-ēh*, букв. 'они стремились, чтобы они схватили_{фут.} его' (о взаимозаменяемости инфинитивных оборотов и финитных клауз см. 2.5.4.).

В инфинитивных оборотах семантический объект инфинитива, выраженный местоимениями 3-го лица множественного числа, может оформляться как прямое дополнение: *l-mallāpū*_{абс.} *ʔennon* 'обучать_{абс.} их' (энклитическое местоимение в объектном употреблении, см. 2.4.0., парадигма 1.1), либо как зависимое в генитивной конструкции: *l-mašlāmut*_{сопр.} *-hon* 'чтобы выдать_{сопр.} их' (букв. 'для выдачи их', с связанным посессивным местоимением). Семантический объект-местоимение 1-го лица единственного числа обычно выражается объектной формой, связанной с сопряженной формой инфинитива (*la-mšammāṣut*_{сопр.} *-an^y* 'обслуживать_{сопр.} меня') но изредка встречается и посессивная форма местоимения: *la-mqakkāyut^y* 'очистить_{сопр.} меня'. В остальных случаях семантические объекты-местоимения при инфинитивах выражаются связанными формами, тождественными приименным: *l-metl-āk* 'отдать тебя_{м. р.}', *l-metl-āh* 'отдать ее', *l-metl-ēh* 'отдать его' (см. 2.4.0., парадигма 1.1). Семантический объект инфинитива, выраженный существительным, всегда оформляется синтаксически как прямое дополнение, то есть вершинный инфинитив выступает в абсолютном статусе: *l-meqtal l-naṣṣ^y* 'убить меня самого', букв. 'мою душу' (детерминированный объект маркируется предлогом *l-*, см. 2.3.4.), *la-mqāmu*_{абс.} *bnayūā l-ʔabrāhām* 'создать_{абс.} потомков Аврааму', *ʔetpalhad^w-h^{waw} lhon l-mašlāhu*_{абс.} *qṭile*, букв. 'Они разбредлись себе, чтобы грабить_{абс.} убитых'.

В К.с.я., в отличие от арамейских языков I тыс. до н. э., семантический субъект инфинитивном обороте не выражается личным местоимением. Семантический субъект-существительное появляется крайне редко и, в отличие от арамейских языков I тыс. до н. э., не встречается в синтаксической роли зависимого в генитивной конструкции при вершинном инфинитиве, ср. следующий пример: *ʔahḥe₁ l-mesgad₂инф. *-lāk ṣasqā^{-h}* 'Трудно (представить себе, чтобы) братья₁ поклонились_{2инф.} тебе'. Вероятно, что упадок инфинитивных оборотов с поверхностно выраженным субъектом объясняется появлением нового продуктивного имени действия, которое у G-породы имеет морфологический облик *qṭal-* (см. 2.5.2.).*

Лишь изредка наблюдается лексикализация морфологических причастий в качестве подлинных адъективных лексем: *ʔarṣā₁ ʔṣintā₂* 'плодородная (букв. 'несущая₂') земля₁'.

Для коммуникативного фокусирования финитного глагола при нем изредка употребляется (в препозиции и постпозиции, без предлога *l-*) образованный от него инфинитив, не заполняющий никакую валентность этого глагола: *balḥoḍ mḥaymānu*_{инф.} *ḥaymen*_{инф.}, букв. 'Только верить веруй!', *ḥaymen*_{инф.} *lam mḥaymānu*_{инф.} 'Уверуй же!'.

В К.с.я. весьма частотно предикативное слово *ʔit*, выражающее идею присутствия и существования. Оно может спрягаться за счет присоединения связанных местоимений к основе *ʔitay-*, сохранившей более древнюю форму этого слова: *ʔitay* 'я имеюсь',

ʔitayk 'ты (м. р.) имеешься', ʔitaw^{hy} 'он имеется' и т. д. Его отрицательная форма — layt/lā ʔit. О синтаксических конструкциях с ʔit см. 2.5.3.

Н а р е ч и я образуются от различных имен, значение которых допускает такую деривацию, по продуктивной модели «производящая основа + суф. -āʔit»: šappir-āʔit 'прекрасно' < šappir- 'красивый', ʔalāh-āʔit 'божественно' < ʔalāh- 'бог', nāmos-āʔit 'законно' < nāmos- 'закон'. Как принято считать, морфологически непервообразный суффикс -āʔit возник из комбинации суффикса относительных прилагательных -āu с показателем женского рода -t.

О дейктических локативных и временных наречиях см. в 2.3.6.; наиболее частотные темпоральные наречные лексемы: hāšā 'сейчас', luqdām 'прежде', hāydeṇ 'затем', ʔdakkēl (зап.-сир. -i-) 'все еще', ʔemat^y 'когда?'; модальные: hākēl (зап.-сир. -i-), hākannā, hākān 'таким образом', ʔa^yk 'как'.

Об указательных и личных м е с т о и м е н и я х см. 2.3.6., 2.4.0., о независимом притяжательном местоимении см. 2.3.4.

Вопросительные местоимения: man, manni (м. р.) (< *man-hu), mann^hi (ж. р.) 'кто?'; mā, mān, mānā, mānāw (< *mānā-hu) 'что?'; ʔaynā (м. р.) 'какой?', ʔaydā (ж. р.), ʔaylēn (мн. ч.); ʔaykan, ʔaykannā 'как?'. Значение 'некто' выражается местоимением man.

О возвратных местоимениях naṣṣ- и qnot- см. 2.3.5.

Неизменяемая частица d- выступает в функции посессивного предлога (2.3.4.), относительного местоимения, а также союза, вводящего разные типы придаточных предложений (2.5.4.).

Частотное неопределенное местоимение meddem 'некто, что-нибудь, некий' выступает в сочетании с существительными в единственном и множественном числе и с прилагательными, которые при этом субстантивируются: meddem yutrān 'некие выгоды', mawhabtā meddem 'некий дар', meddem rabbā 'некто великое'. Сочетание meddem с d- употребляется как неопределенно-относительное местоимение: meddem d-nuḳrāy l-ʔalāhā 'некто, что (было бы) враждебно Богу'.

Существительное kol 'совокупность, целостность' имеет также «местоименное» значение 'всякий, целиком, все, всё'. В этом значении оно употребляется как вершина сопряженного сочетания либо как приложение, согласующееся с определяемым в роде и числе посредством связанных посессивных местоимений: kol ʔatrā 'всякое место', mḏiⁿttā kull-āh 'весь город' (букв. 'город — его совокупность'), kull-ēh kenšā 'вся толпа'. Элемент kol входит в состав производных местоимений: kol man d-, kol ʔaynā d- 'всякий кто'.

Репертуар ч а с т и ц невелик. Побудительная частица nʔ (вост.-сир. ne, зап.-сир. ni) используется с императивом и 1-м лицом единственного числа футурума: qrob-ne 'Подойди же!', ʔeqim-ne 'Дай-ка я встану!'. Из греческого заимствована модальная частица с потенциальным значением tāk 'возможно' (< tāχα 'возможно'). Она употребляется с футурумом: tāk neštkaḥ_{фут.} li sabrā 'Возможно, у меня есть_{фут.} надежда'. Так же употребляется потенциальная частица kḥar, относящаяся к исконной лексике: kḥar nessab_{фут.} b-ʔappay 'Быть может, он примет_{фут.} меня'. Энклитическая частица hw 'тот' употребляется как показатель ремы: lkon^h-u ʔihib l-meddaʕ 'Дано знать — (именно) вам'.

М е ж д о м е т и е ʔo используется как вокативная частица. Об отрицательных и дискурсивных частицах см. в 2.3.6.

2.4.0. Образцы парадигм.

1. Местоимения

1.1. Личные

			Номинатив		Генитив	Аккузатив
			автономные	энклитики	связанные	
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	<i>ʔenā</i>	<i>ʔnā, nā</i>	<i>y</i>	<i>n^y</i>
	2 л.	м. р.	<i>ʔaⁿt</i>	<i>ʔⁿt, t</i>	<i>k/k</i>	<i>k̄</i>
		ж. р.	<i>ʔaⁿt^y</i>	<i>ʔⁿt^y, t^y</i>	<i>k^y/k^y</i>	<i>k̄^y</i>
	3 л.	м. р.	<i>hu</i>	<i>^hw</i>	<i>h/aw^hy</i>	<i>h/^hy</i>
		ж. р.	<i>hi</i>	<i>^hy</i>	<i>h/yh</i>	<i>h</i>
	Мн. ч.	1 л.	общ. р.	<i>ḥnan</i>	<i>^hnan, nan</i>	<i>n</i>
2 л.		м. р.	<i>ʔaⁿtton</i>	<i>ʔⁿtton, tton</i>	<i>k̄on/kon</i>	<i>k̄on</i>
		ж. р.	<i>ʔaⁿtṭen</i>	<i>ʔⁿtṭen, tṭen</i>	<i>k̄en/kēn</i>	<i>k̄en</i>
3 л.		м. р.	<i>hemnon</i>	<i>ʔennon</i>	<i>hon</i>	—
		ж. р.	<i>hemṭen</i>	<i>ʔenṭen</i>	<i>ḥen</i>	—

Номинативные энклитики 1-го и 2-го лица используются как подлежащие именных предложений (2.5.3.), они имеют долгие и краткие орфографические формы (в колонке «энклитики» они разделены запятой). Долгие формы употребляются с предикатами-существительными, а краткие формы (наряду с долгими) употребляются с предикатами-причастиями и (реже) прилагательными. Краткие формы записываются слитно с предикатом, например *špyrtyn* [šappirāṭṭen] ‘вы (ж. р.) прекрасны’; долгая орфографическая форма имеет здесь вид *špyrn ʔntyn*. Живое произношение в случаях орфографического варьирования передавалось краткими написаниями.

Номинативная энклитика 3-го лица единственного числа мужского рода (орфографически ^hw с нечитаемой буквой *h*) реализуется как [u] после согласного и как [w] после гласного (2.2.3.); буква *h* иногда не выписывается. Произношение номинативной энклитики ^hy ‘она’ следует тем же правилам.

Облик связанных притяжательных местоимений, кроме 3-го лица множественного числа, зависит от исхода существительного-носителя (такие алломорфы разделены в таблице косой чертой). Местоимение 1-го лица единственного числа, связанное с согласным ауслаутом, не произносится: *din^y* ‘мой суд’; при его присоединении к *-ay* ауслаут имеет вид *-ay* (< **-ay-ya*): *dinay* ‘мои суды’. Местоимения 2-го лица единственного числа при исходе на согласный реализуются как *-āk̄* (м. р.), *-ēk̄^y* (ж. р.); при присоединении к *-ay* они имеют вид *-k* (м. р.), *-k^y* (ж. р.): *din-ēk̄^y* ‘твой (ж. р.) суд’ — *dinay-k^y* ‘твой (ж. р.) суды’. Местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода после согласных имеет вид *-ēh*, при присоединении этого местоимения к исходу на *-ay* ауслаут принимает вид *-aw^hy*: *dinaw^hy* ‘его суды’. Местоимение 3-го лица единственного числа женского рода после согласных имеет вид *-āh*, при присоединении этого местоимения к основе на *-ay* ауслаут принимает вид *-ēh* (записывается *-yh*, см. 2.1.1.): *dinē^yh* ‘ее суды’. В таком же распределении — в зависимости от исхода основы на согласный или на *-ay* — формы местоимений 1 л. мн. ч. *-an/-n*, 2 л. мн. ч. *-k̄on/-k̄en* и *-kon/-kēn*.

Объектное местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода в ряде случаев ясно вычлняется и имеет вид *-ēh*, например при претерите глаголов с сильными корнями в 3-м лице единственного числа мужского рода: *šadr-ēh* ‘он отправил его’.

Это местоимение представлено также рядом алломорфов, слившихся с финитной формой. Так, форма *qatalāy^h* ‘ты умертвил_{прет.} его’ возникла в результате последовательного применения ряда историко-фонологических правил к гипотетической праформе **qatalā-hu*.

В функции объектных местоимений 3-го лица множественного числа при претерите, футуруме и императиве употребляются энклитики, по форме тождественные номинативным: *šadret₁ ?enneṅ* ‘я отправил_{прет.} их_{ж.р.}’. В качестве объектных местоимений, управляемых презенсом, употребляются генитивные по форме местоимения, связанные с предлогом *l-* в его функции показателя детерминированного объекта (2.3.4.): *mšaddar l-i* ‘он отправляет меня’, *mšaddarnā l-hon* ‘я отправляю их’. Семантический объект инфинитива выражается аккузативными либо генитивными формами местоимений (2.3.7.).

1.2. Указательные

Род и число		Ближний дейксис	Дальний дейксис
Ед. ч.	м. р.	<i>hānnā, hān, hānaw</i> ‘этот’	<i>haw</i> ‘тот’
	ж. р.	<i>hādē, hād, hādā^h</i> _y	<i>hāy</i>
Мн. ч.	м. р.	<i>hālḷen</i>	<i>hānnon</i>
	ж. р.		<i>hānneṅ</i>

2. Склонение имен

Склонением прилагательных здесь называется их изменение по родам, числам и статусам, склонением существительных — их изменение по числам и статусам (2.3.2., 2.3.3.).

2.1. Прилагательные

biš- ‘дурной’

	Статус	Ед. число	Мн. число
М. р.	абсолютный	<i>biš-∅</i>	<i>biš-in</i>
	сопряженный	<i>biš-∅</i>	<i>biš-ay</i>
	нормальный	<i>biš-ā</i>	<i>biš-e</i>
Ж. р.	абсолютный	<i>biš-ā</i>	<i>biš-ān</i>
	сопряженный	<i>biš-aṭ</i>	<i>biš-ā-t</i>
	нормальный	<i>biš-t-ā</i>	<i>biš-ā-t-ā</i>

Как видно из парадигмы, у прилагательных в мужском роде число выражается кумулятивно со статусом и родом; у прилагательных в женском роде представлены как кумулятивные, так и линейно членимые словоизменительные показатели; так, в словоформе *biš-ā-t-ā* есть три суффикса, выражающих множественное число, женский род и нормальный статус.

2.2. Существительные

Склонение существительных мужского рода

malkā 'царь'

Статус	Ед. число	Мн. число
Абсолютный	<i>mleḵ-ḥ</i>	<i>malk-in</i>
Сопряженный	<i>mleḵ-ḥ</i>	<i>malk-ay</i>
Нормальный	<i>malk-ā</i>	<i>malk-ē</i>

Существительные мужского рода в большинстве своем имеют тот же набор суффиксов, выражающих значения числа и статуса, что и прилагательные в мужском роде (о нерегулярных формах множественного числа существительных мужского рода см. 2.3.3.) Так же склоняются производные существительные женского рода, не имеющие родового показателя в обоих числах.

2.3. Склонение производных существительных женского рода

markabṭā 'повозка'

Статус	Ед. число	Мн. число
Абсолютный	<i>markb-ā</i>	<i>markb-ān</i>
Сопряженный	<i>markb-aṭ</i>	<i>markb-ā-t</i>
Нормальный	<i>markabṭ-ā</i>	<i>markb-ā-t-ā</i>

Как видно из парадигмы, деривативный суффикс женского рода имеет несколько алломорфов в зависимости от значений числа и статуса, в данном случае этот суффикс представлен рядом алломорфов *ā/aṭ/t/ḥ* (нулевая форма — в абсолютном статусе множественного числа).

Существительные женского рода, образованные от имени деятеля D-породы (2.5.2.) посредством суффикса *-it*, склоняются следующим образом: единственное число — абс. ст. *mqablān-yā* 'та, кто принимает', сопр. ст. *mqablān-yat*, норм. ст. *mqablān-it-ā*; множественное число — абс. ст. *mqablān-y-ān*, сопр. ст. *mqablān-y-ā-t*, норм. ст. *mqablān-y-ā-t-ā*. Этот суффикс имеет алломорфы *yā/yat/it/y(ā)t*, в последнем случае с инфиксацией флективного показателя множественного числа в деривативный суффикс. Эти алломорфы образуются по морфонологическим правилам чередования *y/i*, изложенным в 2.2.3.

3. Г л а г о л

3.1. Сильный глагол G-породы класса *a/o*: *ktāb* 'писать'

			Претерит	Футурум	Императив
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	<i>keṭbeṭ</i>	<i>?eḵtoḥ</i>	
		м. р.	<i>ktabt</i>	<i>teḵtoḥ</i>	<i>ktob</i>
	2 л.	ж. р.	<i>ktabt^y</i>	<i>teḵtḥin</i>	<i>ktob^y</i>
		м. р.	<i>ktāb</i>	<i>neḵtoḥ</i>	
	3 л.	ж. р.	<i>keṭbaṭ</i>	<i>teḵtoḥ (teḵtub^y)</i>	

Мн. ч.	1 л.	общ. р.	<i>kṭāḅn/kṭāḅnan</i>	<i>neḵṭōḅ</i>	
	2 л.	м. р.	<i>kṭāḅton</i>	<i>teḵṭḅun</i>	<i>kṭōḅ^w/kṭōḅun</i>
		ж. р.	<i>kṭāḅṭen</i>	<i>teḵṭḅān</i>	<i>kṭōḅ^y/kṭōḅen</i>
	3 л.	м. р.	<i>kṭāḅ^w/kṭāḅun</i>	<i>neḵṭḅun</i>	
		ж. р.	<i>kṭāḅ/kṭāḅen</i> (<i>kṭāḅ^y</i>)	<i>neḵṭḅān</i>	

«Долгие» варианты финитных форм представляют собой инновацию, отчасти вызванную потребностью различить омонимы, возникшие после падения исторически долгих заударных гласных в ауслaute словоформ. Вероятно, эти формы возникли тогда, когда синкопа безударных кратких гласных в открытом слоге (см. 2.2.3.) утратила автоматический характер, ср. например новую форму претерита 3-го лица множественного числа мужского рода *kṭāḅūn* с *kṭāḅ^w*, прямым продолжением унаследованной формы. Данные о соотношении долгих и кратких форм в разные периоды и в разных текстовых корпусах отсутствуют. Т. Нёльдеке отмечает лишь, что для императива множественного числа женского рода долгая форма *kṭōḅen* «намного частотнее», чем краткая форма *kṭōḅ^y*. О долгих вариантах финитных форм в других среднеарамейских языках см. статью «Арамейские языки» в наст. издании.

В западносирийских текстах унаследованная форма претерита 3-го лица множественного числа женского рода часто записывается как *ktby* [kṭāḅ]. Футурум 3-го лица единственного числа женского рода записывается как *ktwby* [teḵṭḅ]. Такая практика необходима для орфографического противопоставления по отношению к омонимичным формам — претериту 3-го лица единственного числа мужского рода и футуруму 2-го лица единственного числа мужского рода.

В представленных ниже парадигмах спряжения глаголов в претерите, футуруме и императиве «долгие» варианты личных форм, как правило, не приводятся, так как предполагается, что все они свободно образовывались — наряду с «краткими» или вместо них — в тех или иных текстовых корпусах К.с.я. Что касается живого диалекта Эдессы, лежавшего в основе литературного К.с.я., то, вероятно, в исторический период в нем существовали только «долгие» варианты финитных форм.

Спряжение сильных глаголов G-породы, принадлежащих к другим вокалическим классам (см. 2.3.5.), отличается от этой парадигмы лишь вокализмом основ в тех формах, где он проявляется. У всех глаголов G-породы вокализм основы императива идентичен вокализму основы футурума. Исключение составляют лишь глаголы с R₃у, фонологический облик которых сильно отклоняется от обычного из-за слияния основ со словоизменительными суффиксами.

3.2. Презенс G-породы

q̄tal 'умерщвлять'

		Ед. число	Мн. число
М. р.	1 л.	<i>q̄ṭelnā/q̄ṭel-^ʔnā</i>	<i>q̄ṭlinnan/q̄ṭlin-^hnan</i>
	2 л.	<i>q̄ṭlat/q̄ṭel ʔaⁿt</i>	<i>q̄ṭlitton/q̄ṭliⁿ-^{ʔn}tton</i>
	3 л.	<i>q̄ṭel</i>	<i>q̄ṭlin</i>
Ж. р.	1 л.	<i>q̄ṭlā-^ʔnā</i>	<i>q̄ṭlān-^hnan</i>
	2 л.	<i>q̄ṭlat^y/q̄ṭlā ʔaⁿt^y</i>	<i>q̄ṭlātten/q̄ṭlāⁿ-^{ʔn}tten</i>
	3 л.	<i>q̄ṭlā</i>	<i>q̄ṭlān</i>

Презенс в К.с.я. представляет собой продукт почти завершенной морфологизации именной предикативной синтагмы, состоявшей из изменяемого по числам и родам активного причастия в абсолютном статусе и энклитических субъектных местоимений. Эти местоимения подверглись фузии, так что по морфологическому статусу они уже ближе к аффиксам, нежели к связанным формам; встречающиеся в рукописной традиции записи «в два слова», показанные в парадигме, представляют собой скорее этимологизирующие написание, ср. в особенности орфографические дублиеты для 2-го лица единственного числа мужского рода: *q̄lt*, где отражается полная фузия, и *q̄l ʔnt*, где та же форма записана в виде двух автономных слов. В качестве форм 3-го лица презенса употребляются склоняемые причастия без связанных субъектных местоимений; таким образом, именные суффиксы, выражающие число и род, кодируют в парадигме презенса и значение 3-го лица.

Так же спрягаются предикативные пассивные причастия (см. 2.3.5., 2.3.6.) и другие предикативные прилагательные: *šappirātten* 'вы (ж. р.) прекрасны', *zakkāyinnan* 'мы победители' (букв. 'побеждающие'), *damkinnan* 'мы спим', так что морфосинтаксически сирийский презенс представляет собой частный случай спрягаемого прилагательного. С формальной точки зрения различие между презенсом и другими спрягаемыми прилагательными заключается в том, что последние регулярно принимают энклитические местоимения 3-го лица, ср. *saggiʔin ʔennon* 'они многочисленны' и *qanniʔin ʔennon* 'они ужасны' с *kol d-ʔābeḏ* 'все, что он делает' и *metqablā* 'она принимается'. Однако, как видно из примеров в 2.3.5. и 2.3.6., предикативное пассивное причастие *q̄il-* в разных типах конструкций тоже появляется без поверхностно выраженного подлежащего, то есть его флексия в абсолютном статусе способна употребляться в качестве субъектных суффиксов 3-го лица.

3.3. Породы сильного глагола

	Претерит	Футурум	Императив	Активное причастие	Пассивное причастие	Инфинитив
G	<i>kṭab</i>	<i>neḵtoḅ</i>	<i>kṭoḅ</i>	<i>kāteḅ</i>	<i>ktiḅ</i>	<i>meḵtab</i>
tG	<i>ʔetḵteḅ</i>	<i>netḵteḅ</i>	<i>ʔetḵaḅ</i>	<i>metḵteḅ</i>		<i>meḵtāḅu</i>
D	<i>katteḅ</i>	<i>nḵatteḅ</i>	<i>katteḅ</i>	<i>mḵatteḅ</i>	<i>mḵattāḅ</i>	<i>mḵattāḅu</i>
tD	<i>ʔetḵattāḅ</i>	<i>netḵattāḅ</i>	<i>ʔetḵattāḅ</i>	<i>metḵattāḅ</i>		<i>meḵtattāḅu</i>
K	<i>ʔaḵteḅ</i>	<i>naḵteḅ</i>	<i>ʔaḵteḅ</i>	<i>maḵteḅ</i>	<i>maḵtāḅ</i>	<i>maḵtāḅu</i>
tK	<i>ʔettāḵtab</i>	<i>nettāḵtab</i>	<i>ʔettāḵtab</i>	<i>mettāḵtab</i>		<i>mettāḵtāḅu</i>

Формы *tK* (за исключением имеющих префикс футурума *t-*) обычно записываются с двумя буквами *t*: [ʔettaḵtab] ʔttḵtb и т. п. (ср. 1.4.0.).

Спряжение глаголов $R_2ʔ$ полностью определяется правилами реализации гортанной смычки (см. 2.2.3.): *šʔel* (претерит), *nešʔal* (футурум), *šʔal* (императив) ‘требовать’.

У большинства глаголов R_1n этот согласный подвергается контактной ассимиляции к R_2 в префиксальных формах, т. е. в футуруме и инфинитиве G-породы, а также в K- и *tK*-породах, например \sqrt{np} G фут. *ʔeppe* ‘я упаду’, инф. *teppal*, \sqrt{nsb} G фут. *ʔessab* ‘я возьму’, инф. *messab*, \sqrt{npq} G фут. *ʔeppeq* ‘я выйду’, инф. *teppaq*; K прет. *ʔarpeq* ‘он вывел’, *tK* фут. *nettarpaq* ‘он будет выведен’ (ср. 2.1.3.). Императив G таких глаголов образуется без первого радикала: *pe* ‘упади!’, *sab* ‘возьми!’, *poq* ‘выйди!’. Ассимиляция *n* не характерна для глаголов с R_2 *h* и *ḥ* (см. 2.1.3.): *ʔanheḥ* K ‘быть босоногим’, *nhar/nenhar* G ‘быть светлым’. Императив у них образуется с *n*: *nhar* (ср., однако, *nheḥ/nehḥot* ‘спускаться’, императив *ḥot*). В остальном спряжение глаголов R_1n регулярно.

Причастия и инфинитивы в К.с.я. являются свободно образуемыми отглагольными именами, т. е. не относятся к словоизменительным формам глагола. О других продуктивных отглагольных именах см. 2.5.2.

3.4. Породы глагола $R_1ʔ$

G ʔemar (*a/a*) ‘говорить’, G ʔeḵal (*a/u*) ‘есть’, D ʔalles ‘принуждать’

	Претерит	Футурум	Императив	Активное причастие	Пассивное причастие	Инфинитив
G	ʔemar ʔeḵal	<i>niʔmar</i> <i>neʔḵul</i>	ʔemar ʔaḵul	ʔamar ʔaḵel	ʔamir ʔaḵil	<i>miʔmar</i> <i>meʔḵal</i>
tG	ʔeḵʔeḵel	<i>neḵʔeḵel</i>	ʔeḵʔaḵl	<i>meḵʔeḵel</i>		<i>meḵʔeḵālu</i>
D	ʔalles	<i>nʔalles</i> <i>ʔalles</i> (1 л. ед. ч.)	ʔalles	<i>mʔalles</i>	<i>mʔ-allas</i>	<i>mʔallāšu</i>
tD	ʔeḵʔallas	<i>neḵʔallas</i>	ʔeḵʔallas	<i>meḵʔallas</i>		<i>meḵʔallāšu</i>
K	ʔawkel	<i>nawkel</i>	ʔawkel	<i>mawkel</i>	<i>mawkal</i>	<i>mawḵālu</i>
tK	ʔettawkal	<i>nettawkal</i>	ʔettawkal	<i>mettawkal</i>		<i>mettawḵālu</i>

$R_1ʔ$ ведет себя по правилам, изложенным в 2.2.3. Формы футурума, императива и инфинитива G-породы приведены для западно-сирийского диалекта, в котором огласовка префикса футурума в соотношении с типовым вокализмом основы является реликт закона Барта префикс инфинитива у глаголов $R_1ʔ$ в G-породе огласуется по аналогии с префиксом футурума. Восточно-сирийский диалект в этих префиксах всегда имеет *e* (см. 2.1.1.). К классу *a/a*, кроме ʔemar, относятся еще четыре глагола: ʔeḥad ‘гибнуть’, ʔezal ‘уходить’, ʔeḵaḥ ‘заботиться’, ʔenas ‘заставлять’, к классу *a/u* — около 15 частотных глаголов. В футуруме D 1-го лица единственного числа пишется лишь одна буква {ʔ} (ʔalles); эта форма фонологически совпала с претеритом и императивом D. Глагол ʔalleḥ ‘обучать’ записывается без ʔālaḥ во всех префиксальных формах, например футурум *nalleḥ*, причастие *malleḥ*. Императив глагола ʔezal ‘уходить’ имеет нерегулярную форму *zel*.

Некоторые формы «дважды слабых» глаголов R₁? и R₃у в западносирийской огласовке: √?ty ‘приходить’ (претерит ?eto^o, футурум ni^ote^o, императив to^o), √?py ‘печь’ (претерит ?e^opo^o, футурум ne^ope^o и ni^ope^o), √?ly ‘голосить’ (претерит ?elo^o, футурум ne^ole^o).

У нескольких глаголов tG-породы гортанная смычка ассимилируется породному префиксу, например √?hd ?tthd/?thd [ʔethed] ‘он был схвачен’, то же в tD √?nh ?ettannah ‘он вздохнул’.

В К и tK R₁? реализуется как /w/, однако формы глагола К-породы ‘приносить’ с √?ty (G ?etā ‘приходить’) образуются с /y/ на месте первого радикала: ?ayti претерит ‘он принес’, футурум nayte, прич. mayte, инф. maytāyu.

3.5. Породы глагола R₁у

?izep ‘брать в долг’

	Претерит	Футурум	Императив	Активное причастие	Пассивное причастие	Инфинитив
G	?izep	зап.-сир. ni ^o zap	?izap	yāzep	?izip	зап.-сир. mi ^o zap
tG	?etizep	netizep	?etyazp	metizep		metizāpu
D	yazzeḫ	nyazzeḫ	yazzeḫ	myazzeḫ	myazzaḫ	myazzāpu
tD	?etyazzaḫ	netyazzaḫ	?etyazzaḫ	metyazzaḫ		metyazzāpu
K	?awzeḫ	nawzeḫ	?awzeḫ	mawzeḫ	mawzaḫ	mawzāpu
tK	?ettawzaḫ	nettawzaḫ	?ettawzaḫ	mettawzaḫ		mettawzāpu

Об орфографическом варьировании в 3-м лице единственного числа мужского рода претерита типа ?yzp/yzp [ʔizeḫ] ‘он взял в долг’ см 2.2.3.

Два частотных G-глагола с R₁у образуют футурум, императив и инфинитив по образцу глаголов R₁n, то есть R₂ геминирован в формах с префиксами, а императив образован без участия первого радикала: ?iteḫ ‘сидеть’ (фут. netteḫ, имп. teḫ, инф. mettabḫ) и ?idaḫ ‘знать’ (фут. neddaḫ, имп. daḫ, инф. meddaḫ). Остальные глаголы G-породы R₁у с «целым» R₃ относятся к классу e/a и в западносирийском имеют i в префиксе футурума, как это показано в парадигме. В этот класс перешли также все немногочисленные глаголы e/a с этимологическим R₁?, ср. следующие формы в западносирийской огласовке: G ?ilep/ni^olap ‘изучать’ (D ?allep ‘обучать’; претерит G ?ilep уподобился претериту глагола с R₁у); G ?irek/ni^orak ‘быть длинным’ (D ?arrek ‘продлевать’). В футуруме и инфинитиве глаголов G-породы с R₁у после префикса регулярно выписывается графема ? : это орфографическая фиксация структурного тождества этих форм и соответствующих форм глаголов R₁? с типовым a в основе футурума.

Глаголы одновременно R₁у и R₃у имеют в западносирийском огласовку i в префиксе футурума: √ymy G ‘клясться’ претерит ?ym/?ym? [ʔimo] и ymy [ʔimi], футурум nym? [nime]; √yfy ‘прорасти’ претерит yf? [ʔiʔo] и yfy [ʔiʔi], футурум ni^oʔe^o.

Претерит и императив частотного глагола yhb ‘давать’ (2.2.3.) образуются нерегулярно: прет. 3 л. ед. ч. м. р. y^hab, 2 л. ед. ч. м. р. y^habt (рукописи с диакритикой указывают на то, что графема h не читается), но в слоговом аусллауте h произносится: 1 л. ед. ч. yehbet, 3 л. ед. ч. ж. р. yehbat; императив имеет основу hab.

Как видно из парадигмы, глаголы К- и *t*К-пород, образованные от корней R_{1y}, реализуют R₁ как *w* (по правилу, приведенному в 2.2.3.): *ʔawzeḗ* 'он дал в долг'. Известны лишь два исключения: *ʔawneq* 'давать грудь' (форма *ʔawneq* также засвидетельствована), *ʔaylel* 'оплакивать'. С исторической точки зрения это реликты класса глаголов с исконным R_{1y}, не чередующимся с *w*.

3.6. G-порода глаголов R_{3y}

bḵā 'плакать', *dkī* 'быть чистым'

			Претерит		Футурум	Императив
			типовой <i>a</i>	типовой <i>i</i>		
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	<i>bḵeṭ</i>	<i>dkīṭ</i>	<i>ʔeḵke</i>	
		м. р.	<i>bḵayt</i>	<i>dkīt</i>	<i>teḵke</i>	<i>bḵi</i>
	2 л.	ж. р.	<i>bḵaytʷ</i>	<i>dkītʷ</i>	<i>teḵken</i>	<i>bḵāy</i>
		м. р.	<i>bḵā</i>	<i>dkī</i>	<i>neḵke</i>	
	3 л.	ж. р.	<i>bḵāṭ</i>	<i>deḵyaṭ</i>	<i>teḵke</i>	
		м. р.				
Мн. ч.	1 л.	общ. р.	<i>bḵayn</i>	<i>dkīn</i>	<i>neḵke</i>	
		м. р.	<i>bḵayton</i>	<i>dkīton</i>	<i>teḵkon</i>	<i>bḵaw</i>
	2 л.	ж. р.	<i>bḵayten</i>	<i>dkīten</i>	<i>teḵkyān</i>	<i>bḵāyēn</i>
		м. р.	<i>bḵaw</i>	<i>dkīw</i>	<i>neḵkon</i>	
	3 л.	ж. р.	<i>bḵay</i>	<i>dkī</i>	<i>neḵkyān</i>	
		м. р.				

Как видно из парадигмы, в ряде форм R₃ реализуется как *y*, в других формах основа сливается с флексией. То же верно и для производных пород (парадигма 3.7). В претерите *i*-вокализм засвидетельствован у небольшого числа глаголов с преимущественно стативной семантикой, однако у некоторых семантических стативов наблюдается колебание типового гласного, например *hḵdi* и *hḵdā* 'он радовался'. Футурум и императив образуются у всех глаголов R_{3y} по единой схеме. Императив множественного числа женского рода обычно имеет долгую форму.

В парадигме претерита вост.-сир. *bḵeṭ* соответствует зап.-сир. *bḵīṭ*, вост.-сир. *bḵayten* соответствует зап.-сир. *bḵayten*. В ауслауте футурума вост.-сир. *ḵ* соответствует зап.-сир. *e*. Формы с исходом на *e/e* записываются с конечной буквой *ʔālap* (см. 1.4.0.).

3.7. Породы глагола R_{3y}

	Претерит	Футурум	Императив	Активное причастие	Пассивное причастие	Инфинитив
G	<i>bḵā</i>	<i>neḵke</i>	<i>bḵi</i>	<i>bāḵe</i>	<i>bḵe</i>	<i>meḵkā</i>
<i>t</i> G	<i>ʔeṭbḵi</i>	<i>neṭbḵe</i>	<i>ʔeṭbḵay</i>	<i>meṭbḵe</i>		<i>meṭbḵāyu</i>
D	<i>bakki</i>	<i>nḥakke</i>	<i>bakkā</i>	<i>mḥakke</i>	<i>mḥakkay</i>	<i>mḥakkāyu</i>
<i>t</i> D	<i>ʔeṭbakki</i>	<i>neṭbakke</i>	<i>ʔeṭbakkā</i>	<i>meṭbakke</i>		<i>meṭbakkāyu</i>
K	<i>ʔabḵi</i>	<i>naḥke</i>	<i>ʔabḵā</i>	<i>maḥke</i>	<i>maḥkay</i>	<i>maḥkāyu</i>

Форма императива *tG* единственного числа мужского рода *ʔetbkaʔ* встречается преимущественно в западносирийском. В восточносирийском эта форма имеет вид *ʔetbak^y* по аналогии с целым глаголом. Склонение активных причастий G-породы в абсолютном статусе: ед. ч. м. р. *bāqē*, ед. ч. ж. р. *bāqy-ā*, мн. ч. м. р. *bāqēn*, мн. ч. ж. р. *bāqy-ān*. Так же склоняются пассивные причастия G и причастия производных пород. Для глаголов R_{3y} *tK*-порода засвидетельствована слабо и в таблицу не включена.

3.8. G-порода глаголов R_{2w/y} *qām* ‘вставать’, *miṭ* ‘умирать’, *sām* ‘ставить’

			Претерит		Футурум		Императив	
			стан-дартный	<i>miṭ</i>	стан-дартный	<i>sām</i>	стан-дартный	<i>sām</i>
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	<i>qāmeṭ</i>	<i>miṭeṭ</i>	<i>ʔequm</i>	<i>ʔesim</i>		
	2 л.	м. р.	<i>qāmt</i>	<i>mytt</i> [mit]	<i>tqum</i>	<i>tsim</i>	<i>qum</i>	<i>sim</i>
		ж. р.	<i>qāmt^y</i>	<i>mytty</i> [mit]	<i>tqumin</i>	<i>tsimin</i>	<i>qum^y</i>	<i>sim^y</i>
	3 л.	м. р.	<i>qām</i>	<i>miṭ</i>	<i>nqum</i>	<i>nsim</i>		
ж. р.		<i>qāmaṭ</i>	<i>miṭaṭ</i>	<i>tqum</i>	<i>tsim</i>			
Мн. ч.	1 л.	общ. р.	<i>qāmn</i>	<i>miṭn</i>	<i>nqum</i>	<i>nsim</i>		
	2 л.	м. р.	<i>qāmton</i>	<i>myttwn</i> [mitton]	<i>tqumun</i>	<i>tsimun</i>	<i>qum^w</i>	<i>sim^w</i>
		ж. р.	<i>qāmtēn</i>	<i>myttn</i> [mittēn]	<i>tqumān</i>	<i>tsimān</i>	<i>qumēn</i>	<i>simēn</i>
	3 л.	м. р.	<i>qām^w</i>	<i>miṭ^w</i>	<i>nqumun</i>	<i>nsimun</i>		
		ж. р.	<i>qām^y</i>	<i>miṭ^y</i>	<i>nqumān</i>	<i>nsimān</i>		

R₂ реализуется как *ā* в претерите и как *u* в футуруме и императиве. Глагол *miṭ* ‘умирать’ — единственный «пустой» глагол, имеющий *i*-вокализм в претерите, в основе футурума у него обычный для данного класса типовой гласный *u*: *nmuṭ*. Глагол *sām* ‘ставить’ — единственный «пустой» глагол, обнаруживающий типовой *i* в основе футурума и императива.

Как показано в таблице, во всех формах претерита 2-го лица глагола *miṭ* выписываются две графемы *t* (ср. 1.4.0.)

3.9. Породы глагола R_{2w/y}

	Претерит	Футурум	Императив	Активное причастие	Пассивное причастие	Инфинитив
G	<i>qām</i>	<i>nqum</i>	<i>qum</i>	<i>qāʔem</i>	<i>qim</i>	<i>mqām</i>
K	<i>ʔaqim</i>	<i>nqim</i>	<i>ʔaqim</i>	<i>mqim</i>	<i>mqām</i>	<i>mqāmu</i>
<i>tG = tK</i>	<i>ʔetqim</i>	<i>netqim</i>	<i>ʔetqim</i>	<i>metqim</i>		<i>metqāmu</i>

Вероятно, что у глаголов R_{2w/y} словообразовательные модели *tG* и *tK* совпали вследствие того, что в *tG* этих глаголов геминировался породный показатель *t*- по просодической аналогии с *tG* целого глагола, например претерит *tG* **ʔitqim* > **ʔittaqim*, ср. *tG* **ʔitqaṭil*. По фонетическим законам (ср. 2.1.1., 2.1.3.), гипотетическая форма

**ʔittaqim* преобразуется в К.с.я. в *ʔetqim* (без лениции $t > ṭ$). Породный показатель t у пустых глаголов этого словообразовательного класса обычно передается удвоенной графемой t (как у tK -глаголов, образованных от целых корней), но в ранних текстах встречается и одиночное t .

Пустые глаголы D- и tD - пород спрягаются по образцу целых глаголов, R_2 обычно реализуется как y , изредка как w : D *qauyet* ‘удерживать’, tD *ʔetqauyam* ‘удерживаться’, D *ʔawweš* ‘пачкать’.

В формах причастий с словоизменительными суффиксами $ʔ > y$, например *qāyutā*, *qāyutin*.

3.10 Глаголы с $R_2 = R_3$

\sqrt{tkk} G ‘угнетать’, K ‘причинять вред’

			G-порода			K-порода		
			Претерит	Футурум	Императив	Претерит	Футурум	Императив
Ед. ч.	1 л.	общ. р.	<i>tekket</i>	<i>ʔettoḵ</i>		<i>ʔatḵet</i>	<i>ʔatḵeḵ</i>	
		2 л.	м. р.	<i>takt</i>	<i>tettoḵ</i>	<i>toḵ</i>	<i>ʔatteḵt</i>	<i>tatteḵ</i>
	ж. р.		<i>takt^y</i>	<i>tetḵin</i>	<i>toḵ^y</i>	<i>ʔatteḵt^y</i>	<i>tatḵin</i>	<i>ʔatteḵ^y</i>
	3 л.	м. р.	<i>tak</i>	<i>nettoḵ</i>		<i>ʔatteḵ</i>	<i>natteḵ</i>	
		ж. р.	<i>tekkat</i>	<i>tettoḵ</i>		<i>ʔatḵat</i>	<i>tatteḵ</i>	
	Мн. ч.	1 л.	общ. р.	<i>takn</i>	<i>nettoḵ</i>		<i>ʔatteḵn</i>	<i>natteḵ</i>
2 л.			м. р.	<i>taktōn</i>	<i>tetḵun</i>	<i>toḵ^w</i>	<i>ʔatteḵton</i>	<i>tatḵun</i>
		ж. р.	<i>taktēn</i>	<i>tetḵān</i>	<i>toḵēn</i>	<i>ʔatteḵtēn</i>	<i>tatḵān</i>	<i>ʔatteḵēn</i>
3 л.		м. р.	<i>tak^w</i>	<i>netḵun</i>		<i>ʔatteḵ^w</i>	<i>natḵun</i>	
		ж. р.	<i>tak^y</i>	<i>netḵān</i>		<i>ʔatteḵ^y</i>	<i>natḵān</i>	
Причастия		активное	ед. ч. м. р.		<i>tāʔeḵ</i>		<i>matteḵ</i>	
	ед. ч. ж. р.			<i>tākkā</i>		<i>matḵā</i>		
	пассивное	ед. ч. м. р.		<i>tkik</i>		<i>mattaḵ</i>		
		ед. ч. ж. р.		<i>tkikā</i>		<i>matḵā</i>		
Инфинитив				<i>mettaḵ</i>		<i>mattāḵu</i>		

У глаголов G-породы R_2 геминирован лишь в интервокальной позиции — в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице единственного числа женского рода претерита и в формах активных причастий со словоизменительными суффиксами: *tekket*, *tekkat*, *tākkā*. Остальные формы претерита образованы от упростишейся основы *tak-*. В формах с префиксами, образующими закрытый слог с R_1 , удваивается R_1 : *nettoḵ*. Это явление имеет место в футуруме и инфинитиве G, во всех формах K и tK (для удвоенных корней эта порода плохо засвидетельствована).

В претерите G у всех удвоенных глаголов типовой гласный основы a , в футуруме и императиве по большей части o , у ряда непереходных глаголов a , например *ham/nehham* ‘быть жарким’, *raḡ/nerraḡ* ‘вожделеть’; единственный глагол с e -вокализмом в футуруме *paḏ/nepped* ‘зablуждаться’.

Причастие G единственного числа мужского рода образовано по аналогии с пустыми глаголами, формы с словоизменительными суффиксами имеют геминату (*bāʔez*

‘граблящий’ — ж. р. *bāzzā*). Пассивные причастия G образуются по образцу сильного глагола.

Удвоенные глаголы в *tG*, D и *tD* спрягаются по модели целого, например *tG* претерит *ʔetbzez* ‘он был ограблен’, футурум *tG* 3 л. мн. ч. м. р. *netbazzun* (чаще с удвоением *z* в орфографии).

Дериваты частотного \sqrt{hyu} (G ‘жить’, претерит *hyā*) образуют префиксальные формы по модели удвоенных глаголов, например G футурум *nehhe* ‘он будет жить’, инфинитив *meħhā*; претерит K-породы *ʔahhi* ‘он оставил в живых’.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Морфологическое устройство словоформы в исконной лексике К.с.я. в целом такое же, как и в древних семитских языках, например аккадском и древнееврейском.

Сильные глаголы исходной породы имеют корень из трех согласных и две основы — претерит и футурум (см. 2.3.5.), с которыми соединяются внешние аффиксы, кодирующие значения лица, числа и рода.

Морфологические аномалии обнаруживаются у глаголов со «слабыми» радикалами. У глаголов с $R_1ʔ$ первый радикал в части форм синкопируется по морфонологическим правилам (см. 2.2.3., 2.4.0.), у глаголов с R_{1y} первый радикал иногда реализуется как гласный (см. 2.2.3.). У глаголов с R_{3y} в ряде форм первый радикал реализуется как *y*, в других — сливается с типовым гласным или флексией (см. 2.4.0.). У «пустых» глаголов исходной породы второй радикал всегда реализуется как гласный (см. 2.4.0.).

Основы глаголов производных пород образуются посредством сочетания консонантного корня со словообразовательными аффиксами — префиксами и вокалическими диффиксами. Основа глаголов D-породы образуется за счет сочетания трех типов морфем — консонантного корня, вокалического диффикса и операции удлинения второго радикала. Глаголы производных пород с корнями $R_1ʔ$ и R_{3y} обнаруживают те же типы аномалий, что и соответствующие глаголы G-породы.

При деривации глаголов от морфологически неанализируемых субстантивных основ (первичных и заимствованных существительных) из этих основ выделяется консонантный корень, от которого образуется глагол по модели одной из производных пород (чаще всего D и *tD*, см. 2.3.5.): *tallet* ‘утраивать’, ‘делать трижды’ < *tlāt-ā* ‘три’, *ʔallah* ‘обожествлять’, *ʔetʔallah* ‘становиться причастным божественной природе’ < *ʔalāh-ā* ‘бог’, *zawwēg* ‘соединять’ < *zawg-ā* ‘узы’ (< греч. ζεύγος ‘ярмо, упряжка’), *zayyen* ‘вооружать’, *ʔezdayyan* ‘вооружаться’ < *zayn-ā* ‘оружие’ (< др.-перс. **zaina-*).

Для К.с.я. характерна большая свобода в образовании деноминативных глаголов, несвойственная более древним семитским языкам. При необходимости едва ли не от любого имени образовывался глагол по консонантно-вокалической схеме D-породы (и реже K-породы). Ср. например четырехбуквенный глагол *ʔanwi* ($\sqrt{ʔnw}$) ‘приводить (кого-либо) к аскетической жизни’, образованный от существительного *ʔanwāy-ā* ‘аскет’; оно представляет собой субстантивированное относительное прилагательное *ʔanwāy-* ‘склонный к самоограничению’, образованное от субстантивной основы **ʔanw-* ‘смирение (?)’, униженность (?)’, которая в свою очередь была образована от глагольного корня *ʔnu* (исторически $\sqrt{*ʔnw}$) с базовым значением ‘унижать, смирать’, маргинально засвидетельствованного в К.с.я. глаголом *tG*-породы *ʔetʔni* ‘смиряться’. Это весьма продуктивное правило образования глаголов работает на любом именном

материале: оно распространяется в частности на производные имена (см. 2.2.1.), иноязычные заимствования (см. 2.6.0.) и сложные существительные (см. 2.5.2.).

У многих частотных существительных обнаруживаются аномалии в флексии, преимущественно при образовании множественного числа. Наиболее характерные из этих аномалий рассмотрены в 2.3.3.

От корня *ntl* образуется глагол G-породы 'давать', имеющий лишь префиксальные формы футурума и инфинитива: *nettel*, *mettal*. Беспрефиксальные глагольные формы с той же лексической семантикой образованы от корня *yhb* (об их фонологических особенностях см. 2.4.0., комментарий к парадигме 3.5).

2.5.2. Основы отглагольных имен образованы посредством соединения консонантных корней с аффиксами разных типов; у ряда отглагольных моделей геминирован средний радикал. Основы отыменных имен образованы с помощью суффиксов, присоединяемых к производящей основе.

Отглагольные имена, образованные по непродуктивным моделям, не возникли в восточноарамейском вернакуляре, ставшем основой К.с.я., но унаследованы им из праязыковых состояний разной диахронической глубины. Однако и для этих имен мотивирующие их глаголы приводятся ниже в той форме, в которой они засвидетельствованы в К.с.я.

Образование существительных

Отглагольные существительные

Существительные с значением действия и состояния

К существительным этой семантической группы относятся инфинитивы (см. 2.4.0., парадигма 3.3., примеры см. в 2.3.7.), а также имена действия, свободно образующиеся от глаголов G-породы и D-породы. От глаголов G-породы имена действия образуются по модели *qtâl-*: *ḥtām-â* 'запечатывание' < *ḥtam* 'запечатывать', *ʔbâd-â* 'действие' < *ʔbad* 'делать', *dmâk-â* 'сон' < *dmeḳ* 'спать'. От глаголов D-породы имена действия образуются по модели *quṭtâl-*: *zuhhâr-â* 'предупреждение' < *zahhar* 'предупреждать', *rukkâb-â* 'сочетание, составление' < *rakkeb* 'соединять', *ṭukkân-â* 'хитрость' < *ṭakken* 'хитрить', *ṭukkâs-â* 'расположение по порядку' < *ṭakkes* 'располагать по порядку'. Регулярные модели имен действия, ассоциированные с глаголами других пород, не засвидетельствованы.

Имена действия часто развивают абстрактные и даже конкретные значения, например *ṭukkâs-â* 'расположение по порядку' значит также 'предписание', 'правило', а также 'сочинение (написанное по правилам)'.
Имена действия и инфинитивы тождественны по словообразовательной семантике и употребляются в одинаковых синтаксических ролях. Вероятно, что у каждого из этих двух классов существительных есть статистически значимые предпочтения в выборе синтаксических функций, но этот вопрос не изучался. Между инфинитивами и именами действия имеются различия в сочетаемости: инфинитивы в функции любого из членов предложения вводятся предлогом *l-* с исходным директивным и целевым значением (см. 2.3.7.); инфинитивы управляют семантическим объектом-существительным подобно финитному глаголу (см. 2.3.7.), а семантический объект имен действия вводится как зависимое в именной группе: *ṭuyyâb-êh d-ewangeliwân* 'подготовка (миссионерской) проповеди'. Таким образом, синтаксически инфинитивы ближе к глаголу, чем имена действия. Инфинитивы, в отличие от имен действия,

употребляются в предикативной синтагме с значением долженствования: *ʔit l-i l-meʔ mar*_{инф.} ‘я должен сказать_{инф.}’ (см. 2.3.5.).

Значительное число имен действия образовано (преимущественно от глаголов G-породы) по модели qVtI-ān-/qVtI-on- (V = a, u, e): *taʔw-ān-ā* ‘заблуждение’ < *ʔā* ‘заблуждаться’, *ʔuls-ān-ā* ‘притеснение’ < *ʔalaʃ* ‘напирать, притеснять’, *ʔabd-ān-ā* ‘гибель, разрушение’ < *ʔebad* ‘гибнуть’, *beny-ān-ā* ‘стройка’ < *bnā* ‘строить’, *hezw-ān-ā* ‘взгляд’ < *hza* ‘смотреть, глядеть’, *hušb-ān-ā* ‘подсчет, перепись’ < *hšab* ‘считать’, *gely-ān-ā* и *gely-on-ā* ‘откровение’ < *glā* ‘раскрывать, давать откровение’, *nesy-ān-ā* ‘попытка’ и *nesy-on-ā* ‘искушение, испытание’ < *nassi* ‘пытаться, испытывать, искушать’, *hery-ān-ā* ‘спор’ < *ʔethri* ‘спорить, ссориться’.

В К.с.я. есть также имена действия, образованные по ряду непродуктивных (но в ряде случаев частотных) моделей с внешними аффиксами.

По непродуктивной модели ta-qʔVI-(t)-, где V = i, u, a, а (t) — показатель женского рода, образовано небольшое количество имен действия от глаголов D-, iD- и реже K-породы: *ta-ʔdir-ā* ‘помощь’ < *ʔaddar* ‘помогать’, *ta-rbi-t-ā* ‘воспитание’ < *rabbi* ‘выращивать, воспитывать’, *ta-ḥlūp-ā* ‘замена’ < *ḥallep* ‘заменять’, *ta-šnid-ā* ‘мучение’ < *ʔeštannad* ‘испытывать мучение’, *taḥwi-t-ā* ‘доказывание’ < *ḥawwi* ‘предъявлять’, *ta-ḥnan-t-ā* ‘мольба’ < *ʔethannan* ‘умолять’, *ta-wsaḥ-t-ā* ‘добавление’ < *ʔawsep* ‘добавлять’, *te-šbuḥ-t-ā* ‘прославление’ < *šabbah* ‘прославлять’, *ta-wdi-t-ā* ‘восхваление’ < *ʔawdi* ‘восхвалять’.

Некоторые существительные с семантикой действия и состояния образованы по модели ma-qʔVI- (V = a, ā): *ma-ssab* ‘забирание’ < *nsab* ‘брать’, *ma-ddaʔ* ‘знание’ < *ʔidaʔ* ‘знать’, *ma-wlād* ‘роды’ < *ʔiled* ‘рожать’. В качестве примеров словообразовательной структуры ma-qʔVI- здесь и ниже приводятся формы абсолютного статуса (если они засвидетельствованы в источниках), так как при присоединении суффиксов второй гласный основы /a/ синкопируется: *ma-ddaʔ* — *madʔ-ā* ‘знание’ (норм. ст.).

Некоторое количество имен действия имеет основу ma-qʔI-ān-: *ma-šql-ān-ā* ‘путешествие’ < *šqal* ‘поднимать, нести; сниматься с лагеря, отправляться в путь’, *ma-ʔl-ān-ā* ‘вхождение’ < *ʔl* G ‘входить’, *ma-sq-ān-ā* ‘подъем’ < *ʔslq* G ‘подниматься’, *ma-ynq-ān-ā* ‘кормление грудью’ < *ʔynq* K ‘кормить грудью’.

Ряд имен действия образован по модели qʔul-y-: *ḥtuḥ-y-ā* ‘ограбление’ < *ḥtaḥ* ‘захватывать, забирать’, *ʔasur-y-ā* ‘заковывание’ < *ʔesar* ‘связывать’.

Значительное количество имен действия и состояния образовано по непродуктивной модели без внешних аффиксов qʔVI/qVtI-. Она имеет две реализации: qʔVI — форма абсолютного и сопряженного статусов, qVtI- — форма, к которой присоединяются словоизменяемые суффиксы и связанные местоимения. Для абсолютного и сопряженного статусов, употребление которых ограничено, ниже приводятся лишь засвидетельствованные формы: *ḥlem/ḥelm-* ‘сон’ < *ḥlam* ‘спать’, *hems-* ‘размышление’ < *hmas* ‘размышлять’, *ʔmel/ʔaml-* ‘труд, усилие’ < *ʔmal* ‘трудиться, утомляться’, *qeṭl-* ‘убийство’ < *qʔal* ‘убивать’, *šetq-/šutq-* ‘тишина, молчание’ < *šteq* ‘молчать’, *gunb-* ‘кража’ < *gnab* ‘красть’, *ḥurb-* ‘пустыня, опустошение’ < *ḥrab* ‘опустошать’, *neqq-* ‘общение’ (особенно сексуальное) < *nqeḥ* ‘присоединяться, сопровождать’, *peḡaʔ/peḡḡ-* ‘встреча, случай’ < *peḡaʔ* ‘встречаться, случаться’. Как видно из примеров, такие имена могут иметь и конкретные значения.

Существительные с значением деятеля, субъекта состояния и объекта действия

Имена деятеля регулярно образуются от глаголов G-породы по модели qāṭol-: *pāroq-ā* 'спаситель, избавитель' < *praq* 'избавлять, спасать', *ʔādor-ā* 'помощник' < *ʔdar* 'помогать'. От неактивных глаголов других пород они регулярно образуются посредством добавления суффикса -ān к основе причастий: *mqabl-ān-ā* 'тот, кто принимает' < *qabbel* 'принимать' (D-порода), *mšalm-ān-ā* 'предатель' < *šallem* 'выдавать' (D-порода), *margz-ān-ā* 'тот, кто вызывает гнев' < *ʔargez* 'вызывать гнев' (K-порода), *manhr-ān-ā* 'просветитель' < *ʔanhar* 'просвещать' (K-порода).

Активные причастия (см. 2.3.5., 2.3.7., 2.4.0., парадигма 3.3.) регулярно получают значение агентивных существительных, когда они употребляются в сопряженной форме как вершины именных групп, зависимое которых обычно кодирует семантический объект: *yāheb*_{сопр.} *qyāmē* 'тот, кто заключает_{сопр.} договоры', *mawled*_{сопр.} *kol* 'тот, кто создает_{сопр.} всё', *dāhlay*_{сопр. мн. ч.} *šm-āk* 'те, кто почитает_{сопр. мн. ч.} твое имя', *dāhlaw*^{hy} 'те, кто почитает_{сопр. мн. ч.} его', *ḥāzuay-k* 'те, кто видит_{сопр. мн. ч.} тебя', *bānyay*_{сопр. мн. ч.} *ʔal ḥālā benyānā* 'те, кто строит_{сопр. мн. ч.} здание на песке', *rāhem*_{сопр.} *la-mšihā* 'тот, кто любит_{сопр.} Христа'. Так же употребляются те морфологически пассивные причастия G-породы (qṭil-), которые способны принимать значение активной диатезы (см. 2.3.6.): *ʔahiday*_{сопр. мн. ч.} *saypā* 'те, кто держит_{сопр. мн. ч.} меч'. Немногие морфологические причастия лексикализованы в качестве существительных с агентивным оттенком в семантике: *rāʔy-ā* 'пастух' < *rʔā* 'пасти', *rāhm-ā* 'друг' (букв. 'тот, кто любит') < *rhem* 'любить', *mḥaymn-ā* 'верующий' < *ḥaymen* 'верить'.

По непродуктивной модели qāṭāl- от глаголов G- и D-пород образованы существительные, обозначающие носителей свойств: *zakkāy-ā* 'победитель, завоеватель' < *zkā* 'побеждать', *gannāb-ā* 'вор' < *gnab* 'воровать', *daggāl-ā* 'лжец' < *daggel* 'лгать', *kaddāb-ā* 'лжец' < *kaddeb* 'лгать', *mallāl-ā* 'обладающий даром речи' < *mallel* 'говорить'.

От пассивных глаголов t-пород регулярно производятся существительные с значением 'тот, кто претерпевает (может/должен претерпеть) соответствующую активную ситуацию'. Они образуются добавлением суффикса -ān к основам причастий от этих глаголов: *meštabh-ān-ā* 'тот, кто достоин похвалы' < *ʔeštabbah* 'быть хвалимым, возвеличиваемым', *metsim-ān-ā* 'тот, должен быть назначен (обычно 'рукоположен в священники')' < *ʔetsim* 'быть назначенным', *meštamʔ-ān-ā* 'тот, кто может быть услышан, слышимый' < *ʔeštmaʔ* 'быть слышимым', *meštābq-ān-ā* 'оставленный' < *ʔeštbeq* 'быть оставленным'.

Пассивные причастия (см. 2.3.5., 2.4.0.), подобно активным, редко употребляются как атрибутивные прилагательные (см. 2.3.7.). В непредикативной функции они обычно имеют семантику пассивных существительных и выступают как вершины именных групп с зависимыми-существительными или связанными посессивными местоимениями, кодирующими субъект и другие семантические роли: *briḳaw*^{hy} *d-māryā* 'те, кто благословен Господом', *liṭaw*^{hy} 'те, кто проклят им', *malḥe d-ʔalāhā* 'обученные богом', *ḥsilay rḡigātā* 'отученные от желаний'. Изредка они полностью лексикализируются: *mšaḥ* 'смазывать, помазывать' > *mših-ā* 'помазанник; Христос', *rhem* 'любить' > *rḥim-ā* 'возлюбленный, друг'.

Немногие существительные и субстантивированные прилагательные с пассивным элементом в значении образованы по модели qṭil(t)- от переходных семантически низкотранзитивных глаголов: *rḥum-ā* 'возлюбленный' и *rḥum-t-ā* 'возлюбленная' <

rhem 'любить', *snuʔ-ā* 'ненавидящий' и *snuʔ-t-ā* 'нелюбимая жена' < *snā* 'ненавидеть', *gnub-t-ā* 'краденое' < *gnab* 'красть', *lbuš-ā* 'одеяние' < *lbeš* 'надевать'.

Отглагольные существительные с конкретными и абстрактными значениями

Многочисленные конкретные существительные образованы от глаголов G-порядка по непродуктивной модели *ma-qtVI(t)*:- *ma-škan* 'шатер' < *šken* 'поселиться', *ma-rbaʔ* 'матка' < *rbaʔ* 'лежать', *ma-rkab-t-ā* 'повозка' < *rkeb* 'передвигаться на транспортном средстве', *ma-whab-t-ā* 'дар' < *yʰab* 'давать', *ma-štay* 'напиток, питье, пир' < *ʔešti* 'пить', *ma-bbuʔ* 'источник' < *nbaʔ* 'бить ключом', *ma-ppuḥ* 'кузнечные мехи' < *nbaḥ* 'дуть', *ma-ssār* 'пила' < *nsar* 'пилить, разрезать'.

Значительное количество конкретных и абстрактных существительных образовано по непродуктивной модели *qtVI/qVtI*:- *ʔukl*- 'пища' < *ʔekal* 'есть', *hesn*- 'крепость' < *ḥsan* 'быть сильным, преобладать', *kark-* 'город, укрепленное место' < *krak* 'окружать', *reṭb-* (зап.-сир. *raṭb-*) 'влага' < *rteb* 'быть влажным', *pleḡ/pelg-* 'половина' < *plaḡ* 'делить надвое', *tqōṗ/tuqṗ-* 'сила' < *tqep* 'усиливаться'.

Отыменные существительные

Продуктивный суффикс *-u* образует абстрактные существительные с морфологическим показателем женского рода *-t* от разных имен, особенно часто от имен с качественным значением: *malk-ut-ā* 'царствование, царство' < *malk-* 'царь', *wazir-ut-ā* 'должность визиря' < *wazir-* 'визирь' (иранизм), *ʔaksnāy-ut-ā* 'чужестранность; гостеприимство' < *ʔaksnāy-* 'иностранец, изгнанник, гость', *tāb-ut-ā* 'благо' < *tāb* 'благодать', *dilāy-ut-ā* 'качество, характеристика' < *dilāy* 'свойственный', *barrāy-ut-ā* 'внешность, форма' < *barrāy* 'внешний', *meštābqānuṭ-ā* 'оставленность' < *meštābqān* 'оставленный'. Засвидетельствованы образования этого типа от сочетания морфологического «имени деятеля» G-порядка с отрицанием (*lā-māyoṭ-ut-ā* 'бессмертие' < *lā māyoṭ-* 'бессмертный') и от сложных слов (*rabbat-baytāy-ut-ā* 'статус управляющего хозяйством' < *rab-bayt-ā* 'домоправитель'). В теологической и научной литературе абстрактные неологизмы свободно образуются по мере надобности. Возможно, что популярность абстрактных существительных в книжной речи отчасти объясняется и влиянием греческого языка, в котором широко распространена деривация абстрактных существительных как от глаголов, так и от прилагательных.

В К.с.я. есть также унаследованные (или заимствованные из других семитских языков) абстрактные существительные с исходом основы *-ut*, для которых в К.с.я. не засвидетельствованы мотивирующие имена: *ṭaybut-ā* 'милость', *saybut-ā* 'старость', *ḥaymānuṭ-ā* 'верность, вера'.

Диминутивные существительные образуются добавлением суффикса *-on* к производящей основе: *ʔalāh-on-ā* 'божок' < *ʔalāh-* 'бог', *ptakr-on-ā* 'маленький идол' < *ptakr-* 'идол' (иранизм), *ṭaly-on-ā* 'маленький мальчик' < *ṭaly-* 'мальчик', *ktāb-on-ā* 'книжка' < *ktāb-* 'книга', *malk-on-ā* 'царек' < *malk-* 'царь', *kandiq-on-ā* 'горшочек' < *kandiq-* 'сосуд' (иранизм). Это словообразовательное правило продуктивно. Изредка в этом значении используется суффикс *-os*: *nun-os-ā* 'рыбка' < *nun-* 'рыба'.

Несколько отыменных имен деятеля образованы с помощью агентивного суффикса *-ār*, который восходит (через посредство ранневизантийского греческого суффикса *-ari-*) к латинскому суффиксу *-āri-* с тем же словообразовательным значением:

ʔelṗ-ār-ā ‘моряк’ < *ʔelṗ-* ‘лодка’, *ʔeston-ār-ā* ‘аскет-столпник’ < *ʔeston-* ‘колонна’ (старый иранизм), *bāziq-ār-ā* ‘соколиный охотник’ < *bāziq-* ‘сокол’ (заимствование из среднеперсидского). Вероятно, этот суффикс был в какой-то мере продуктивен в К.с.я.: он сочетается с основами, относящимися к исконному словарю, а также с иранскими заимствованиями.

Продуктивно образование существительных с конкретными значениями из именных групп с вершиной в сопряженной форме. На лексикализацию указывают следующие черты: в ряде случаев именная флексия присоединяется только к зависимому существительному; род сложного слова определяется по зависимому; от сложных слов образуются отыменные глаголы; композит записывается как одно орфографическое слово. Ср. следующие примеры: *šetʔest-ā* ‘фундамент, основа’ (в частности, как грамматический термин) < *šetʔ* ‘ягодицы’_{сопр.} + *est-ā* ‘стена’ (мн. ч. *ʔes-ē*) — мн. ч. *šetʔes-ē* ‘основы’ (от этого существительного образован глагол *šattes* ‘основывать’); *pelgut yawm-ā* ‘полдня’ (синтаксически ведет себя как существительное мужского рода при женском роде вершины).

Известны десятки сложных существительных с первыми элементами *beṭ-* ‘дом’_{сопр.}, *bar-* ‘сын’_{сопр.}, и *baʔt-* ‘дочь’_{сопр.}, род которых определяется вторым компонентом. Ср., например, *beṭ nur-ā* (< *nur-* ‘огонь’_{ж.р.}) ‘храм огня’ — мн. ч. *beṭ nur-wātā*, *bar zawg-ā* (< *zawg-* ‘ярмо’) ‘напарник’, обычно ‘супруг’, но также ‘соработник’, *bar-nāš-ā* (< *nāš-* ‘люди’) ‘человек’ — мн. ч. *bnay-nāš-ā* (от этого существительного образованы глаголы D-породы *barneš* ‘вочеловечить’ и tD-породы *ʔeṭbarnaš* ‘вочеловечиться’; от последнего, в свою очередь, образовано абстрактное существительное *meṭbarnš-ānuṭ-ā* ‘вочеловечение’). Существительное *baʔt-* ‘дочь’ часто выступает как первый элемент сложных слов, обозначающих неодушевленные референты, например *baʔt leššān-ā* ‘корень языка (анатомический термин)’, *baʔt qāl-ā* (< *qāl-* ‘голос’) ‘эхо’, ‘слово (грамматический термин)’.

Образование прилагательных

Отглагольные прилагательные

Продуктивна адъективная модель *qaṭṭil-*, по которой образованы многочисленные прилагательные от непереходных глаголов G-породы. Прилагательные этой модели имеют результативную семантику, если они образованы от активных глаголов, и семантику свойств, если они образованы от стативных глаголов: *nappiq* ‘вышедший’ < *nṗaq* ‘выходить’, *ʔazzil* ‘ушедший’ < *ʔazal* ‘уходить’, *ʔabbid* ‘погибший’ < *ʔebaḏ* ‘погибать’, *ḥakkim* ‘мудрый’ < *ḥkam* ‘знать’, *sabbif* ‘сытый’ < *sbaṣ* ‘быть сытым’, *šappir* ‘прекрасный’ < *šṗar* ‘быть красивым’, *yattib* ‘сидящий’ < *ʔiteb* ‘сидеть’, *qaṭṭin* ‘узкий, тонкий’ < *qṭan* ‘быть узким, тонким’.

Некоторые из прилагательных *qaṭṭil-* хорошо засвидетельствованы в атрибутивной функции, однако значительно чаще они употребляются как предикаты, синонимичные причастиям, образованным от соответствующих непереходных глаголов: *yattib^hu* и *yāteb_{акт. прич.}* ‘он сидит’, *dammik^hu* и *dāmek_{акт. прич.}* ‘он спит’ (< *dmek* ‘спать’).

Предикативные прилагательные *qaṭṭil-* образуются также от низкотранзитивных переходных глаголов, употребляясь вместо активных причастий: *naqqirān^hway_{ж.р.}* и *leḥ_{прям. доп.}* ‘они следовали_{ж.р.} за ним_{прям. доп.}’ (< *nqeṗ* ‘сопровождать’).

Этимологически отглагольные прилагательные, образованные по непродуктивной модели *qṭVl/qṭVl-*, немногочисленны; они обозначают постоянные свойства (см.

2.3.7.) и относятся преимущественно к базовой лексике. Эти прилагательные были унаследованы К.с.я. из языка-предка; в ряде случаев в К.с.я. для них не сохранились мотивирующие глаголы, а сами эти прилагательные являются основами для синхронной глагольной деривации. Ср. следующие примеры: *tāb* 'хороший' (ср. *t'eb* 'хорошо', безличный глагол), *biš* 'дурной, злой' (ср. *b'eš* 'дурно', безличный глагол), *ḥa^dt* 'новый' > *ḥaddeṭ* 'сделать заново, восстановить', *rām* 'высокий' > *?arim* 'возвысить; устранить', *ramrem* 'превозносить'.

Базовые цветообозначения имеют фонологический облик *quṭṭāl-*: *?ukkām* 'черный', *sumtāq* 'красный', *yurrāq* 'зеленый/желтый' (но ср. *ḥewwar* 'белый').

Отыменные прилагательные

Относительные (преимущественно отсубстантивные) прилагательные свободно образуются с помощью суффикса *-āy*: *nur-āy-ā* 'огненный' < *nur-* 'огонь', *malk-āy-ā* 'царский' < *malk-* 'царь', *pṭakr-āy-ā* 'идольский, имеющий отношение к идолослужению' < *pṭakr-* 'идол'. Эти прилагательные легко субстантивируются: *?aksn-āy-ā* 'чужой; иностранец, гость, паломник' < *?aksen-* 'чужая страна; гостиница'. По этой модели часто производятся обозначения людей по соотношению с этносом, топонимом и т. п.: *yāwn-āy-ā* 'греческий, грек' < *yāwan* 'Греция'.

Относительные прилагательные образуются также продуктивным суффиксом *-ān*: *?arṣ-ān* 'земной' < *?arṣ-ā* 'земля', *nur-ān* 'огненный' < *nur-* 'огонь', *dayw-ān* 'бесноватый' < *dayw-* 'демон' (иранизм), *zahr-ān* 'ядовитый' < *zahr-* 'яд' (иранизм).

Префиксацией относительного местоимения с отрицанием *d-lā* (букв. 'то(т) что не') к существительным (чаще в нормальном статусе) образуются аналитические несклоняемые прилагательные с отрицательным значением (часто это кальки греческих слов с *α-privativum*), которые в свою очередь могут субстантивироваться: *d-lā ḥbālā* 'бессмертный, нетленный; нетление' (< *ḥbāl-* 'разрушение'), ср. греч. ἄφθαρτος 'нетленный', *d-lā ?alāhā* 'безбожный' (греч. ἄθεος), *d-lā ḥaylā_{норм./ḥel_{ас.}}* 'бессильный' (< *ḥayl-* 'сила'). Это словообразовательное правило продуктивно.

2.5.3. К.с.я. относится к правоветвящимся языкам. Базовый порядок слов в независимых и придаточных глагольных предложениях — VSO, относительные придаточные следуют за определяемыми существительными, изъяснительные придаточные следуют за глаголами главных предложений, обстоятельственные предложения следуют за главными (см. примеры в 2.5.4.). В именной группе зависимое, как правило, следует за вершиной (см. 1.6.0., 2.3.2., 2.3.4.). Локативные аргументы и обстоятельства обычно следуют за глаголом (*kaq mattiw₁ lwāt₂ maḏbhā_{3 'когда они пришли₁ к₂ алтарю₃', *mā?et₁ l-kaḗnā₂* 'Он умирает₁ с голоду₂'), однако такой порядок слов легко нарушается, если в этом есть прагматическая потребность, ср. например *men neqrā₁ d-neššē₂ tehwon₃ parriqin₄* 'От контакта₁ с женщинами₂ держитесь подальше (букв. 'пусть вы будете₃ далеки₄')'.}*

Базовый порядок слов в простых повествовательных предложениях можно проиллюстрировать следующим примером: *tarṣu^hy^hwaw₁ maḥyā₂ l-šurā₃ maḥrbāyā₄... w-ṣal^w₅ l-ḡaw mḏiⁿttā₆ wa-ṣqar^w₇ l-ṣappādnā₈* 'Вода₂ прорвала₁ западную₄ стену₃, ... вошла₅ в город₆, и разрушила₇ дворец₈'.

Для топикализации или фокусирования прямого дополнения применяется его экстрапозиция с репризой с помощью согласованного анафорического местоимения: *?orešlem₁ ṭurē₂ kriḗin₃ l-āh₄*, букв. 'Иерусалим₁ — горы₂ окружают₃ его₄' (топикали-

зация), *nunā qadmaḳā d-sāleq ptaḥ pum-eh* ‘Первая₂ рыба₁, что покажется, — открой ей рот’ (фокусирование). Объектные местоимения фокусируются посредством экстрапозиции без репризы: *w-li yaqqarton* ‘а меня вы почтили’ (см. 2.3.4.).

При топикализации подлежащего оно продвигается в первую позицию, ср. *?eḥzi ḥayleḥ d-ʔalāhā*, букв. ‘явилась сила бога’ (нейтральный порядок слов) с *w-ḥayleḥ d-ʔalāhā ?eḥzi*, букв. ‘и сила бога явилась’. Для фокусирования подлежащего применяется клефт, где главная часть представлена именным предложением с местоименным энклитическим субъектом (см. ниже): *hennon₁-ʔu₂ d₃-ʔaskel^w₄ b-naḫš-hon₅*, букв. ‘это₂ они₁ (суть) те₃, кто₃ навредил₄ самим себе₅’.

В рамках простого предложения местоименная анафора и катафора, очень распространенные в К.с.я., являются главным образом синтаксическим средством для выражения «падежной» семантики, а также положительного значения определенности и референтности (см. 2.3.4.).

Общевопросительные предложения по порядку слов не противопоставлены повествовательным. Частновопросительные предложения вводятся вопросительными местоимениями (см. 2.3.7.), которые предшествуют своим синтаксическим вершинам: *?aydā₁ dehlā₂ šarrirā₃* ‘Какая₁ религия₂ истинная?’; *l-ʔel men šmaḳā mānā₁ ?it₂*, букв. ‘Над небом что₁ имеется?’.

Атрибутивные прилагательные согласуются с определяемыми существительными в роде, статусе и числе (см. 2.3.2., 2.3.3.). Количественные числительные от одного до девятнадцати согласуются с определяемыми существительными в роде (см. 2.3.3.). Финитный глагол согласуется в лице, числе и роде с семантическим субъектом (при прямом залоге) или семантическим объектом (в пассивных предложениях), см. 2.3.5., 2.3.6.

Финитный глагол управляет объектными формами личных местоимений (см. 2.3.4.).

К.с.я. обладает разнообразными структурными типами именных предложений. К наиболее важным из них относятся следующие.

Сказуемое — имя в нормальном или абсолютном статусе, подлежащее — энклитическое личное местоимение (P-S): *?alāhe₁норм.* *?aⁿton₂* и *?alāhin₁абс.* *?aⁿton₂* ‘Вы₂ — боги₁’. Семантическое различие, связанное с разными формами статуса у именного предиката, не удастся установить точно. Если в качестве предиката такого предложения используется прилагательное в абсолютной форме, то формальное противопоставление этой конструкции презенсу обнаруживается лишь в том, что прилагательные принимают субъектные местоимения 3-го лица: *qanniṭin₁ ?ennon₂* ‘они₂ ужасны₁’ (см. об этом подробнее в 2.4.0., комментарий к парадигме 3.2).

Если логическим субъектом именного предложения является существительное, оно присоединяется слева к предикативному ядру P-S, где S — энклитическое местоименное подлежащее, согласованное с субъектом: *šemšā šrāḡan_p-ʔu_s*, букв. ‘Солнце, оно_s — наша лампа_p’, *?enā w-ʔab^y ḥaḍ_p ḥnan_s*, букв. ‘я и мой отец — одно_p мы_s’. Энклитическое местоимение в такой конструкции является подлежащим, а не связкой, так как именные предложения структуры S-P, где S — субъект, а P — субстантивный предикат, в К.с.я. не засвидетельствованы (таким образом, предложение **šemšā_s šrāḡan_p* ‘Солнце_s — наша лампа_p’ неграмматично).

Экзистенциальные бессубъектные предложения с вершиной–предикативным словом *?it* ‘есть, имеется’ или его отрицательной формой *layt* (см. 2.3.7.) и предикативным компонентом: *?it₁ ?alāh₂ ?hrēn₃* ‘есть₁ другой₃ бог₂’, *ḥammešmā ?nāšin ?it₁ b-naḥla ḥaḍ* ‘В некоем овраге есть пятьсот человек’, *layt₁ meddem₂ d-meškah₃ l-meḳly₄-eh₅*

‘Нет₁ ничего₂, что может₃ удержать₄ его₅’, *ʔatrawāṭā d-mayyā₁ layt₂ b-hon* ‘Места, в которых нет₂ воды₁’.

Экзистенциальные предложения, где подлежащее выражено личным местоимением, связанным с предикатом *ʔit* (см. 2.3.7.): *ʔen šābēṭ ʔitay-n w-ʔellā šābēṭ lā ʔitay-n* ‘Если Ты (за)хочешь, то **мы существуем**, а если Ты не хочешь, то **мы не существуем**’.

Характеризующие и идентифицирующие именные предложения с *ʔit* как копулой, с которой связано местоименное подлежащее: *tābā_p ʔitay-k_s* ‘ты_s добр_p’ (*tābā* — предикативное прилагательное в нормальном статусе, ср. 2.3.2.). Если логический субъект такого предложения выражен существительным, то местоименное подлежащее, связанное с копулой *ʔit*, согласуется с ним в числе и роде: *mad⁸_{ед.ч. м.р.}-an ʔitaw^{hy}_{ед.ч. м.р.} mraymā* ‘Наш разум_{ед.ч. м.р.} есть (самое) возвышенное (в нас)’, *bnay_{мн.ч. м.р.} šlāmā ʔitayhon_{мн.ч. м.р.} ʔaḥaw^{hy} da- mšihā* ‘Сыны мира (= миротворцы) суть братья Христа’.

2.5.4. С л о ж н о с о ч и н е н н ы е предложения соединяются сочинительными союзами *w* ‘и’/‘а’, *ʔāp* ‘также’, *tub* ‘кроме того’, *ʔaw* ‘или’, *bram* ‘но’ (примеры см. в 2.3.6., 2.5.3.).

О т н о с и т е л ь н ы е придаточные вводятся неизменяемым относительным местоимением *d-*, для которого обязательна реприза посредством анафорического связанного местоимения, если *d-* имеет в придаточном синтаксическую функцию, отличную от подлежащего или прямого дополнения. Анафорическое местоимение согласуется с антецедентом относительного местоимения в роде и числе:

man d-bayt-ēh gannābē pālšin l-ēh
некто (ЕД. Ч. М. Р.) ОТН.-дом-его (ЕД. Ч. М. Р.) воры взламывают у-него (ЕД. Ч. М. Р.)
‘некто, чей дом взламывают воры’.

Здесь относительное местоимение *d-* определяет прямое дополнение придаточного, а анафорическое местоимение *-ēh* употреблено дважды — для обязательной репризы *d-* и для создания вторичного бенефактивного аргумента.

baytā d-b-ēh ʔamar-ʔnā
дом (ЕД. Ч. М. Р.) ОТН.-в-нем (ЕД. Ч. М. Р.) я-живу
‘Дом, в котором я живу’.

Здесь в придаточном *d-* является обстоятельством места, для его репризы создается предложная группа с локативным предлогом *b-* (см. 2.3.4.), от которого зависит анафорическое местоимение *-ēh*, согласованное с *baytā* ‘дом’, антецедентом относительного местоимения *d-*.

Сентенциальные аргументы, выраженные придаточными предложениями, вводятся союзом *d-* и следуют за своими вершинами: *ʔādrā₁ d₂-men₃ ʔhreṇē₄ nehwe₅фут. suyuāʔā₆ l-meltā₇* ‘Полезно₁, **чтобы**₂ от₃ других₄ (людей) была₅фут. помощь₆ Слову₇’; *bʔaw_{прет.}-^hwaw_{прет.} d-ne^ʔḥḏun_{фут.}-ēh*, букв. ‘они стремились_{прет.}, **чтобы** они схватили_{фут.} его’, т. е. ‘Они стремились схватить его’, *šābēṭ-^hwaw₁ da₂-hwaw šāqlin₃ lāh₄* ‘Они хотели₁, **чтобы**₂ (те) приняли₃ ее₄’. Придаточные предложения могут заменяться инфинитивными оборотами, контролируемые одним из аргументов предиката главного предложения: *bʔaw_i [θ_i l-me^ʔḥḏ_{инф.}-ēh]* ‘Они_i стремились [θ_i схватить_{инф.} его]’, *lā meškah_i [θ_i l-me^ʔasāyu]* ‘Он не может_i [θ_i быть исцелен]’, *ʔal bʔaldḥāḥay-n paqd-an_i [θ_i l-merḥam_{инф.}]* *w-ʔal sān^ʔay-n da-nšalle_{фут.}* ‘Про наших противников он предписал **нам**_i [θ_i любить_{инф.} (их)], а про наших врагов — молиться (за них)’ (букв. ‘**чтобы** мы молились_{фут.}’).

Союз *d-* вводит также целевые придаточные: *hâydeñ ?appeqt-eh ruhä d-netnasse men säñânâ* 'Затем дух вывел его (вовне), чтобы он был испытан сатаной'.

Предложения реального условия вводятся союзами *?en* 'если' и *?ellâ* 'если не'. Глагольное сказуемое условных предложений в плане настоящего-будущего имеет форму футурума или (чаще) презенса: *?en ger nšum_{фут.} lâ nahloṭ...* 'Уж если он постыдится_{фут.}, то пусть не смешивает...', *?ellâ nâpeq_{през.} nâbah_{през.} beḥ mâre' ?ânâ pâraṭ beḥ* 'Если он не выйдет_{през.}, и не залает_{през.} на него, то хозяин овец убьет его'.

Условие, представляемое как нереальное, вводится союзом *?ellu* 'если бы'. В условных предложениях такого рода и в их аподосисах глагольное сказуемое чаще всего имеет форму претерита или перифразы *qâtel-^hwâ* (активное причастие с энклитическим претеритом глагола 'быть') независимо от временного плана условного периода: *w-[?]ellu lâ ?etkriw_{прет.} yawmâtâ hânnon lâ hâyē-^hwâ kol bsar* 'И если бы не сократились_{прет.} те дни, то не выжила бы никакая плоть'.

Таксис в придаточных предложениях развит слабо. Так, если точку отсчета для придаточного, занимающего позицию подлежащего или прямого дополнения, образует нарративное предложение, в таком придаточном обычно употребляются те же глагольные формы, что и в придаточных, ориентированных на момент речи. Ср. два приведенных выше примера: *?âdrâ d-... nehwe_{фут.} suyyâšâ* 'Полезно, чтобы... была_{фут.} помощь...' и *bšaw_{прет.}-^hwaw_{прет.} d-ne' hâdun_{фут.}-eh* 'Они стремились_{прет.} схватить_{фут.} его'. Едва ли не единственный случай, где регулярно появляется форма относительного времени, составляет употребление причастия с энклитическим претеритом глагола *hwâ* 'быть' (см. 2.3.6.) в придаточных относительных для выражения стативных ситуаций, образующих фон для главного предложения в повествовании: *w-men bâtar d-šal^w_{прет.} sleq^w_{прет.} l-hon l-šellitâ₁ hây d-hâweñ-^hwaw₂ b-âh peṭros w-yohannân* 'И после того, как они вошли_{прет.}, они поднялись_{прет.} в ту верхнюю комнату₁, в которой жили (букв. 'сущие-были₂') Петр и Иоанн'.

2.6.0. Заметную часть лексического фонда К.с.я. составляют заимствования из греческого и среднеперсидского языков, в контакте с которыми К.с.я. существовал в первой половине — середине I тыс. н. э.

Абсолютное и относительно количество греческих слов, которые можно обнаружить в стандартных словарях К.с.я., не подсчитано. По оценке К. Чанкальни (вероятно, преувеличенной), их доля сравнима с удельным весом слов романского происхождения в английском. Однако, как замечает та же исследовательница, заметная концентрация слов греческого происхождения, в том числе неадаптированных варваризмов и (возможно) окказиональных заимствований, характерна преимущественно для буквалистских сирийских переводов греческих вероучительных текстов в эпоху христологических споров.

Лексикон восточноарамейского вернакуляра, который стал основой К.с.я., включал некоторое количество грецизмов. Так, в текстах II-го — первой половины III вв. н. э., найденных на территории Осроэны, имеется немногим более 20 существительных греческого происхождения: это преимущественно терминология, связанная с римской администрацией, употреблявшаяся в формулярных частях документов частного права, например *hṛṭu'?* 'консульство' (< греч. ὑπατεία), *hpws* 'член сословия всадников' (< греч. ἵπλεῦς). Однако большинство грецизмов, появляющихся в корпусе К.с.я., было заимствовано сирийскими христианскими авторами из письменных греческих источников.

По этой причине количество заимствований из греческого в тексте сильно зависит от жанра. Например, в переводах Библии (как Ветхого, так и Нового Заветов) на К.с.я. и в исторических сочинениях доля грецизмов невелика, они в большинстве случаев хорошо адаптированы, а в переводах Библии почти нет глаголов с греческими этимонами. Так, в Пешитте на первую главу Книги Бытия есть лишь одно греческое заимствование (*gens-ā* ‘род, разновидность’ (м. р.) < греч. γένος), которое передает многократно встречающееся в этой главе древнееврейское существительное *min* ‘вид’ (термин естественнонаучной классификации флоры и фауны). По подсчету С. Брока, в Пешитте на Книгу Бытия в целом содержится всего 12 грецизмов.

В библейских переводах с греческого грецизмов больше, чем в переводах с древнееврейского. Так, в Пешитте на Евангелие от Матфея насчитывается 44 заимствования из греческого.

В ряде случаев сирийские переводы Нового Завета берут прямо из оригинала существительные с конкретными значениями, для которых с точки зрения переводчиков не нашлось точных эквивалентов в исконной лексике, например, *heḡmon-ā* ‘префект, губернатор провинции’ (< греч. ἡγεμών, в оригинальных текстах это слово часто употребляется в значении ‘игумен’) — мн. ч. *heḡmon-e*. Другим примером такого рода является слово *margāniṭ-ā* ‘жемчужина’ (< греч. μαργαρίτος): полная адаптация греческого термина проявилась в диссимилиации идентичных сонорных и в переразложении (сегмент *-it-* истолкован как словообразовательный суффикс и образовано множественное число *margānyāṭā* по модели существительных с суффиксом *-it-*, см. 2.4.0., замечание к парадигме 2.3). Множественное число *margānyāṭā* в оригинальных текстах имеет также значение ‘евхаристические дары’.

В сирийских хрониках значительная часть грецизмов и латинизмов (заимствованных, как правило, через греческий) — существительные, относящиеся к семантическому полю техники и военного дела, формально адаптированные в разной степени, например *klwnn* ‘черепаша’, т. е. ‘боевой строй воинов, перекрывающих друг друга читая при атаке городских стен’ (< греч. χελώνη ‘черепаша’, в том же переносном значении употребляется у греческих историков), *qāṭaraqṭ-ā* ‘шлюз’ (< греч. καταράκτης ‘водопад; опускная дверь’), *pʔsʔ* и *psʔ* [ḡassá] ‘ров, траншея’ — мн. ч. *ḡasse* (< лат. *fossa* ‘ров, траншея’, через посредство греческого), *moḡl-ā* ‘засов, стержень’ — мн. ч. *moḡl-in*, *moḡl-e* (< греч. μοχλός ‘стержень, рычаг’).

Иначе выглядит состав грецизмов в оригинальных теологических работах на К.с.я. Здесь можно привести данные о словарном запасе в корпусе, репрезентативном для К.с.я. эпохи его расцвета — в работах Афраата, первого известного нам христианского арамейского автора из Сасанидского государства. Согласно традиции, Афраат был настоятелем монастыря в районе древней Ниневии (совр. Мосул), его труды датируются 30–40 гг. IV в. Язык этого автора, носившего иранское имя, считается одним из чистейших образцов К.с.я. как литературного идиома. В сборнике, включающем 23 написанных им прозаических трактата (около 400 тыс. алфавитных знаков), имеется примерно 3 тыс. 100 лексем, из них немногим более 100 заимствований из греческого и не менее 15 иранизмов. Процент вхождений заимствованных словоформ в корпусе не подсчитывался, однако из словарей видно, что эти заимствования не относятся к окказионализмам и многие из них высокочастотны.

Двадцать греческих заимствований в этом корпусе — глаголы. К.с.я. неохотно заимствовал глаголы из несемитских языков (хотя, вероятно, несколько чаще, чем другие классические семитские языки). Однако он легко образовывал глаголы от много-

численных заимствованных существительных по моделям производных пород — точно так же, как от исконных существительных (см. 2.2.1., 2.3.5., 2.5.1.). Глаголы греческого происхождения в корпусе Афраата следуют этому правилу, ср., например К *ʔaksar* ‘изгонять’ < *ʔeksariyá* ‘изгнание’ (греч. ἐξορία), D *dammes* ‘закладывать основание, строить’ < *doms-á* ‘дом’ (< греч. δόμος ‘дом’), D *pantes* ‘вызывать в сознании образы; создавать иллюзии’ < *pantasiyá* ‘чувство (в смысле ‘любое из пяти чувств, которыми мы воспринимаем мир’), ‘способность создавать ментальные образы’ (< греч. φαντασία ‘способность создавать ментальные образы’); однако D *qaṭṭes* ‘привести в порядок’, возможно представляет собой заимствование греческого аориста κατέστρεε (форма глагола со значением ‘положить, установить, расставить по порядку’).

В К.с.я. существительные-грецизмы служат основами и в других высокопродуктивных словообразовательных правилах. Так, от них образуются наречия с помощью суффикса *-áʔit* (*nâmos-áʔit* ‘в соответствии с законом’), а также абстрактные существительные с помощью суффикса *-ut* и относительные прилагательные с помощью суффикса *-âu* (см. примеры в 2.5.2.).

Чаще всего заимствовалась основа греческого существительного, получавшая сирийскую флексию: зап.-сир. *ʔepisqop-oʔ* ‘епископ’ — мн. ч. *ʔepisqop-e* (< греч. ἐπίσκοπος). В других случаях сирийскую флексию получала греческая форма именительного падежа единственного числа, часто для «трехконсонантизации» заимствования: *nâmos-á* ‘закон’ — мн. ч. *nâmos-e* (< греч. νόμος).

Слабо адаптированные заимствования сохранили в единственном числе греческую форму номинатива и не получили сирийской флексии, а во множественном числе обнаруживают греческую флексию аккузатива множественного числа разных типов склонений (часто «неправильную» с точки зрения греческой грамматики) либо сирийские суффиксы множественного числа: *dyʔtyqu* [diʔat̪eʔe] ‘завет’ — мн. ч. *diʔat̪eʔ-as*, *diʔat̪eʔ-us*, а также с сирийским суффиксом *diʔat̪eʔ-in* (< греч. διαθήκη ‘завещание, завет’), *b̪emaʔ* ‘престол, амвон, помостки’ — мн. ч. *b̪ema-ṭaʔ*, *b̪em-as* (< греч. βῆμα ‘ораторская кафедра, судейское сиденье’ — ном.-акк. мн. ч. βῆμα-τα).

В исконной лексике К.с.я. есть семантические кальки с греческого; например существительное *sâhdâ* ‘свидетель’ приобрело также значение ‘мученик за веру’, калькируя в этом значении греческое μάρτυς ‘свидетель; мученик’, а глагол *šabbah* ‘восхвалять’ и существительное *tešbuhtâ* ‘прославление’ усвоили значения ‘мнение’ и ‘иметь мнение’, следуя греческим словам δοξάζω ‘полагать; прославлять’ и δόξα ‘мнение; слава’.

С VI в. и особенно в эпоху после арабского завоевания количество грецизмов в текстах на К.с.я. резко возрастает.

Сведения об и р а н и з м а х в К.с.я., приводимые в настоящем описании, почерпнуты преимущественно из этимологического словаря иранских заимствований в К.с.я., составленного К. Чанкальини.

В словаре приводится этимология около 800 слов иранского происхождения, обнаруженных автором в словарях К.с.я. и другой научной литературе. Часть этих иранизмов засвидетельствована лишь в текстах на К.с.я., созданных после завоевания Месопотамии арабами. Если по фонологическим или другим формальным критериям не удастся установить, что источником этих заимствований был среднеперсидский, автор считает их заимствованными из новоперсидского — напрямую или через посредство арабского.

Из числа иранизмов, имеющих в К.с.я., около 40 засвидетельствованы также в имперском арамейском, официальном языке персидской Ахеменидской империи в конце VI–IV вв. до н. э. Фонологический облик этих иранизмов в К.с.я. часто указывает на то, что они были заимствованы в арамейский из древнеперсидского, то есть еще в Ахеменидскую эпоху. Эти заимствования хорошо интегрированы в сирийское именное словоизменение, многие из них относятся к частотной культурной лексике К.с.я., не ассоциирующейся с описанием специфически персидской жизни, например *ʔāppadn-ā* ‘дворец, цитадель’ (др.-перс. *apadāna-*), *dayw-ā* ‘демон’ (с многочисленными дериватами, именными и глагольными; др.-перс. *daiva-*); *petġām-ā* ‘слово, изречение; библейская цитата, поэтическая строка; дело, вещь’ (др.-перс. **patigāma-* ‘весть’), *ward-ā* ‘роза’ (в многочисленных композитах имеет значение ‘цветок’, др.-перс. **vr̥da-* ‘роза’), *ptakr-ā* ‘статуя языческого божества’ (др.-перс. **patikara-* ‘образ’). Такие иранизмы могли попасть в К.с.я. из имперского арамейского либо быть заимствованными языком-предком К.с.я. непосредственно из древнеперсидского. В К.с.я. имеются также иранизмы, отсутствующие в имперском арамейском, фонологический облик которых тем не менее указывает на староиранский источник, например *zawtr-ā* ‘лепешка, предлагаемая идолам’ < авест. *zao ʔrā* ‘возлияние, жертвоприношение’.

К. Чанкальни показала, что среднеперсидские слова обычно заимствовались в К.с.я. в их фонетической, а не орфографической форме. Вероятно, это свидетельствует о том, что на Востоке христианские арамейские писатели (и, следовательно, многие другие образованные христиане) были билингвами. Возникающий в этой связи вопрос о соотношении иранизмов в западных и восточных текстах, созданных в эпоху расцвета К.с.я., к сожалению, не изучен.

Заимствования из среднеперсидского в значительной своей части относятся к сасанидским реалиям и принадлежат преимущественно к следующим семантическим полям: право, политика, администрация, военное дело — *šhnšh* ‘царь царей’ (титул сасанидских монархов) < ср.-перс. *šāhānšāh*, *r?d*, *rd* ‘губернатор провинции’ < ср.-перс. *rad* ‘лидер, господин’, *pdkšr* ‘правитель’ < ср.-перс. *padixšar* ‘достоинство, ранг’, *qrwgbd* ‘начальник ремесленников’ < ср.-перс. *kirrōgbed*, *ʔsph* ‘армия’ < ср.-перс. *spāh*, *nbštġ* ‘письменный документ’ < ср.-перс. *nibištāg*; религия — *ʔbstġ* ‘Авеста’ < ср.-перс. *abestāg*, *yzd* ‘бог’ < ср.-перс. *yazd*, *šnwmn* ‘искупительное жертвоприношение’ < ср.-перс. *šnūman*, *mwbdn mwbd* ‘главный Маг’ < ср.-перс. *mowbedān mowbed*, *nsk* ‘раздел Авесты’ < ср.-перс. *nask*; ботаника, фармакопея, медицина — ср.-перс. *yasm-ā* ‘жасмин’ < ср.-перс. *yāsaman*, *grmdng* ‘лекарственное средство’ < ср.-перс. **garmdānag*, *drstbd* ‘главный врач’ < ср.-перс. *drustabed*, *mwšk* ‘мускус’ < ср.-перс. *mišk*, *ʔmbr* ‘амбра’ < ср.-перс. *ambar*; минералы — *ʔlms?* ‘бриллиант’ < ср.-перс. *almās(t)*, *belur-ā* ‘берилл’ < ср.-перс. *bēlūr*, *dhng* ‘малахит’ < ср.-перс. **dahanag*.

Часть существительных, заимствованных из среднеперсидского, приняла суффикс нормального статуса: *yasm-ā* ‘жасмин’. Такие существительные могут образовывать множественное число нормального статуса.

К основам существительных, заимствованных из иранских языков (в том числе из среднеперсидского), применяются продуктивные правила отыменного словообразования К.с.я. В частности, от них образуются отсубстантивные прилагательные (суффиксы *-ān* и *-āy*), диминутивы (суффикс *-on*) и абстрактные имена (суффикс *-u*), см. примеры в 2.5.2. В К.с.я. нет глаголов, заимствованных напрямую из иранских языков, однако имеются глаголы, образованные по продуктивным моделям (см. 2.5.1.) от субстантивных основ, представляющих собой хорошо адаптированные заимст-

ния из иранских языков I тыс. до н. э.: *zayyen* 'вооружать' < *zayn-ā* 'оружие' (< мид. **zaina-*), *razzez* 'иметь мистический смысл' < *rāz-ā* 'тайна' (< мид. *rāza-*), *mgaš* 'следовать ритуалам магов' (G-порода, непродуктивная как модель деноминативов), D-порода *maggeš* 'колдовать' < *mḡuš-ā* 'маг (зороастрийский жрец)' (< др.-перс. *maguš*).

Насколько известно, от именных основ, заимствованных из среднеперсидского, глаголы не образовывались. В этом отношении среднеперсидские заимствования отличаются от грецизмов.

По данным С. Кауфмана, в К.с.я. имеется 128 лексем, заимствованных из а к к а д с к о г о. Из них 107 присутствуют также в имперском арамейском языке (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании), другие засвидетельствованы в арамейских языках, современных К.с.я., например: *bʿeldbābā* 'противник, враг' — мн. ч. *bʿeldbābe*, с дериватом ж. р. *bʿeldbābt-ā*, (< аккад. *bēl dabābi* 'процессуальный противник'), *maškān-ā* 'залог' (< аккад. *maškānu* 'залог'). Согласно Кауфману, в К.с.я. есть 14 аккадизмов, не засвидетельствованных в других арамейских языках, например: *tapp-ā* 'ручей' < аккад. *atappu* 'канавы', *ʔaḡur-ā* 'обожженный кирпич' < аккад. *agurru*, *nāmart-ā* 'клетка' < аккад. *nabārtu*, *kar d-* 'там где' < аккад. *kāru* 'пристань, причал' (принято считать, что это наречие этимологически связано с многочисленными ассирийскими сложными топонимами, начинавшимися с элемента *kār-*).

Д р е в н е е в р е й с к и е слова заимствованы преимущественно из текста Ветхого Завета. К гебраизмам принято относить в частности следующие существительные: *nḥiy-ā* 'пророк' (< др.-евр. *nābi*'), *ʔeʔtt-ā* 'церковь' (< др.-евр. *ʔeḏā* 'собрание'), *šabt-ā* 'суббота; неделя' (< др.-евр. *šabbāt* 'суббота', последний согласный этимона интерпретирован при заимствовании как показатель женского рода), *thom-ā* 'морская пучина' (< др.-евр. *təhom*), *rqīʕ-ā* 'небесная твердь' (< др.-евр. *rāqīʕ*). Представление о заимствованном характере некоторых слов из этого списка (например *nḥiy-ā* 'пророк') основано скорее на их семантике, чем на фонологических или иных формальных критериях.

2.7.0. У К.с.я. как литературного языка нет устных диалектов. Традиционно выделяемые в К.с.я. восточный и западный диалекты (1.2.1.) различаются преимущественно вокализмом (2.1.1.): в период упадка К.с.я. после арабского завоевания чтение (преимущественно) литургических текстов было зафиксировано посредством знаков для гласных и других диакритик (1.4.0.). В историческом плане расхождения между восточным и западным вокализмом представляют собой наиболее ранние свидетельства о возникновении, еще в доарабский период, живых диалектов, которые стали предками восточных новоарамейских языков: вероятно, предками языков вроде туройо в верхней Месопотамии (т. е. на западе новоарамейского региона) и северо-восточных новоарамейских языков в районе оз. Урмия (на востоке новоарамейского региона), см. об этом статьи «Арамейские языки» и «Новоарамейские языки» в наст. издании.

ЛИТЕРАТУРА

Brock S. Some Observations on the use of Classical Syriac in the Late Twentieth Century // *JSS*, 1989, vol. 34.

Brock S. Greek Words in Syriac: Some General Features // *Scripta Classica Israelitica*, 1996, vol. XV.

Brockelmann C. *Lexicon Syriacum*. Halle, 1928 [Berlin, 1892].

- Brockelmann C.* Syrische Grammatik mit Literatur, Chrestomatie und Glossar. Leipzig, 1962 [Berlin, 1905].
- Ciancaglini C.* Iranian Loanwords in Syriac. Wiesbaden, 2008.
- Denz A.* Strukturanalyse der pronominalen Objektsuffixe im Altsyrischen und klassischen Arabisch. München, 1962 [неопубликованная диссертация].
- Drijvers H., Healey J.* Old Syriac Inscriptions of Edessa and Osrhoene: Texts, Translations and Commentary. Leiden et al., 1999.
- Duval R.* Traité de grammaire syriaque. Paris, 1881.
- Goldenberg G.* On Syriac Sentence-Structure // G. Goldenberg. Studies in Semitic Linguistics. Jerusalem, 1998.
- Kaufman S.* The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago, 1974.
- Muraoka T.* Classical Syriac. A Basic Grammar with a Chrestomathy. Wiesbaden, 1997.
- Nöldeke T.* Kurzgefasste syrische Grammatik. Darmstadt, 1966 [Leipzig, 1898].
- Payne Smith R.* Thesaurus Syriacus. Oxford, 1879–1901, t. 1–2.
- Rompay L. van.* Some Remarks on the Language of Syriac Incantation Texts // *Orientalia Christiana Analecta*, 1990, vol. 236.
- Rundgren F.* Das altsyrische Verbalsystem. Vom Aspekt zum Tempus // *Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis*, Jan. 1958 – Dec. 1960, b. 11.
- Schall A.* Studien über griechische Fremdwörter im Syrischen. Darmstadt, 1960.
- Segal J.* The Diacritical Point and the Accents in Syriac. London, 1953.
- Segal J.* Quššaya and Rukkaḡa: A Historical Introduction // *JSS*, 1989, vol. 34.
- Voigt R.M.* Die Verba primae *w* und *j* im Syrischen // *Orientalia Suecana*, 1994–1995, vol. 43–44.
- Voigt R.M.* Das Vokalsystem des Syrischen nach Barhebraeus // *Oriens Christianus*, 1997, Bd. 81.
- Voigt R.M.* Das emphatische *p* des Syrischen / R. Lavenant (ed.). Symposium Syriacum VII: Uppsala University, Department of Asian and African Languages, 11–14 August 1996. Rome, 1998.
- Wertheimer A.* Syriac Nominal Sentences // *JSS*, 2002, vol. 47.

Л.Е. Коган, С.В. Лёзов

МААЛУЛЫ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Маалулы язык (М.я.) — реликтовый западноарамейский язык, сохраняющийся в устном употреблении среди жителей деревни Маалула (араб. *Maʿlūla*) в Сирии.

1.1.1. Названия на основных европейских языках: англ. *Western Neo-Aramaic*, нем. *das Neuwestaramäische*, франц. *le néo-araméen occidental, le dialecte de Maalula*. Наиболее распространенное самоназвание М.я. — *siryōn* 'сирийский (язык)'. Согласно В. Арнольду, в последнее время под европейским влиянием стало употребляться также обозначение *arōṯay* 'арамейский (язык)'. В европейской научно-популярной литературе М.я. нередко называют «языком Христа» (нем. *die Sprache Christi*). Это обозначение отражает распространенное представление, по которому М.я. напрямую восходит к арамейскому языку, на котором говорил Иисус. Как сообщает В. Арнольд, калька с этого выражения (*loṯ-l mšīḥa*) в настоящее время употребительна и среди носителей М.я.

1.1.2. М.я. является представителем западноарамейской подгруппы. На некоторые специфически западноарамейские особенности М.я. указал еще Т. Нёльдеке: префиксация *y-* в 3-м лице единственного числа мужского рода префиксального спряжения,